

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Annotation

Детектив-экстрасенс Яна Милославская берется помочь попавшей в нелегкую ситуацию девушке легкого поведения Насте. Ее обвиняют в убийстве крупного бизнесмена во время оргии, но Яна догадывается, что дело обстоит совсем не так. И ей удастся это доказать...

- [Анастасия Валеева](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
-

Анастасия Валеева
СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Ну и погодка! — потянулся на постели Санталов, — только и остается, что трахаться да горькую пить.

Настя вздохнула и провела рукой по его широкой волосатой груди. Он расплылся в довольной улыбке.

— Слушай, — фамильярным тоном обратился он к ней, — ты где раньше была? — Мы могли бы кувыркаться с тобой еще пару месяцев назад.

— Почему пару? — надула губы Настя.

— Потому что... — Санталов с деланно озадаченным видом почесал затылок. — Ну, Витька, ну, подвинтил!

— Давай-ка я тобой займусь, — лукаво улыбнулась Настя, сползая к его животу. — Сними простынку, в квартире жаррища... Ты же у нас стройненький козлик...

Она дурашливо хихикнула. Настя умела обращаться с мужчинами. Один из ее постоянных клиентов посоветовал ей «заняться» Санталовым, гарантируя «отличный результат». Он познакомил ее с Санталовым неделю назад, и Юрий каждый раз впадал в восторг от всех этих штучек, которыми Настя имела обыкновение потчевать свою клиентуру.

Настя была не просто умелая жрица любви, способная пофантазировать в постели, поэкспериментировать, а иногда и подыграть какому-нибудь проблемному клиенту. Она славилась своей оригинальной внешностью: бледная кожа, светлые шелковистые волосы, закрывающие лопатки, синие глаза. Фигурка тоже была что надо. Подтянутая, худенькая, с крепкой объемной грудью и стройными ногами, Настя производила неизгладимое впечатление на мужиков. Раньше она работала в клубе, якшаясь с непроверенными клиентами и сутенерами, но теперь обслуживала исключительно богатеньких и влиятельных дядечек. И этот ее бизнес принес неплохие плоды. Три года назад ее родители стали жертвой обмана, потеряли квартиру. И вот Настя купила им двухкомнатную квартиру. Ни мать, ни отец не знали, чем она занимается. Или делали вид, что ни о чем не догадываются.

— А-а, — тяжело и гулко задышал Санталов, выше откинувшись на подушку. — Хо... Хорошо, еще, еще давай...

Юрий открыл рот и ловил воздух, словно выброшенная на песок рыба. Его лицо являло собой прелюбопытное зрелище — его раздирали мука и

наслаждение, прочерчивая на нем зигзаги гримас.

— Ну... ну... — Санталов снова учащенно задышал и тут же издал глубокий стон: его накрыла волна наслаждения.

Настя проглотила бесплатный источник ценных белков и плотоядно облизнулась. Она знала, что мужикам нравился этот ее вполне животный жест. Несмотря на всю его животность было в нем что-то утонченно-извращенное и пленительное, как казалось ей. Санталов смотрел на нее благодарным и одновременно властным взглядом.

— Ну что, сладкий мой, — сощурила она свои синие бесстыжие глаза, — время собираться.

Санталов непонимающе взглянул на нее, потом протянул руку к прикроватной тумбочке и, пошарив по ней, достал часы — золотой «Ролекс».

— Блин, — встрепенулся он, — ну и время летит! Меня уже, наверное, Виктор ждет. Эх и достала ты меня, — он игриво хлопнул Настю по аппетитной попке.

Она выставила ее и поводила ею из стороны в сторону. Санталов не удержался и кинулся на Настю, накрыл сверху своим могучим телом.

— Ай-я-яй, — засмеялась Настя, — этак ты меня раздавишь, негодник.

Санталов имел средний, если не сказать посредственный темперамент. Она сразу это определила, после первого же контакта. Его достоинство было в другом: он сравнительно легко поддавался дрессировке. Настя полагала, что Санталов «голодает». Его ласки поначалу не отличались ни каким-то особым умением, ни особой страстью. Это она его расшевелила, расшевелила так, что теперь стоит ему ее увидеть, как его руки непроизвольно тянутся к ней под юбку.

Поманеврив над милым женским задиком, Санталов внезапно оттолкнул Настю и сел на кровати. Потом встал, подошел к креслу, на котором висел его пиджак от Армани, порылся во внутреннем кармане, выудил пятидесятидолларовую купюру и кинул на постель.

— Что это? — недоуменно посмотрела на него Настя.

Положенное за час работы вознаграждение она уже получила, поэтому новая доза зелени вызвала у нее законное удивление.

Санталов молча и пренебрежительно кивнул. Потом приказал Насте собираться. В этом грубом тоне и приказе не было нужды. Настя уже скучала, она не чаяла покинуть эту снятую ее «козликком» двухкомнатную, неплохо обставленную квартиру и пообедать.

Она покосилась на бутылку «Абрау-Дюрсо». В холодильнике имелся сок, а вот с минералкой у этого дядечки сроду напряг.

Санталов спешно одевался. Глотнув из рюмки апельсинового сока — он был за рулем — нацепил своего «Армани» и озабоченно взглянул на часы.

Уже в машине он заговорил о том наслаждении, которое Настя ему сегодня доставила. Настя смотрела на его жесткий профиль, на узловатые руки, лежавшие на руле...

— Я видел, ты тоже торчала, — удовлетворенно брякнул он, окинув ее пренебрежительно-покровительственным взглядом. — В групповушке не хочешь поучаствовать?

Санталов любил строить из себя такого распущенного типа. «Рисуетса, как мальчишка», — мелькнуло в голове у Насти. Она прощала ему все эти дешевые трюки, всю эту сексуальную патетику. Да и не могла иначе, поскольку Санталов платил щедро и быстро.

— Что за групповушка? — выразила она чисто профессиональный интерес. — И во что это тебе обойдется? — кокетливо спросила она.

— Это не твое дело, во что мне все это встанет, — бросил через губу Санталов. — Так что?

— Какой состав?

— Я, ты и еще одна парочка, — криво усмехнулся Санталов. — Ну так как?

— Я не против, — пожала плечами, — но деньги вперед.

— Я все обмозгую, — хитро улыбнулся он, — ты в накладе не останешься.

— Надеюсь, — жеманно вздохнула Настя. — Когда?

— Я тебе позвоню, — в свою очередь зевнул Санталов, сделавшись вдруг меланхоличным.

— А вдруг у меня клиент будет? — игриво подмигнула Настя.

— Договоримся, — Санталов резко крутнул руль, — пятьдесят зеленых в час, — намекаяюще улыбнулся он.

— Я подумаю, — хитро посмотрела на него кокетничающая Настя.

— Хватит из себя Бриджитт Бардо корчить, — фамильярно одернул ее Санталов. — Жрать хочется, — вдруг сменил он тему.

— На тебя всегда после этого жор нападает, — беззаботно заметила Настя, — я тоже, признаюсь, заморила бы червячка.

— Тебе проще, — вздохнул Санталов и высадил ее у ресторана, кухня которого всегда вызывала у него изжогу.

Он бросил косой короткий взгляд на красную «Нексию», стоящую возле ресторана, и, оборвав на полуслове ударившуюся неожиданно в сентиментальность (это тоже было частью игры с клиентом) Настю, резко

стартанул с места.

* * *

Оксана сняла и отдала гардеробщице, черноволосой пухленькой девушке с озорными раскосыми глазами, свое экстравагантное пальто из искусственного меха, свисавшего длинными нерасчесанными прядями сакраментального небесно-голубого цвета. Черное трикотажное платье, закрывающее ее лодыжки, делало ее вдвойне стройной, одновременно подчеркивая ее соблазнительные формы. Оксана немного неуютно чувствовала себя в парике, приобретенном в дорогом бутике. Его цвет — серебристо-платиновый — как ей казалось, привлекал к ней излишнее внимание.

Оксана всегда стремилась к легкому эпатажу, порой недоумевая откуда берется это желание. Внутри у нее частенько неприятно холодело, когда она замечала, что несколько пар мужских и женских глаз таращатся на нее с жадным любопытством. Если «зрителями» были мужчины, раздражающая прохлада, рождавшаяся в глубине души, вскоре переходила в пушистую щекотку, точно по проводу передававшую ее глазам провокационно-лукавое выражение, а губам — меланхолично-усталую улыбку, как бы говорящую, что Оксане не впервой притягивать лихорадочно-плотоядные взоры сильной половины человечества.

Тонкая золотая «змейка» на ее запястье скользнула вниз. Оксана подошла к огромному зеркалу в претенциозной бронзовой раме, достала из сумки косметичку, припудрила лицо и, оглядев свою фигуру критическим взором, двинулась в зал.

Ресторан «Золотое плато» был выбран ею сегодня наугад. Она не раз проезжала мимо него в своем новеньком авто, подаренном ей мужем на день рождения. «Нексия» казалась ей такой же женственной, как и она сама. Она заказала красный цвет, ибо где-то прочла, что пристрастие к этому цвету отличает эксцентричных и экзальтированных особ.

Оксана всеми правдами и неправдами хотела выглядеть одной из них. Тайный инстинкт подсказывал ей, что некоторая странность в поведении, демонстрируемая ею повсеместно, некий сплав женской чувствительности и детской беззаботности позволит ей избежать ответственности за некоторые неблагоприятные поступки, если таковые ей доведется совершить. В общем, Оксана полусознательно-полубессознательно работала на имидж богатенькой и впечатлительной ценительницы всего прекрасного и

сказочного. Она предпочитала яркие цвета, умопомрачительно резкие контрасты, черные простыни и дорогие украшения. Благо, Юра, ее муж, мог доставить ей удовольствие приобретать последние.

Сегодняшний день стал для Оксаны вехой. Она сама еще толком не отдала себе отчета в этом. И теперь, усаживаясь на мягкое гобеленовое сиденье и принимая меню из ласковых рук заученно улыбающейся официантки, она силилась примерить на себя новую роль, коей отчетливые контуры придало известие, подкрепленное неопровержимыми фактами. Она еще не знала, как надлежит в подобных обстоятельствах вести себя взбалмошной кокотке, каковой она мечтала быть. Юра одним сильным штрихом перечеркнул этот ее имидж, и, отстаивая последний, она вносила в свой образ мыслей и чувств необходимые коррективы.

— Салат из морской капусты, сен-жюльен, моренго и минеральную воду, — сдавленно произнесла она.

Голос выдавал ее волнение. А она хотела выглядеть немного небрежной и отстраненной. Где-то она вычитала, что Мадонна пьет за обедом исключительно минеральную воду, и поэтому решила сфокусировать свое внимание на этом недорогом источнике вечной молодости и полезных для организма веществ. Официантка, которой, откровенно говоря, было начхать на Оксанин имидж с высокой колокольни, еще раз дежурно улыбнулась, застенографировала заказ в маленьком блокнотике, который моментально достала из кармана на симпатичном переднике, и заскользила по ковровину к стойке.

Конечно, Оксана могла назначить свидание в каком-нибудь кафе быстрого обслуживания, ведь намеченная встреча носила чисто деловой характер. Но ее всегда раздражала царящая в таких кафе суматоха, поднимающийся от кастрюль пар и сконцентрированно-жадное выражение, не сходявшее с лиц обедавших в подобных забегаловках граждан. Ее имидж, да и просто хороший вкус требовали чего-то более спокойного и фешенебельного. Она посмотрела на часы, маленькие золотые часики, купленные опять же Юрой, и удовлетворенно улыбнулась. Внимательный наблюдатель различил бы в этой улыбке оттенок злорадства и тревоги.

Сначала она решила делать вид, что ее не касается то, о чем она узнала. Она повторяла себе, что поручила проверить некое мероприятие этому малоприятному субъекту, которого теперь ожидала, исключительно из праздного любопытства. Все-таки речь шла о ее семье. Она была почти всем обязана мужу, он просто купил ее. На протяжении пяти лет Оксана упорно вбивала себе в голову, что любит его, что деньги здесь ни при чем. Да, она была красива, и Юра приобрел ее со всеми потрохами. Ему

доставляло удовольствие таскать ее по вечеринкам и демонстрировать как достойный восхищенного внимания экспонат своим друзьям и деловым партнерам.

Она и сама получала от этого осмотра удовольствие, маленькое удовольствие из разряда мелких тщеславных страстишек, которые считала неотъемлемой частью жизни эксцентричной особы, представление о коей всеми силами старалась вселить в сердца других людей. В этой тихой, как квартира старой девы предпенсионного возраста, радости, было что-то скользкое и гадливое, что-то лягушачье, поквакивающее и сырое, отчего даже у такой мало рефлексирующей девушки, как Оксана, частенько сквозил в душе неуют.

Сартр определил бы это существование как насквозь невротическое и истерическое, как постоянное предательство самой себя, как неподлинность. Но Оксана не читала Сартра и иже с ним, она путала имидж и собственное «я», да и образ последнего, надо сказать, был настолько смутным, увешанным мишурой и выдумками, что в лучшем случае напоминал Оксанино манто из голубого искусственного меха.

— Пожалуйста, — выросшая точно из-под земли официантка принялась выставлять на стол тарелки.

Оксана вздрогнула и снова посмотрела на свои «Пьяже», кокетливо блеснувшие золотой оправой и дымчато-серым циферблатом. Посмотрев же, сделала недовольное лицо и криво улыбнулась официантке, как бы благодаря за расторопность. Потом взяла салфетку, меланхолично потеряла ею вилку и нож, грустно зевнула и ковырнула салат.

Она снова мысленно вернулась к Юре, к их солидному загородному дому, к их расположенной в самом центре города квартире, к их веселым вечеринкам, к их ночам... Что же она делала не так? Или это он во всем виноват? Просто приелось ему «скромное обаяние буржуазии», решил покуралесить... Нет, она не может так этого оставить, не хочет! Оксана зябко передернула плечами. А вдруг он пошлет ее куда подальше?

Она еще пуще задумалась. Может, поиграть в стерву — возмущенную, избалованную, капризную? Еще один оттенок к имиджу. Или закрыть на все глаза? Мечь требует плана, а составить оный, — чувствовала она, — у нее нет сил. По крайней мере сейчас. Торопиться некуда, она все обдумает, взвесит, измерит и тогда уже...

— Добрый день, — неслышно подсел к ней очкарик с дряблыми чертами лица, по которым скользил слабый солнечный лучик, пробивавшийся сквозь занавески, — миленький ресторанчик.

— Принесли? — небрежно поинтересовалась она.

Оксана от Юры усвоила манеру разговаривать с людьми, которым платила: с парикмахершами, официантками, продавщицами, массажистками. Здесь требовалась жесткость и официальность. Ни малейшей теплой искорки, никакого панибратства!

Очкарик, мужчина лет тридцати, одетый в унылый серый костюм, заговорщически кивнул и нагнулся над столом.

— Четыреста, — вполголоса произнес он, — как и договаривались.

Оксана открыла изящную сумочку французской торговой марки «Скарабей», опять же Юрин подарок, и достала расшитый причудливыми бисерными вензелями кошелек, больше похожий на ридикюль. Отсчитала несколько зеленых купюр и положила перед очкариком. Он пересчитал и быстрым птичьим движением спрятал деньги в карман пиджака.

— Остальные получите после того, как я увижу, чего стоит ваша работа, — высокомерно заключила она.

* * *

Слегка развинченной походкой Настя направилась к ресторану. Оскорбительная поспешность, с которой с ней простился Санталов, ничуть не поразила ее, просто еще раз напомнила, что, несмотря на статус дорогой жрицы любви, она все же проститутка. Да, порой от своих богатых и не слишком счастливых клиентов ей приходилось выслушивать такие признания и жалобы на тяготы сытой, но беспокойной жизни! Но эти нытики никогда не упускали шанс поставить ее на свое место, подчеркнуть деловой аспект их отношений.

Поначалу, еще работая у Мурашова, Настя весьма болезненно воспринимала подобные замечания, а то и просто жесты, указующие на ее социальную роль. Со временем она усвоила практику относить эти почти незауалированные требования субординации на счет служебных издержек. Иногда, правда, ее хваленое умение «не вешать нос» не могло избавить ее от горького привкуса во рту, и тогда единственным утешением для нее становилась горсть зеленых бумажек, лежащих в кошельке, да еще сознание, что ее драгоценные клиенты не отличаются ни особым воображением, ни особой одаренностью на предмет счастья.

Она мысленно послала к черту Санталова, пожелала всех благ его дуре-жене и вошла в щебечущий симпатичным фонтанчиком холл ресторана. Зеленый ковролин под ногами, обитые зеленым сукном стены подействовали на нее успокаивающе, а лукавая улыбка обаятельного парня

в синем пуловере и кожаных брюках, небрежно принявшего номерок из рук пухленькой гардеробщицы и теперь смотрящего в зеркало на Настю, настроил на оптимистический лад. У парня были черные волнистые волосы, открывавшие покатый лоб, немного широковатый нос, гладкая смуглая кожа и красивый дерзкий рот. Карие глаза лучились затаенной симпатией и веселым азартом.

Одарив незнакомца томным взглядом, Настя первой вошла в зал. Ей нравился этот ресторан, его немного тяжеловатый шик. В претенциозности интерьера было что-то старомодное и воркующее. Она знала, сколько усилий нужно приложить, чтобы отодвинуть массивный стул с мягким гобеленовым сиденьем с точностью, которая открыта скорее не разуму или чувствам, а самым простым ощущениям, открыта рукам, привыкшим к резным спинкам и немного шершавой поверхности дорогой ткани, рукам, чьи осязательные рефлексy незаметно перетекли и, подобно остывшей лаве, застыли в русле отточенного автоматизма.

Ее тихая, мечтательная улыбка, в которой присутствовали сладкая усталость и толика обычного разочарования, приобрела оттенок спокойной уверенности. В зале сидело всего три человека: пожилой дородный мужчина и странная парочка — смазливая, хорошо одетая блондинка с нетерпеливым выражением на лице и ничем не примечательный очкарик.

Настя села за столик у окна, так, чтобы можно было обозревать зал. Попавшийся ей в гардеробе парень приземлился в глубине зала. Теперь он не смотрел на нее. Он зевнул и взял со стола меню. Еще через секунду к Насте подошла высокая девица в белом переднике. Не глядя в меню, Настя заказала овощной салат, минеральную воду, цыпленка в белом вине и взбитые сливки. Потом вдруг поморщилась, подумав, что в целях поддержания стройности фигуры от такого десерта лучше отказаться, но менять ничего не стала. «Я трачу массу энергии, забавляя всех этих парней», — самодовольно подумала она и достала из сумочки зеркалаце.

Улыбнувшись своему отражению, она скосила глаза на парочку. Мужчина, одутловатое лицо которого могло свидетельствовать о болезни почек, как, впрочем, и сердца, передал небольшой сверток блондинке. Та с небрежным видом приняла его и, открыв сумку, переливчатая кожа которой привлекла Настино внимание, достала небольшой кошелек. Передав мужчине деньги, она щелкнула замком и обвела зал высокомерным взглядом. Настю не обманул этот взор — он был призван скрыть некоторую растерянность и тревогу. Нервные жесты выдавали блондинку. В ее судорожных движениях и гримасах было что-то от смутной вины и агрессии зажатого подростка.

Настя отвела глаза и снова непроизвольно улыбнулась. В этот момент официант суетливо поднялся со стула и быстро зашагал к выходу. Официантка принесла заказ. Настя скосила глаза на симпатичного брюнета. Он с индифферентным видом разглядывал стены заведения. Настя тихо хихикнула, непонимающе пожала плечами и протянула руку к фужеру с минеральной водой.

С первым глотком к ней почему-то вернулась мысль о Стереолопулосе, ее греческом клиенте. Она почувствовала странную щекотку в нижней части живота. Ее губы тронула плотоядная усмешка. Вслед за этим ее глаза снова нашли брюнета. Их взгляды встретились. Настя кокетливо опустила ресницы. Она нутром знала как понравится мужчине, но этот брюнет, казалось, вежливо игнорировал ее артистические пассы. Настя надула губки и, наклонив голову вбок, потерлась щекой о правое плечо.

Блондинка пыталась всем своим видом демонстрировать скуку. У нее это, однако, плохо получалось. Нервозность давала о себе знать, и все старания смирить тревожные импульсы только оттеняли ее жаркие всполохи. Настя перевела взгляд с блондинки на брюнета. Парню тоже принесли заказ. Он протер вилку и нож салфеткой, но вместо того, чтобы приняться за еду лукаво улыбнулся блондинке. Та не заметила этой адресованной ей улыбки, она была слишком поглощена своими думами. По ее кукольному личику пробегали тени, она хмурила брови, кривила губы, потом вдруг, как бы спохватившись, обводила зал рассеянным и в то же время торопливым взглядом и снова опускала глаза в тарелку.

«Тоже играет», — мысленно усмехнулась Настя.

Глотнув вина, брюнет неожиданно поднялся и, даже не взглянув на Настю, направился к блондинке. Настя почувствовала неприятное сосание под ложечкой и немедленно подцепила вилкой горку слипшейся капусты. Она почти ревновала. Настя со всей простотой, присущей многим проституткам, в том числе и дорогим, полагала, что она неотразима и была уверена, что стоит ей улыбнуться или томно взглянуть в лицо какому-нибудь олуху, как тот тут же воспламенится. Она путала свои профессиональные навыки с абсолютной способностью нравиться и возбуждать, присущей женщине вообще. Обилие мужчин, желающих лишь переспать с ней, она наивно отождествляла с когортой сказочных принцев, жаждущих отдать за нее жизнь. Холодный прагматизм и рассудительность поразительным образом сочеталась в ней с инфантильной уверенностью в собственной неотразимости и романтическими бреднями а ля Вальтер Скотт.

Поведение брюнета было прямым ударом по этой ее согревающей

душу убежденности в собственной обольстительности. Охваченная беспокойством блондинка, значит, сумела вызвать к себе интерес, а она, яркая и уверенная в себе — нет! Неслыханно!

Увидев парня, блондинка как-то растерянно заморгала. Потом вдруг все ее красивое и спесивое лицо застыло и уподобилось каменной маске. До Насти долетели отголоски обычного в такой ситуации разговора. Она поняла, что брюнет просит разрешение сесть за столик блондинки. Та отвечала с жеманной неопределенностью, по крайней мере Насте так показалось. В конце концов парень устроился за столом, наплевав на свой остывающий обед.

Поняв, что эта маленькая битва проиграна, Настя принялась за цыпленка, стараясь не смотреть на свежееобразовавшуюся парочку. Когда от цыпленка остались, как говорится, рожки да ножки, она все же бросила взгляд в сторону молодых людей. К ее немалому и какому-то злорадному удивлению, блондинка мило и покладисто улыбалась, внимая сладким речам парня. Тот держался любезно и немного отстраненно, что не мешало ему кидать горячие взгляды на свою собеседницу. Настя почувствовала себя задетой за живое и попробовала сосредоточиться на сильном и гибком теле своего «греческого» клиента, которого упорно про себя называла любовником.

Но что-то ей мешало, отвлекало и нашептывало, что Стереолопулос — дело прошлого, о его завоевании теперь не могло идти речи, хотя порой он вежливо избегал ее, и тогда ей приходилось «напоминать» о себе. Настя знала, что неделя-другая — и Георгий вновь окажется с ней в постели. Она чувствовала в себе амбициозную завоевательницу мужских сердец, не отдавая себе отчета, что это ее хлопотное пристрастие из-за общей неразвитости умственной и душевной жизни приобрело черты шаржа. И потому порой она испытывала дискомфорт, не ведая причин недовольства собой и окружающими.

* * *

— Я часто прихожу сюда, но ни разу вас не видел, — меланхолично произнес Денис.

Вначале Оксана, находясь под впечатлением услышанного, не хотела разговаривать с этим самоуверенным типом. Потом, слово за слово, разговорилась, узнала, как его зовут, чем он занимается. Денис работал менеджером в фирме, название которой тут же вылетело у нее из головы,

едва ее собеседник произнес его. Тем более по собственному опыту она знала, что в наше смутное время нельзя верить словам, что в городе полным-полно разных частных лавочек, которые при первом знакомстве оказываются чистой фикцией. Внешность парня, его манера разговаривать как-то сами собой отодвинули в тень его трудовое поприще.

Оксана предпочитала не засорять свою память ненужными сведениями, она была вполне чувственной особой, реалисткой в самом примитивном смысле этого слова, и потому довольствовалась видимым, осязаемым. Даже Интернет, про который столько всего говорят, в возможности которого так неистово верят, казался ей чем-то сказочно-нереальным и далеким, пока она не узнала, что одна из ее подружек нашла себе зажиточного американца, прибегнув к услугам компьютера. Оксану представили этому немолодому, но богатому дяденьке, имеющему во Флориде «скромную» виллу и приехавшему за Олей, и тогда диковинное слово «Интернет» заиграло в Оксанином воображении всеми цветами радуги и многообещающих перспектив для простых городских девушек.

Когда прошел первый шок после знакомства с Интернетом, она стала осваивать его изо дня в день. Нет, она не стала путешествовать по сайтам, она даже не садилась за Юрин компьютер, просто стала медитировать на тему «Интернет и женское счастье», мобилизуя все свои умственные и душевные способности, дабы свыкнуться с присутствием четвертого измерения, как она тут же окрестила эту диковинную штуку, в нашей жизни.

Юра не раз говорил ей, что, освоив Интернет, она могла бы блуждать по бесчисленным европейским бутикам. Но до Оксаны все это как-то не доходило. Она предпочитала реально шелестящие бумажки, шмотки, которые могла тут же ощупать и примерить. А вот когда Ольга Лаврова нашла своего американца, что-то моментально сдвинулась в Оксаниных мозгах.

Оксана слегка улыбнулась, не поднимая глаза, и небрежно сказала:

— Я, честно говоря, здесь впервые, и нахожу, что ресторан совсем не плох.

— Вполне с вами согласен, — стал вдруг на удивление церемонным парень.

— Ваш обед остывает, — углами губ улыбнулась Оксана.

— Я совсем про него забыл... увидев вас, — смущенно добавил Денис.

Но его выдали губы. Они растянулись в подобие насмешливой улыбки. Оксана не заметила этого оттенка, упоенная впечатлением, произведенным

ею на «бедного» юношу.

— Правда? — с наивным кокетством спросила она.

Денис ограничился наклоном головы. Потом его глаза вспорхнули точно две черные птицы и свили гнездо на Оксанином лице. Она передернула плечами, чувствуя, что не знает, что сказать и как вообще себя вести.

— У меня есть предложение... — кашлянул Денис.

Он слегка повернулся, машинально, не желая того, и встретился взглядом с красивой брюнеткой, сидящей у окна. Ее пухлые губы приоткрылись и снова сомкнулись, демонстрируя игривое пренебрежение. Она наблюдала за Денисом и его новой знакомой, снисходительно, почти равнодушно. А ведь эта роскошная девица так откровенно дала ему понять в гардеробе, что непрочь была бы с ним познакомиться! Денис снова улыбнулся, сознавая, что нравится женщинам.

— Боюсь, вы не за ту меня принимаете, — перехватила его заинтересованный взгляд Оксана, — я не из тех, кто...

— Я это понял сразу, — лениво произнес Денис, снова впиваясь в Оксанино лицо пронизательным взглядом.

— Вот и прекрасно, — надменно улыбнулась Оксана.

— Вы замужем? — неожиданно спросил Денис.

— Какое вам дело? — недовольно поджала губы Оксана, чувствуя, как на нее накатывает раздражение.

— Так, просто спросил, — беззаботно пожал плечами Денис, выпячивая нижнюю губу, — у меня есть территория...

— Это сейчас так называется? — усмехнулась Оксана, горя желанием поставить этого молодого нахала на место и поиграть в этукую сдержанную леди.

— По-моему, вы...

Сотовый, противно запищавший в ее сумке, не дал Денису закончить фразу. Оксана вздохнула, достала трубку и поднесла к уху.

— Да.

Сипловатый Юрин баритон тупо ударил в барабанные перепонки.

— У меня есть к тебе предложение, — буркнул Юра, интонацией демонстрируя, что Оксана должна немедленно согласиться.

«И этого тоже прорвало на предложение», — сардонически усмехнулась Оксана. Проглотив свое недовольство и раздражение, она выдержала паузу.

— Ты сама мне об этом как-то говорила. Ты слушаешь меня? — нетерпеливо спросил Юра.

— Да, — на выдохе ответила Оксана.

— Тогда эта идея не покажется тебе странной, поверь, она стоит того, чтобы быть реализованной...

Оксана терпеть не могла, когда Юра разговаривал с ней официальными клише, которыми пользовался в офисе. «Реализованной», — зло передразнила она его про себя и закатила глаза.

— Сгораю от нетерпения, — Оксанина ирония была притушена сознанием, что именно Юра ее кормит и одевает.

Выслушав мужа, Оксана ничем не выдала своего удивления или несогласия. Только вяло ответила, что должна все-таки подумать.

— Ха-ха! — Юра явно веселился, — а я, честно говоря, был уверен, что ты меня куда подальше пошлешь.

Оксана знала, что он кокетничает. Он, Юра, тоже прекрасно знал, кому Оксана обязана красивой беззаботной жизнью.

— Ну что ты! — Оксана вдруг почувствовала себя способной составить план мести. — Ты ведь помнил, что эту идею подкинула тебе я. Возможно, это немного нас разогреет.

Ее спокойный голос для нее самой явился откровением. Неожиданно она взяла себя в руки и, загнав свое возмущение мужниным поведением в глубь души, решила подыграть ему.

— До вечера, — скупно простилась она. — Представьте себе, у меня к вам тоже предложение, — обратилась она к равнодушно внимавшему ее телефонному разговору Денису.

— Любопытно, — вскинул он брови.

Его губы улыбались, в глазах таился искренний интерес.

— Вы можете составить мне компанию?

* * *

Пресытившись шушуканьем парочки и проглотив обед, Настя уже хотела попросить расчет и покинуть ресторан, как увидела, что ее опередила блондинка. Бросив на скатерть скомканную бумажку и белозубо улыбнувшись на прощанье брюнету, она направилась к выходу. Настя повернула голову. За окном блондинка, облаченная в голубую шубу, открывала дверцу красной «Нексии». Голубой и красный цвет ударили Настю по глазам, ей даже показалось, что от такой яркости у нее вот-вот выступят слезы и сведет скулы.

«Чокнутая», — мысленно усмехнулась Настя и скользнула взглядом по

брюнету. Его лицо не выражало ничего, кроме усталого разочарования. Он отрешенно смотрел в пространство. Настя подозвала официантку, чтобы заплатить за обед. Та не спеша приблизилась к столику, кидая недоуменные взоры на брюнета и его остывший обед. Настя положила на стол две сотенных купюры, добавила еще пятидесятирублевку и, с небрежным видом поднявшись, пошла из зала.

В гардеробе она приняла из рук темноволосой девицы свою «чернобурку» и уже хотела было просунуть в один из рукавов руку, как шубу кто-то подхватил.

— Прощу, — точно выросший из-под земли брюнет загадочно улыбался, держа ее манто.

— Спасибо, — холодно поблагодарила Настя, надевая шубу.

Парень протянул номерок гардеробщице, взял куртку и, быстро надев ее, последовал за Настей, которая уже открывала дверь.

— Вас подвезти? — он кивнул на покрытую инеем «девятку».

Настя хотела было отказаться, но передумала. Любопытство и женский интерес взяли верх над гордостью. «Почему бы не покуражиться?» — в стиле героини-злодейки из бразильского сериала подумала она.

— Козьма Прутков, кажется, сказал: «Невозможно объять необъятное».

Она хитро улыбнулась. «Стал бы этот молодчик обхаживать меня, если бы та блондинка пришлась ему по вкусу!» — мелькнуло в ее тщеславной головке.

— Нет ничего более чуждого мне, чем стремление объять необъятное, — шутливым тоном ответил брюнет. — Меня зовут Денис, а вас?

— Настя, — приподняв подбородок и сощутив глаза, сказала Настя. — Вам не повезло с той фифой? Или вы хотите...

— ...объять необъятное?

— Да, — гордо обронила Настя.

— Нет, я всегда выбираю, — сдержанно улыбнулся Денис.

— И вы выбрали меня? — насмешливо взглянула на него Настя. — Чем же вас не устроила та леди?

— Она фригидна, — не повел и бровью Денис.

— Вы прорицатель?

— Экстрасенс, — засмеялся Денис, обнажая острые белые зубы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Попробуй мне это объяснить, — Руденко уселся в кресле, в котором Милославская обычно принимала клиентов, только развернул его в другую сторону.

Яна устроилась в кресле напротив.

— Чего ты от меня хочешь, Семен? — Яна достала сигарету и закурила, выпуская дым вверх. — Я ее не помню. Ко мне каждый день приходят люди. Не скажу, что они идут толпами, но я не могу упомнить всех. Иногда бывает по пять человек в день.

— Да, да, — Руденко кивнул и снова затаился, пытаясь сделать из дыма кольцо, — только у нее оказалась твоя визитка, вот в чем дело.

— Семеныч, — пожала плечами Милославская, — я же говорю тебе, что раздаю их направо и налево. Я просто не могу запомнить всех своих клиентов.

— Сегодня тебе придется постараться, — не отставал лейтенант. — Если, конечно, хочешь поскорее от меня отделаться.

— Ну ладно, — собралась Яна, — опиши ее хотя бы...

— Блондинка, — выпятил губы лейтенант, — стройная, но склонна к полноте, стремится хорошо одеваться, в общем, такая фифа, вся из себя...

— В голубой искусственной шубе? — подняла на него глаза Милославская. — Оксана, кажется...

— Про шубу ничего не знаю, — Руденко выпустил дым и стряхнул пепел в пепельницу, — когда ее нашли, она была в одном тоненьком платьице, на ней даже трусов не было, хотя шуба в гардеробе, кажется, была...

— Не понимаю, — Милославская пожала плечами, — от меня-то ты чего хочешь?

— Была она у тебя или нет? — посерьезнел лейтенант. — И чего хотела?

— Хотела приворожить своего собственного мужа, — вспомнила Милославская, — только я ей отказала. Ты же знаешь, я этим не занимаюсь. У тебя все? — Яна поймала себя на мысли, что Руденко начал ей надоедать.

Иногда с ним можно было пообщаться, поговорить по душам, но частенько он начинал действовать ей на нервы. Наверное, своей прямоотой... Или простотой...

В принципе, не такой уж он простой, Руденко Семен Семенович,

лейтенант уголовного розыска, разыскавший не один десяток преступников. Усатый, румяный, кровь с молоком, как говорится, в глазах этакий лукавый огонек...

Иногда Яна даже развлекалась тем, что делала попытку думать о нем, как о мужчине. То есть, размышляла, как бы это было — лечь с ним в постель. Его стать, его мускулы, некоторая тяжеловатость походки, увесистая полнота жестов, неторопливость и прочее делали из него настоящего мужика — предмет вожделенного внимания русских женщин.

И все-таки не вырисовывался он в ее глазах в качестве мужчины — как ни верти и не старайся. Яна всех мужчин теперь разделяла на тех, кто был у нее до мужа и после. Всякие были... И не скажешь, что много. Но вот настоящее удовлетворение получала она только от мужа.

Она и это пыталась анализировать. Что значит настоящее? Ну, трахает тебя мужик как следует, это же не есть полное удовольствие. Хотя многих именно это и устраивает. Была в ее муже какая-то изюминка, что-то такое, чего хотелось постоянно и чего нельзя было забыть. Может быть, нежность или какая-то тонкость?.. Яна не понимала этого, но забыть не могла. Она смотрела на Руденко, на его потуги казаться мужчиной, мужиком, но не находила в нем той душевности и радости, которую ей дарил муж.

— Она выглядела нормальной? — Руденко загасил сигарету и снова выпятил губы. — Ну, ты меня понимаешь...

— Не менее нормальной, чем мы с тобой, — медленно произнесла Милославская, — если я правильно понимаю, что ты имеешь в виду... Она пришла ко мне примерно неделю назад и попросила приворожить собственного мужа. Ну, я, естественно, отказалась, я этим не занимаюсь, ты знаешь. Была она немного взвинченной, но мне это показалось нормальным, принимая во внимание ту ситуацию, о которой она мне рассказала...

— И о чем же она тебе рассказала? — встрепенулся Руденко.

— Да ничего особенного, — Яна бросила недокурную сигарету в пепельницу. — Ее муж, который обеспечивает ее жизнь, стал погуливать на сторону. Во всяком случае, так она мне сказала. Заявила, что у нее есть неопровержимые доказательства его измены. Я ей попыталась объяснить, что в изменах мужа может быть виновна она сама, но она и слушать меня не захотела. В принципе, я не психоаналитик, и не мое дело — копать в человеческих отношениях. Но на ее месте я бы не стала обращаться за помощью к кому-то, а попыталась бы исправить ситуацию сама.

— Ну, конечно, сама, — насмешливо протянул Руденко. — Если бы она могла что-то делать сама, не стала бы обращаться к тебе. Такие

дамочки только и могут, что выбирать шмотки да побрякушки.

— Ну, раз ты о ней все уже знаешь, зачем же ты пришел ко мне? — пожалала плечами Милославская.

— Не кипятись, Яна Борисовна, — поморщился Руденко, — пришел, значит нужно.

— Да что, вообще, случилось-то с этой красоткой? — Яна закинула ногу на ногу, чувствуя, что Руденко так просто от нее не отстанет.

— Они там, похоже, устроили оргию, — начал объяснять Руденко, — ну, в их загородном доме. Жируют, сволочи, бесятся от шальных денег. Короче говоря, когда мы туда приехали, там в живых было двое, да и из них с трудом мог говорить только один — Денис Гулько — он же и позвонил в милицию. Санталов — это муж Оксаны — с простреленным горлом валялся рядом с ложем, где это все у них происходило...

— Избавь меня от подробностей, пожалуйста, Семен, — покачала головой Яна, — я этого не люблю.

— Можно подумать, — поморщился Руденко, — что мне это все очень нравится. А куда деваться? Жизнь такая, мать ее...

— Ладно, ладно, — прервала дальнейшее словоизвержение Руденко Милославская, — а что с Оксаной?

— Она в коматозном состоянии, — вздохнул Семеныч, — может, вообще не выживет. Врачи говорят, что даже если останется жива, то нет гарантии, что будет соображать как прежде.

— Понятно, — кивнула Яна Борисовна. — Так это Денис их, что ли, пристрелил? Ревность?

— Да нет, — с досадой воскликнул Три Семерки, как Руденко за любовь к одноименному портвейну называли сослуживцы, и, достав новую сигарету, с удовольствием затянулся, — Дениса тоже ранили, но легко — только плечо повредили.

— Значит, — поторопилась в выводе Милославская, — стрелял четвертый участник вечеринки?

— Не совсем так, — теперь уже довольный, что его не сразу разгадали, Руденко развалился в кресле. — Участников вечеринки, действительно, было четверо. Санталов, Оксана — его жена, Денис Гулько и еще одна девушка — Настя Парамонова — проститутка по вызову.

— Ну и каша там была, — насмешливо вставила Милославская, — действительно, бордель какой-то. За что же она в них стреляла? Что-то не похоже это на действия проститутки.

— Вот это нам и предстоит выяснить, — Руденко выпятил губы и провел открытой ладонью по пышным усам пшеничного цвета, — на кой

черт она их хотела пристрелить?

— А сама-то она что говорит? — поинтересовалась Яна.

— Сама-то она ничего не говорит, — вздохнул Три Семерки, — незадолго до трагедии или сразу после она куда-то исчезла.

— Так, может, это и не она вовсе? — наморщила лоб Милославская. — Мало ли кто мог...

— Да кто, кто? — задержался Руденко, повысив голос почти до крика. — Дом стоит на отшибе. Туда даже от трамвайной остановки минут пятнадцать пилить нужно. Кому это придет в голову тащиться на окраину города, чтобы подстрелить этих извращенцев?

— А что, — Яна пожала плечами, — судя по твоим словам, место для этого вполне подходящее.

— Я тебя не об этом спрашиваю, — махнул рукой Руденко, — убила проститутка, это и ежу понятно. Нужно только найти ее и вся недолга...

— Так ищи, — Яна поднялась с кресла и направилась на кухню, бросив через плечо: — Чего ж ты ко мне-то притащился? Кофе будешь?

— Давай, — согласился Три Семерки. Он тоже встал и двинулся следом за Милославской.

Джемма — среднеазиатская овчарка Яны, которая до тех пор спокойно дремала у ног хозяйки, с невозмутимым видом потянулась всем телом и ползлелась за лейтенантом. Хотя Руденко случалось захаживать иной раз к Милославской, и с собакой был знаком, Джемма признавала за свою только Яну и всегда держала ее в поле зрения, чтобы в любой момент прийти на помощь. Если, конечно, это потребуется. Пока Милославская готовила кофе, а Руденко стоял в дверях, опершись плечом на косяк, Джемма растянула свое могучее тело на коврике, без особой настороженности, но с обычным собачьим любопытством поводя купированными ушами.

— А притащился, как ты выразилась, я к тебе вот зачем, — невозмутимо продолжил Руденко. — Постарайся вспомнить, не говорила ли тебе чего Оксана Санталова? Я имею в виду, — добавил он, — чего-нибудь такого, что могло бы нас вывести на след?

— На чей след, Сема? — Яна поставила джезву на огонь и принялась помешивать содержимое, не глядя на Руденко.

— Да на след этой гребаной проститутки, — раздраженный Яниным непониманием, лейтенант снова повысил голос.

— Ну, во-первых, еще не факт, что убийство совершила именно Настя, — Яна следила как поднимается в джезве золотисто-коричневая пена. — Как, ты сказал, ее фамилия? Парамонова?

— Парамонова, Парамонова, — подтвердил Три Семерки, — а во-

вторых что?

— Во-вторых, — Милославская разлила кофе по чашками и одну протянула лейтенанту, — думаю, стоит попробовать съездить к ней домой.

— Ох ты, какая умная, — съязвил Руденко, принимая изящную фарфоровую чашечку, — были уже у нее дома. Только нету там никого.

— Соседей не расспрашивали? — Яна проскользнула со своей чашкой мимо Руденко, все еще стоявшего в проходе.

— Слушай, Яна Борисовна, — лейтенант снова перешел на более официальный тон, устроившись в своем кресле, — я свою работу знаю. Не пытайся меня контролировать. То, что требовалось от нас, мы сделали. Никто Анастасию Парамонову не видел дома со вчерашнего утра, вернее, с обеда, когда она вышла из своей квартиры. Это только лишний раз подтверждает ее виновность. — Ты лучше вспомни, о чем тебе рассказывала Санталова? Может, упоминала какие-то имена или адреса? Меня интересует абсолютно все. Уверен, если ты постарайся — обязательно что-нибудь вспомнишь.

— Господи, Семеныч, — Милославская смаковала горячий кофе — пила его мелкими глотками, пытаясь не обращать внимания на надоедливое посетителя, — ну сам подумай, какие имена? О чем ты говоришь? Разве люди приходят ко мне, чтобы рассказывать про кого-то? Они хотят слушать о себе и только о себе. Да и не нужны мне никакие имена.

— А все-таки? — не отставал Три Семерки.

— Беспредметный разговор, — скептически улыбнулась Яна, — могу только на картах раскинуть, а так...

— Эхе-хе, — Руденко почесал затылок, — ну, раскинь...

Он выжидательно смотрел на Милославскую.

— Вообще-то я на сегодня запланировала выходной, — лукаво улыбнулась Яна, — да и не веришь ты в мои карты.

— Так вот с ходу не могу сказать, что не верю. Я ж не первый день тебя знаю, — Руденко отхлебнул кофе.

Этой уклончивой фразой Руденко желал замаскировать то ощущение растерянности, которое всякий раз возникало у него, когда Янино гадание подтверждалось жизненными реалиями. Полностью согласиться с Милославской он не мог, иначе был бы вынужден признать существование «заоблачных сфер», как именовал он обителище Духа, и плюс еще расписаться в собственной некомпетентности. Их отношения с Яной развивались в русле насмешливого недоверия, редких компромиссов и дружеского зубоскальства. Руденко как бы исподволь соглашался с

пророчествами Яны, требуя непременно жизненной проверки «всех этих бредней», как в первый год их знакомства именовал он практику экстрасенса. Яна в общении с Руденко усвоила терпеливо-ироничный тон и сохраняла ему верность на протяжении всего времени, в течение которого была знакома с лейтенантом.

— Ладно, попробую, — Яна допила кофе и, встав, прошла за занавес, где у нее находилась «творческая лаборатория».

Там было много интересного. Сувениры, значение которых были открыты лишь хозяйке, соседствовали с ценными книгами по философии, теософии, астрологии, магии, мензурками с дорогими маслами и экстрактами редких растений, китайскими веерами и картинами. На небольшом, покрытом черным лаком столике возвышалась копия роденовской скульптуры — две переплетенные руки. Этот символ отображал практикуемую несколько лет назад Яной методику — она снимала напряжение и «отводила» болезнь руками. Теперь она использовала карты, изобретенные ею самой. Они помогали ей настроиться на восприятие энергии, образного ряда, эмоционального настроения клиента, помогали порой увидеть находящийся на расстоянии объект. Она рисовала карты, с каждым штрихом приближаясь к той черте, за которой карта начинала «работать». Прорыв к этой черте и выход за нее означали все возрастающее умение сконцентрировать свою внутреннюю энергию на достижении поставленной цели.

В то время, как одни карты функционировали в обычном, так сказать, рабочем режиме, другие еще только творились, с каждым рисунком, деталью, линией, обращением к ним принимая все более четкие очертания, все более яркий узор, все более сильную энергетiku. Они «оттачивались», подобно инструментам в руках мастера. Это творчество вполне могло выдержать сравнение с работой художника, день за днем наносящим на полотно серию мазков, пока холст не засияет во всю свою выразительную мощь. Сотни расчетов, прикидок, усилий, попыток...

Яна достала с полки колоду и вернулась в зал. Она застала Руденко за разглядыванием статуэтки китайской богини мудрости, стоявшей на книжной полке меж двумя толстыми, изборозженными иероглифами декоративными свечами. Он со смесью восхищения и крестьянского недоверия крутил в руках раскрашенную в тонкие пастельные тона фигурку.

— Что-то я раньше у тебя этой девчонки не видел, — улыбнулся он.

— Привезла из Парижа, — Милославская села на свое место, — я смотрю, она так тебя заинтересовала, что ты даже забыл кофе допить, —

пошутила она. — Это керамика, покрытая эмалью. Воспроизводит статуэтку, относящуюся ко времени династии Тан.

— Чего? — поднял глаза Руденко. — А-а, — многозначительно протянул он, не желая выставить себя необразованным простофилей. — Тан, говоришь?

Он поставил сувенир на полку и сел в кресло. Милославская положила колоду карт на столик.

— Постарайся быть кратким, — с легкой усмешкой сказала она, зная о часто посещавшем Руденко косноязычии. — Что ты хочешь узнать?

Руденко с сосредоточенным видом почесал в затылке. Потом потер подбородок, прошелся широкой ладонью по усам и заговорил, смущенно и доверительно понизив голос:

— Прежде всего я хочу выяснить, где сейчас находится эта Настасья, едрит ее налево...

— Понятно, — усмехнулась Милославская, доставая карту «Взгляд сквозь пространство».

Она накрыла своей сверхчувствительной ладонью глянцевый картонный прямоугольник, почти физически ощущая, как глубокие трещины во льду, изображенные на рисунке, жгут кожу. Она закрыла глаза, и озадаченная физиономия Руденко поплыла розовым облаком за горизонт, пока не исчезла, растворившись в сизом клубящемся тумане. Рваные края мглистых хлопьев начали вытягиваться в серые нити, оплетающие черное сквозное пространство. Постепенно они истончились до такой степени, что превратились в едва уловимую для взгляда паутину. И вот под ней стали проступать контуры иного топоса. Яна запрокинула голову, подчиняясь магнетизму новой яви, открывшейся перед ней и словно требующей иного положения для ее мгновенно побледневшего лица.

Сначала она увидела дымное кольцо холмов с темными искривленными силуэтами. Она поняла, что это деревья. Потом ее очам явилось черное пятно. Оно медленно наплывало, пока не «материализовалось» и не приняло очертаний дома. Яна сделала внутренне усилие и рассмотрела, что дом деревянный, одноэтажный, немного покосившийся, словно врытый в подтаявший снег. Безлюдный двор с двумя аккуратными белыми прямоугольниками — Яна «узнала» в них огород — производил унылое впечатление. Тропинки не было. В снегу темнели следы.

Яну словно кто-то вел за дом, она погружала ноги в глубокие овалы, проторенные в снегу, и шла, огибая стены строения. Снег не хрустел, он был мокрым, в синих рывтинах хлопала вода. Она дошла до угла и

остановилась, чувствуя невероятную усталость. Ноги ее точно увязли в строительном растворе. Он быстро схватывался, не оставляя возможности двинуться дальше. Яна оперлась на какой-то выступ, тяжело согнувшись и глядя в землю. Потом повернула голову — вдалеке теснились дачи. Она почувствовала страшную резь в глазах, головокружение и тошноту. Колени дрожали, по спине струился пот. Вскоре перед глазами повис темный непроницаемый полог.

Яна приоткрыла веки: комната с сидящим напротив нее Руденко медленно вращалась. Она шире открыла глаза, вращение прекратилось. Секунду она не узнавала Руденко.

— Ну что? — заинтересованно спросил он, увидев, что Яна вышла из транса.

— Она где-то за городом, — обессиленная, Яна снова прикрыла глаза. — Что-то со мной не так, — вздохнула она, — чувствую, вторую карту мне «открыть» не удастся. По крайней мере, сегодня.

— А поточнее не скажешь? — с надеждой посмотрел на нее Три Семерки.

— В городе ее нет, это точно, — Яна закурила, Руденко последовал ее примеру.

— Понимаешь, мне нужно больше времени... нужно войти в режим... Когда я включаюсь в какое-то дело, решаю какую-то задачу, постоянно думаю над разгадкой, тогда внутри меня что-то просыпается. Подсознание даже, скажу тебе, больше задействовано в этом процессе. И вот когда я обращаюсь к карте, накопившаяся во мне энергия, не просто заряд или импульс, а энергия, уже текущая по нужному руслу, активизируется, позволяя карте «работать» на полную катушку. Понимаешь?

Руденко разочарованно мотнул головой.

— Дай мне передохнуть. Я попробую еще.

Три Семерки вздохнул, грустно улыбнулся, стараясь приободрить Яну и в то же время выражая здоровый скепсис. Несмотря на разочарование он чувствовал изрядное облегчение, думая про себя: «Ну уж если экстрасенс не может...»

— Настя в каком-то деревянном доме, кругом снег, холмы, дачи, — Милославская пускала кольцо дыма за кольцом, — больше пока ничего сказать не могу.

— Сбежала... определенно сбежала, — оживился Три Семерки. — Значит, это она.

— Может, и она.

— Интересно было бы узнать, как все это там, у Санталовых было, —

Руденко вылил в рот остатки остывшего кофе.

— Постараюсь «заглянуть» в прошлое. Но не сейчас. И это последнее, что я сделаю для тебя, — она строго посмотрела на лейтенанта. — Это меня не касается. У меня завтра клиент, у него мать серьезно больна. Мне нужно беречь силы...

— Я тебя понимаю, — недоверчиво качнул головой Три Семерки, — дело-то ясное. Остается только эту су... — Руденко осекся.

Милославская укоризненно взглянула на него.

— Сема, ты же с дамой разговариваешь!

— Извини, Христа ради, — виновато улыбнулся Руденко. — Ты мне помогла.

— Да ничего такого я тебе не сказала, — с досадой произнесла Яна. — Если что-то прояснится в моей усталой голове, я тебе позвоню, идет?

— Ладушки, — лейтенант поднялся с кресла. — Только все-таки мотив мне не ясен...

— Опроси соседей, наведи справки, — снисходительно улыбнулась Милославская, — не мне тебя учить. И потом, ты же беседовал с этим, как его...

— Гулько?

— Да. Что он говорит?

— Говорит, что стрелял кто-то в маске, невысокого роста. Выскочил из коридора и давай палить!

— А где в это время находилась Настя?

— В комнате ее не было, — Руденко сощурил правый глаз, — или она сама стреляла, или ее сообщник, если таковой был.

— Если она сама стреляла, — закинула ногу на ногу Яна, — то зачем ей маску надевать?

— Черт ее знает! — чертыхнулся Руденко.

— Гулько ни о каком скандале или ссоре на вечеринке не рассказывал?

— Да нет. Сказал только, что Настя незадолго до этой пальбы с Санталовым в соседней комнате уединялись. Их не было примерно полчаса. Может, у них свои разборки какие-то?

— Да уж, с чего проститутке клиента убивать? Если только он сам не вынудил ее, — лукаво взглянула на Руденко Яна. — Может, он знал ее не один день, жестоко с ней обращался, у девушки накопело, и она решила его и его жену к стенке поставить?

— А хрен... ой, прошу прощения, — Руденко умоляюще посмотрел на Яну.

— А сам этот Гулько кто? — Яна уже простила Руденко.

— Говорит, случайно с Оксаной познакомился, и она спустя несколько дней пригласила его к себе в загородный дом.

— Он был ее любовником?

— Он это отрицает, — скептически улыбнулся Руденко, — но я-то думаю, что трахался он с ней.

Милославская поморщилась.

— То есть спал, — поправился Три Семерки.

— Иначе зачем знакомился? — намекаяще улыбнулась Яна.

— Сказал, что Оксана пригласила его на вечеринку, не скрывая, что там будет групповуха, — поиграл округленными бровями Три Семерки.

— Вот как? — Яна затушила сигарету в пепельнице.

— Парень прореагировал нормально — видать, хотелось нервишки себе пощекотать. Как там его... а, адреналин! — ударил себя по лбу Руденко.

— А как он тебе, этот Гулько?

— Да ничего, перепуган малость, — хохотнул в усы Три Семерки. — Оно и понятно: расслабился, а тут выскакивает кто-то в маске и давай свинцом поливать!

— Ты его про Настю спрашивал? Как она себя вела и так далее?

— Представь себе, — состроил рожу Три Семерки, — нормально вела, только на полчаса с Санталовым уединялась. А так... — он пожал плечами.

— Значит, Гулько никого из присутствующих на этой вечеринке толком не знал. — Яна закурила новую сигарету.

— Выходит, что так.

— Он серьезно ранен?

— Да нет, скоро выпишут, — Руденко загасил сигарету в пепельнице и выпятил губы, медленно раскачиваясь из стороны в сторону. — Не пойму, зачем мужику ромашку устраивать, — вернулся он думами к Санталову, — ну, надоела тебе твоя жена, уединись с бабой, трахни ее... прости... да чего уж! — махнул он рукой, — ты ж не маленькая. Так вот, — вздохнул он, — проведи время, да к своей возвращайся. Какого хре... ну, какого черта надо было бля... разврат такой позволять? Извращенец! Вот и получил!

— Ты что же это, Сеня, злорадствуешь? — насмешливо спросила Милославская.

— Жа-ле-ю, — растягивая, произнес Руденко, — сам убит, жена ранена так, что боюсь, как бы коньки не отбросила, парень тоже ранен. А эта проститня куда-то сдернула! Мне бы только до нее добраться!

— Не такая уж это простая история, поверь моей интуиции, — резюмировала Яна, — ну...

Она бросила на лейтенанта выразительный взгляд.

— Должен тебя оставить.

Руденко шутливо отдал честь и ретировался, успев потрепать Джемму по высокой холке. Собака проводила его до прихожей и, после того, как Яна заперла за Руденко дверь, вернулась с хозяйкой в гостиную.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ее мысли, как только она опустилась в кресло, снова запрыгали вокруг этого убийства, весьма странного, надо признать. Она хотела дать себе отдых, ей необходимо было расслабиться и обо всем позабыть перед завтрашним приемом, но какая-то ее часть, помимо ее воли, полностью увязла в этой истории, показавшейся ей поначалу банальной. Ее взгляд непроизвольно скользнул по лежащей сверху колоды карты «Джокер». Карты была опалена, ущербна, порой она ставила Яну в тупик, преподнося ей сюрприз за сюрпризом. Но плюсом было то, что работая с этой картой, Яна тратила в два раза меньше энергии, чем при обращении к любой другой карте. Карта таинственно переливалась, искусительно мерцала глянцевитой поверхностью, обещая разгадку всех загадок. Яна улыбнулась, будто отвечала на хитрую усмешку полумесяца, с верхнего рога которого свисали шутовские бубенчики.

— Тебе не терпится удивить меня, — постучала она пальцем по карте, — опять что-нибудь невразумительное и мудрое. Снова хочешь поводить меня за нос?

Она накрыла карту ладонью. Закрыла глаза и, сосредоточив все свое внимание на рассказанной Руденко истории, откинулась на спинку кресла. Сначала перед ее глазами плыл только иссиня-черный мрак, потом он стал покрываться патиной золотистых кружков. Пространство высветлялось на глазах, к золотистой гамме добавилась разбрызганная лазурь. Вскоре голубой оттенок стал тускнеть, пока перед внутренним взором Яны не возникла серая завеса.

Она чувствовала, что это даже не завеса, а стена, ощущала недоступную твердь, каменное сопротивление материала. И тут на его бледно-сером цвете мелькнуло что-то белое, выпуклое и такое же твердое. Яна напряглась, стараясь «отмотать пленку» назад. Она стала медленно, затаив дыхание, пропускать фрагменты виденного сквозь временной желоб. Нет, это ей было не под силу. Она прикусила губу. Ее досада ослепила ее в буквальном смысле слова. Она уже ничего не видела, кроме белого сияния. Наконец она, точно на вагонетке, плавно и не торопясь «отъехала» в сторону.

И тут на неизменно сером фоне возникла крохотная ножка. Детская. В этом у Яны не было сомнения. Она едва не рассмеялась. Нога была согнута в колене. Пухлая, маленькая, хорошенькая коленка. Но в то же время Яна

чувствовала, что пухлость эта обманчива, фальшива. Словно кто-то хотел посеять в Яне восприятие этой ножки, как чего-то мягкого и безобидного.

Одновременно с этим к Яне пришло чувство тревоги. Рука слабо поблескивала. Яне даже на миг показалось, что она машет ей. Яна невольно улыбнулась. Картинка исчезла.

— Бред какой-то, — вслух произнесла Яна, выйдя из забытья, — не может быть! Как детская ручка связана с этим убийством?

Она посмотрела на Джемму. Та тихонько повизгивала.

— На тебя это тоже подействовало? — усмехнулась Яна. — Или ты тревожишься за хозяйку?

Джемма кинула на Яну один из тех по-собачьи преданных взглядов, которые всегда вызывают у людей мурашки и заставляют их хотя бы на пару минут преисполниться любви и жалости к братьям меньшим.

Яна смешала карты. Ей не в первый раз приходилось довольствоваться завуалированным ответом «Джокера». Порой эти «подсказки» представлялись ей чистым бредом. И сейчас был один из тех случаев. «Мне действительно нужен отдых», — подумала она.

* * *

На следующее утро ей позвонил Руденко. Яна как раз готовилась принять посетителя. Она сказала лейтенанту, что ничего с картами не получается — не говорить же ему о том, что явил ей «Джокер». Он сочтет ее сумасшедшей! Поэтому она пожаловалась на полную неспособность быть ему полезной, по крайней мере сегодня. Руденко пробурчал что-то невразумительное, поблагодарил за готовность помочь и повесил трубку.

Яна приняла посетителя, сорокалетнего мужчину, мать которого страдала язвой желудка и которая находилась в клинике, покормила Джемму и принялась за чтение. Но не успела она прочесть и страницу, как в гостиной раздался надоедливый телефонный звонок.

— Да, — Яна сняла трубку.

— Яна Борисовна? — услышала Яна грудной женский голос.

— Да, а кто говорит?

— Санталова Любовь Ивановна, — принесла женщина, и Яна различила в ее голосе сдержанное рыдание.

— Чем могу быть полезна? — искренне удивилась Яна этому звонку.

— Я нашла у невестки ваш телефон и хочу обратиться к вам за помощью, — всхлипнула Санталова.

— Слушаю вас.

— Мой сын... погиб... — дрожащим голосом произнесла Санталова.

— Я знаю. Дело ведет лейтенант Руденко. Он вчера был у меня. Я вам очень сочувствую, но...

— Он сказал, что знаком с вами. Я знаю, что вы расследуете преступления, — Санталова подавила всхлип. — Могу я на вас положиться?

— Я, конечно, очень благодарна господину Руденко за рекламу, но боюсь, что разочарую вас.

— Прошу вас, не отказывайте мне, — взмолилась Санталова, — я щедро оплачу ваши услуги.

— Но этим делом занимается милиция. Мне кажется, лейтенант Руденко на верном пути, или вы иного мнения? — Яна была не склонна предпринимать расследование, она чувствовала себя не готовой к этому.

Вчерашнее разочарование, постигшее ее в связи с тем, что карты не могли активизировать скрытые в ней энергетические ресурсы, давало о себе знать. В настоящее время она лечила людей и была вполне довольна результатами. Две ее пациентки избавились от ревматических болей, лечение язвы третьей шло хорошими темпами. Язва рубцевалась. А тут это убийство!

— Помогите мне! — воскликнула Санталова, — мне нужно с вами поговорить. Вы все поймете!

Яна еще пару минут колебалась. В течение этого времени трубка рыдала и умоляла. Наконец Яна произнесла довольно сухо и деловито:

— Хорошо, приезжайте. Знаете мой адрес?

— Разумеется, — ответила Санталова, все еще всхлипывающая и подавленная.

Яна положила трубку на рычаг со смешанным чувством раздражения и удивления. Ее распирало от желания помочь, но становиться объектом манипулирования она не хотела. Нет, не то чтобы манипулирования, — вздохнула Яна, — скорее она не терпела быть понуждаемой как приказами, так и назойливыми просьбами. Ей хватало всех этих взбалмошных женщин, приезжавших к ней с требованиями и мольбами приворожить неверных мужей, насолить сопернице, вернуть возлюбленных, пославших их куда подальше, она устала встречать обманутых мужей дежурными репликами, вкладывая в них максимум терапевтического тепла, успокаивать великовозрастных любовников, сетующих на то, что молодые любовницы предпочитают им смазливых ветренных жиголо. Она вынуждена была себя защищать. Нет, не пистолетом или кинжалом, не

газовым баллончиком или кастетом, а психофизическими методами, призванными не допустить откачивание у нее полезной, положительной энергии.

И тем не менее Яна согласилась. Размышляя над своим скоропалительным решением, она пришла к выводу, что сделала это исключительно из эгоистических соображений. Сейчас к ней придет заплаканная, горящая женщина, которая потеряла сына, она, Яна ее утешит, скажет ей несколько теплых слов, посочувствует и мягко откажется от этого дела. Часто людям просто необходимо выплакаться или высказаться перед кем-то.

Яна взяла на себя нелегкую миссию психоаналитика, руководствуясь определенным расчетом: она сделает все от нее зависящее и сохранит себя для своих пациентов. Если Яна отказала бы Санталовой по телефону, она бы, возможно, в течение долгих часов мучалась угрызениями совести, досадуя на собственную черствость и невнимательность. Приняв же женщину у себя и спокойно объяснив, что ей, Яне, сейчас не до расследования, что у нее полно проблем и больных, она убедит ее довериться милиции, похвалит лишний раз Руденко, заверит ее в правильности действий последнего и так далее и тому подобное.

Яна закусила губу. «Вот так эгоизм понуждает нас быть альтруистами, — невесело подумала она. — А, может быть, альтруизм — не что иное, как щит, за которым прячется наш эгоизм?»

Яна размышляла обо всем этом и о многом другом, так глубоко погружившись в свои мысли, что раздавшийся в прихожей звонок показался ей расплывчатой серенадой ленивого шмеля. Звонок повторился. Яна вздрогнула. Поспешила открыть дверь. Джемма проявила живой интерес и, настороженно рыкнув, проследовала за хозяйкой.

На пороге стояла дородная дама средних лет в роскошной дубленке и песцовой шапке. Волос видно не было. Лицо женщины, одутловатое, с обвисшими щеками, изборожденное морщинами, изрядно наштукатуренное, выражало боль и растерянность. При виде собаки растерянность на ее онемевшем лице только возросла. Она немного отпрянула и выжидательно посмотрела на Яну.

— Джемма, фу! — скомандовала Яна. — Не бойтесь, она вас не тронет. — Свои, Джемма.

— Здравствуйте еще раз, — процедила дама, — это я вам звонила.

— Проходите, пожалуйста, — посторонилась Яна, пропуская посетительницу в прихожую и жестом приказывая любопытной Джемме освободить дорогу.

Собака по-прежнему загораживала проход.

— Я кому сказала! — прикрикнула на нее Яна.

Джемма подняла на хозяйку виноватый взгляд, в котором все же сквозила тайная укоризна. Я, мол, волнуюсь за тебя, а ты...

— Спасибо, — со вздохом ответила та и протиснулась между Яной и косяком.

— Разуваться не надо, — предупредила Яна, — проходите в гостиную.

Санталова сняла дубленку, повесила ее на вешалку, потом — шапку. Ее короткие светлые волосы были завиты и уложены в прическу. Она, правда, изрядно примялась под шапкой. Джемма, демонстрируя само смирение, наблюдала за вошедшей.

Санталова неловким суетливым движением одернула черную юбку, поправила такой же черный пиджак и, бросив торопливый взгляд в зеркало, прошла в зал. Села в кресло. Яна устроилась напротив. Джемма растянулась у ее ног. Санталова робко улыбнулась, скосив глаза на собаку и тут же вновь стала подчеркнуто серьезной, если не скорбной.

— Чай, кофе? Может, что-нибудь покрепче?

— Нет, спасибо, я за рулем. А вот от чая не откажусь, — пробормотала Санталова.

Яна прошла на кухню, включила электрочайник и вернулась в гостиную.

— У вас курить можно? — осведомилась Санталова.

— Пожалуйста, — Яна пододвинула гостю пепельницу и сама достала из лежавшей на столе пачки «Винстона» сигарету.

— Мне нелегко говорить об этом, — Санталова нервно затанулась, — но я должна...

Ее маленькие серо-голубые глазки подернулись влажным туманом. Яна заметила, что губы и руки посетительницы дрожат, но та усиленно стремится сдержаться и не рухнуть в океан рыданий.

— Извините, — торопливо произнесла Санталова, — так вот... Мой сын погиб. Глупо и бессмысленно. Я никогда не одобряла его брака с этой... — она скривилась.

И тут Яна поняла, что перед ней вовсе не истеричка и не сверхчувствительная особа. Санталова, подумала Яна, властная и жесткая женщина, и только смерть сына смогла исторгнуть из ее глаз потоки слез. И словно в унисон Яниным мыслям глаза Санталовой просветлели, высохли, став похожими на два прозрачных кристалла. Их ледяное сияние неприятно ударило Яне в глаза.

— Все это из-за нее. Нет, не улыбайтесь! — чуть не возмущенно

воскликнула Санталова. — Это не обычная неприязнь свекрови! И то, что произошло... — она словно задохнулась.

— Я вас очень хорошо понимаю, — мягко сказала Яна, — вы потеряли сына...

— Никто не может этого понять, пока сам не потеряет сына или дочь!

— Я, представьте себе, в один день потеряла сына и мужа, — стараясь не показывать своего волнения, произнесла Яна, — они погибли в автокатастрофе. Я чудом осталась жива.

— Простите, — снизила обороты Санталова, — нервы ни к черту. Но это не отменяет ее вины. Она допустила у себя в доме такое! Господи, какой позор! Да ни одна порядочная женщина не пошла бы на это. Этот... парень, которого она привела...

— Мне неудобно об этом говорить, но осмелюсь напомнить вам, что на вечеринке было две пары. Ваш сын вызвал проститутку, — Яна выдержала грозный взгляд Санталовой.

— Если бы Оксанка сказала «нет», ничего бы не было! Все в семье зависит от женщины! Но я пришла не за этим... — ее взор смягчился.

— Вы хотите, чтобы я помогла вам с расследованием? — скромно сказала Яна.

Она поймала себя на том, что сочувствие, которое обычно питаешь к людям, потерявшим близких, испаряется в ней с быстротой спирта. По телефону Санталова производила впечатление убитой горем, сникшей женщины. Кто мог догадаться, какое вулканическое пламя таится в глубинах ее тщеславного существа?

— И кто вам сказал про проститутку? — нахохлилась Санталова. — Может, она была просто знакомой... Как что, так сразу проститутка!

— Сказал мне это лейтенант Руденко, а ему сообщил Гулько, тот парень, которого на вечеринку пригласила Оксана.

— Понятно, откуда ветер дует, — Санталова быстро загасила сигарету в пепельнице. — Так вот, я хочу предпринять расследование с тем, чтобы все прояснить раз и навсегда! — торжественно и гордо изрекла она. — Зачем этой девушке понадобилось убивать моего сына? Да еще принародно! Преступник был в маске, значит, не хотел, чтобы видели его лицо. Думаю, это был сообщник моей невестки. Она ни шиша не имеет, и ее мамаша, думаю, отдала бы полжизни, чтобы с моим сыном случилась какая-нибудь беда. Оксанка балластом висела на шее моего мальчика. Он ее кормил, обувал, одевал, покупал ей всякие безделушки, возил на курорты, оплачивал ее массажисток, всякие там сауны, солярии, тренировочные залы... — она снова осеклась, решив перевести дыхание.

— Вы полагаете, что в убийстве замешана Оксана? — удивилась Яна.

Ей все более становилось невыносимо общаться с этой вздорной мамашей. Исходящая от Санталовой аура нетерпения и упрека угнетала Яну. Она еще могла бы согласиться заняться этим расследованием из-за симпатии к пострадавшей, но помогать самовлюбленной, высокомерной и придурковатой мамаше она не собиралась. Яна стала как бы между прочим перебирать карты. Остановилась на карте «Внушение». Было бы замечательно внушить этой громогласной особе желание покинуть скромный этот чертог, — с усмешкой подумала Яна.

— Да кому же, как не Оксанке желать смерти моего мальчика! — чуть не вскочила с кресла Санталова.

— А я в этом не уверена, — скептически пожала плечами Яна. — Кто бы тогда стал оплачивать ее расходы?

Она положила руку на карту и чуть прикрыла веки.

«Собирайся, собирайся, уходи. — шептал ее внутренний голос. — У тебя много дел, забот, ты забыла выключить утюг, стиральную машину, миксер, кухонный комбайн. Тебя ждут далеко отсюда... ну, вспомни, кто может тебя ждать... Тебе здесь нечего делать. Никто не поможет здесь тебе. Уходи».

Но Санталова молотила языком, словно какой-то автомат. Она костерила невестку, совершала бесчисленные экскурсии в прошлое супругов, поносила мать Оксаны, всю ее родню, жадную и нищую, превозносила сынка, желала кары Оксаниным родственникам, говорила что-то о ее любовниках, о том, как она мешала Юре, и так далее.

Нет, карта не помогала настроиться на нужную волну. Яна с досады закусил губу. Она остановила неподвижный стеклянный взгляд на дергающемся лице Санталовой и созерцала ее с той тоскливой отрешенностью, к какой порой смотришь на скалу и бешенное плюющее в нее пеной море. «Давай-давай, болтай-болтай, выкладывай...» — Яна вздохнула. А что, если ей все-таки заняться расследованием? Нет, не из желания помочь этой тетке, а, наоборот, чтобы доказать ей, что ее сноха ни при чем. А ты сама-то веришь в то, что Оксана не замешана в убийстве? Посмотрим.

— Но ведь Оксана сама пострадала, — возразила Яна Санталовой после того как та на секунду замолчала.

— Случайно, — намекаяще улыбнулась та, отчего все ее лицо собралось в складки. — Это была часть плана. Чтоб ее никто не заподозрил.

Довольная своим хитроумием, Санталова даже подмигнула Яне.

— Вы недовольны действиями милиции? — равнодушно поинтересовалась Яна.

— Мне нужно, чтобы расследование шло быстро и продуктивно. А наша милиция... Сами знаете, как она работает, — сделала презрительную гримасу Санталова.

— Хорошо, я берусь, — просто сказала Яна, — но вам это будет стоить...

Теперь была очередь Яны лукаво подмигнуть Санталовой.

— Сколько бы ни стоило! — восторженно воскликнула та. — Я докажу, что эта дрянь убила моего сына!

— Так, может, вы сами справитесь? — усмехнулась Яна.

— Нет, — поводила Санталова пальцем из стороны в сторону, — я не обладаю паранормальными способностями.

— Но вы должны сознавать, что мои паранормальные способности не означают, что я с ходу назову убийцу, — резко ответила Яна, — вам потребуется все ваше терпение, а мне время...

— Вы разыгрываете меня! — натянуто улыбнулась Санталова.

— Мне нужно время, чтобы во всем разобраться. К тому же сегодня у меня был прием...

— Сколько? — с нарочитой деловитостью спросила Санталова.

— Что сколько? — не поняла Яна.

— Денег, — Санталова выразительно вздохнула и заложила ногу на ногу.

— Две тысячи долларов — аванс, а дальше... Смотря по тому, как я справлюсь с возложенной на меня задачей. Если все будет хорошо, — Яна сделала невинное лицо, — ограничимся суммой в пять тысяч... не считая аванса, разумеется.

— Я принимаю ваши условия, — победоносно приподняла круглый подбородок Санталова. — Когда вы начинаете?

— Завтра. Сегодня я немного устала, — Яна снова закурила.

— Вот деньги, — Санталова достала из сумки кошелек из крокодиловой кожи и, отсчитав двадцать зеленых купюр, положила перед Яной.

Та поблагодарила, встала и пошла на кухню. Во время чаепития Любовь Ивановна, видимо, окончательно почувствовав себя хозяйкой положения, принялась давать самые разнообразные советы. В первую очередь, сказала она, Яне следует встретиться с матерью Оксаны, тогда она, Яна увидит, что это за акула!

— Эта самая акула, не сомневайтесь, — продолжила Санталова, —

передала свой хищный аппетит дочери. Оксана любила прикидываться этакой душкой, ягненком, непрактичной, не смыслящей ни в чем дурочкой. На самом деле она покушалась на Юрино богатство, нажитое им, естественно, честным трудом и упорством. Наверняка у нее были любовники, — при этих словах Санталова таинственно понизила голос и поиграла бровями. — Чем еще заниматься замужней женщине, в то время, как ее супруг добывает средства на жизнь? Юра безусловно баловал эту затаившуюся дрянью, позволял ей делать все что угодно, не отдавая себе отчета, что вскормил змею на груди.

На Янин вопрос о брачном контракте или завещании Любовь Ивановна ответила, что, конечно, сын ее был настолько доверчив, что все нажитое им добро перейдет к Оксане.

— Вот увидите, — в глазах Санталовой вспыхнула неприкрытая ненависть, — вскоре она поправится и через месяц-другой выйдет замуж за какого-нибудь молодчика. Да не за какого-нибудь, — поправила она саму себя, — а за того, кто... Если только мы не разоблачим его и ее... Шайка бандитов!!!

Яне было уже не вмоготу слушать Санталову. Она снова накрыла ладонью карту «Внушение» и сосредоточилась на передаче определенного импульса. Она напрягла все свои внутренние силы. В наступившей тишине тиканье настенных часов казалось гулким набатом.

— Ой, что это я! — спохватилась Санталова, — меня же ждут! Кроме того, я, кажется забыла выключить утюг.

Яна готова была послать воздушный поцелуй Всесильному Духу. «Получилось!» — молча ликовала она. Любовь Ивановна было дернулась, но, поймав настороженный взгляд Джеммы, снова застыла.

— Джемма, Любовь Ивановна собралась уходить. Успокойся.

Джемма уткнулась головой Яне в стопу.

— Милая собачка, — с опаской произнесла Санталова, — мне действительно пора. Я вам завтра позвоню. Вот телефоны, домашние, рабочие, как говорится.

Она снова открыла сумку и достала лист бумаги, свернутый в четыре раза.

«Так, значит, она была уверена, что я займусь этим делом — список заранее приготовила!» — с неудовольствием подумала Яна.

— Всего хорошего. Звонить лучше вечером. Так вернее, — выдавила Яна из себя.

— Ох! — Санталова, кажется, вновь готова была примерить на себя роль безутешной матери, — сколько дел! Эти похороны... — она

всхлипнула. — А мне, знаете ли, сейчас не до мороки, такой комок вот тут, — она приложила руку к груди. — Господи, за что мне такое?!

Яна воздержалась от утешений. Она понуро проводила гостью до двери, потом до калитки и, увидев, как ловко и уверенно Санталова садится за руль синего «опеля-омеги», пошла обратно. Рядом с ней шествовала довольная проводами Джемма. Теперь вновь в их доме поселится покой и тишина.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Яна проснулась бодрая и отдохнувшая. С сегодняшнего дня она должна официально приступить к работе! Яна сделала несколько дыхательных упражнений, приняла душ и, покормив Джемму, стала готовить себе завтрак. Пока отваривалась цветная капуста, она наложила на лицо крем и устроилась в кресле. Взгляд ее произвольно упал на карты. Они так и остались лежать на столике со вчерашнего дня. Яна отвела глаза от колоды и стала размышлять об произошедшем в доме Санталовых.

Итак, Санталов мертв, его жена тяжело ранена, Настя исчезла, Гулько тоже ранен, но его дела быстро идут на поправку. Кому было выгодно убийство Санталова? Вообще-то идея группового секса, посетившая мозг Санталова, стоит того, чтобы о ней поразмышлять. Каким образом он решил задействовать в ее реализации жену? Или это она была инициатором этого нестандартного действия?

Если принять за истину последний вариант, то подозрения с Оксаны можно снять. Тем более Милославская почему-то не принимала всерьез версию убийства Санталова женой. Но, с другой стороны, в случае, если инициатива принадлежала Оксане, это могло бросить на нее новую тень. Что, если вся эта вечеринка была организована лишь для того, чтобы было легче устранить мужа? Тем более что материальные ценности, нажитые Санталовым переходят его жене?

Если рассматривать эту гипотезу, то становится очевидным, что Оксана действовала с сообщником. Но сообщник не стал бы стрелять в Оксану... Если только не попал в нее случайно, с перепугу.

А как тогда быть с исчезновением Насти? Какая роль принадлежала ей? Пригласил ее вроде бы Санталов. Означает ли это, что он поддерживал с нею длительные отношения, или был знаком поверхностно и недолгое время? Кто может быть в курсе этого? Сослуживцы Юрия? Возможно, Настя навещала его на работе или звонила. И что вообще за отношения были у Санталова с женой? Может, он в открытую изменял ей? Ведь это он добывал средства к жизни, он содержал ее... Иначе как объяснить тот факт, что Оксана согласилась принять участие в оргии и даже пригласила на нее своего знакомого? Или групповуха была для нее неприятным, прямо-таки отвратным сюрпризом? Но тогда она должна была бы сама взять в руки пистолет и «навести порядок». Если бы, конечно, возмутилась до предела и слетела с катушек. Откуда возник человек в маске? Может, разгневанная и

горящая злобой, она позвонила своему любовнику и по телефону обговорила с ним план действий на вечер?

Больно уж витиевато и не очень правдоподобно. Человек в состоянии аффекта скорее всего сам станет палить из пистолета, чем приглашать кого-нибудь со стороны. В этом случае зачем ей стрелять в Гулько? За компанию? Или потому что «крыша» поехала?

Яна сняла кастрюлю с плиты и, поставив на огонь сковородку, принялась вынимать и обваливать в приготовленных заранее сухарях капусту. Когда она выложила все это на сковородку и, монотонно помешивая, присела за стол, ее мысли сами собой вернулись к инциденту на даче Санталовых.

Куда пропала Настя? Если это действительно была она, то напрашивается вопрос о мотиве. Что двигало ею? Обида, злость или она была не в себе? А может, те трое, зная, что она проститутка, насмехались над нею? Это Гулько говорит, что все было пристойно. Вот смеху-то! Оргия была пристойна, все вели себя прилично... Люди как раз и устраивают такие праздники, чтобы «оторваться». Итак, выведенная из себя, Настя берет пистолет и стреляет по «мучителям»? Зачем тогда ей надевать маску? И вообще выход убийцы был словно отрепетирован. А человек, охваченный бурным чувством, толкающим его на совершение опасного, аморального поступка, будет ли он напяливать на лицо всякий хлам? Глупо.

Можно еще рассмотреть версию, согласно которой Настя действовала с сообщником. Например, Санталов пригласил ее на оргию, она договорилась с кем-то, кому была выгодна смерть Юрия, и... Что, если именно этот субъект в маске и познакомил Санталова с Настей? Что, если мы имеем дело с заранее спланированным убийством, совершенным человеком, который руководствовался вполне конкретным расчетом?

Яна выключила газ и стала лопаткой снимать со сковороды зарумянившиеся соцветия. Налила томатного сока, разрежала огурец и принялась за еду. Покончив с капустой и соком, Яна перешла в гостиную. Джемма сопровождала ее. Когда Яна села в кресло, собака, как обычно, растянулась у ее ног.

— Запутанное дело, — обратилась Яна к Джемме.

Та подняла голову, одарив хозяйку глубоким сочувственным взглядом.

— Что скажешь? — улыбнулась Яна.

Джемма издала протяжный жалобный звук.

— Вот и я не знаю, — вздохнула Яна.

Прошел по крайней мере час со времени этого краткого «диалога», когда Яна решила обратиться к картам. Она снова продела несколько упражнений психофизического свойства, шевеля губами, тихо, плавно и медленно повторяя «аум». И только потом вытянула из колоды карту «Взгляд в прошлое». Эту карту изрядно попортила Джемма, попортила своими зубами, после чего карта начала «фонить». Яна с тех пор трудилась над новым рисунком, стремясь воспроизвести с точностью до миллиметра изображение на этой карте, но пока ей это не удавалось. Приходилось довольствоваться ущербной картой. К тому же, в то время, когда данная карта функционировала в нормальном режиме, Яне была недоступна полная картина происшедших в прошлом событий. «Слишком быстро мотает», — обычно говорила Яна, выхватывая зрением лишь отдельные фрагменты прошлого. Она уподобляла действие этой карты ускоренному движению пленки вспять.

Яна положила ладонь на карту и сосредоточилась на поставленной задаче. Она попробовала настроиться на тот вечер, когда произошло убийство. Для этого Яна начала игру с воображением, разрабатывая образные ряды, подобно мускулатуре. Она позволяла своей фантазии путешествовать в таких краях, куда с трудом долетали отблески и отзвуки реальности. «Проработав» крайние пределы, Яна спускалась все ниже и ниже, словно падала на парашюте из заоблачных сфер. Она перебирала в памяти все, что слышала об участниках этой вечеринки, точно на весах взвешивая их интересы, импульсы, желания, пристрастия...

Тихо щелкнул замок. Яна вздрогнула и затаила дыхание. Ей казалось, что внутри ее холодеет ком нерожденной вселенной. И тут у нее заложило уши. Все ее тело, — чудилось Яне, — покрылось глазами, бесшумно моргающими, глядящими в тускло бронзовеющую дымку какого-то тесного помещения, надвинувшегося на нее точно облитая черной водой барокамера. Страх и тревога. Кто-то копошится у самой стенки. Или это бьется птица, полная ужаса и бессилия, бьется в тоске? Темные тени на покрытой патиной сумеречного света стене рушатся в кромешную темень и все замирает. Лицо стремительно приближается, едва выделяясь на фоне темноты. Блеснули два светлых кружка. Яна задрожала. Это маска... прорези для глаз... Янино нутро леденеет и в его вечной мерзлоте начинает позвякивать чей-то голос, переходящий в сдавленный шепот.

«Маска» прячется за узкой дверцей, шаги удаляются. Они звучат

глухо, они крадутся... Достигая светлой полосы под массивной дверью, они обретают звучную вескость и беззаботность. Дверь распаивается, вылетает во мрак столб огня. Яна не может снести этого полыхания. Она щурится, она закрывает глаза. В ушах клокочет судорожный смех, бурлят языки пламени...

Забрызганные жидким золотом, выплывают лица. Яна шире открывает глаза. Она видит высокого темноволосого мужчину, он смеется, его глаза повлажнели от слез. Он раскраснелся и то и дело раскачивается из стороны в сторону. Яна напряженно всматривается, она знает, что все может исчезнуть в мановение ока, и боится, что «ларец» закроется, зеркало поблекнет. Нет, мужчина не качается, он дергается, что-то говорит, громко и бестолково. Слова пеняются на его губах, подобно шампанскому. Раздается звон, он наполняет комнату веселыми осколками смеха.

«Да что же он дергается?»

Янин взгляд скользит ниже и натывается на красивое лицо светловолосой девушки. Она трясет головой, вырывается, хохочет. Она полуодета. Что-то голубое вихляется у нее на животе. Платье. Мужчина держит ее одной рукой. Грудь девушки влажно блестит, мужчина водит по ней рукой, потом хватает с тумбочки бокал на тонкой ножке и выливает на девушку. Та отбивается, выскользывает из рук мужчины, падает на ковер. Мокрые волосы рассыпаются по ее лицу, она сворачивается калачиком и смеется. И тут ее смех перечеркивает гневный окрик.

Яна оборачивается. У двери стоит одетая в красное платье блондинка. У нее сдвинутые на переносице брови и недовольный взгляд, в котором кипит возмущение. Она держит в руке фужер. И тут, вдруг успокоившись, с каменным выражением лица швыряет его в стену. Фужер разбивается. Осколки летят на мужчину. Он кричит, он взбешен, он подскакивает к блондинке, но путь ему кто-то преграждает. Яна видит мужчину со спины, словно ее глаза переместились на стену, напротив которой стоит блондинка. Брюнет загораживает того, кто встал у него на дороге. Блондинка обходит темные силуэты и падает на широкую кровать. Платье на ней задирается. Силуэты размыкаются.

Яна видит, как молодой черноволосый парень плюхается на кровать. Его рука скользит по ноге блондинки. Та запрокидывает голову, из-под опущенных век следя за мужчиной. Тот садится рядом, стягивает тонкую лямку с плеча блондинки, начинает ласкать ей грудь. К его ногам подползает упавшая на пол девушка. Она приподнимает штанину, проводит языком по щиколотке мужчины. А он, стащив лямки и лиф платья блондинки до живота, кусает ее правый сосок. Парень сует руку ей между

ног. Она раздвигает колени, рухнув на спину и закрыв глаза. Мужчина отталкивает парня, но сам тут же отлетает, отброшенный ногой блондинки. Девушка смеется. Мужчина вскакивает и, схватив хохотунью, волочет ее вон. Он переступает границу тьмы и света и исчезает со своей добычей во мраке.

Черноволосый парень целует блондинку в губы, налегает на нее, она не противится, обнимает его за шею. Ее тяжелые ресницы опалены видениями, они медленно поднимаются и опускаются, точно диковинные кулисы. Она видит зависшее над нею лицо парня, странно спокойное, восковое, только верхняя губа заметно дрожит... Вождение? Внутри нее плотоядное воркование и истекающая кровью желания жизнь... Жизнь теплится только в ней. Она сдавливает шею парня, закидывает ноги ему на поясницу, она не может больше ждать. Его губы манят, дразнят, кончик языка, едва коснувшись ее воспаленного рта, пробегает по ее щекам, подбородку, шее и ускользает. Карие глаза глядят на нее без похоти, с какой-то затаенной жестокостью. Может, так и выглядит страсть... та страсть, которой у нее с мужем не было?

Яна поняла, что оказалась внутри блондинки. Словно Алиса. Она попыталась сконцентрироваться на переживаниях своего «я», ставшего одним целым с «я» этой обмирающей от страсти женщины. Но едва она зафиксировала сознанием магическую точку тождества, как все рассыпалось. Яна только помнила потом, как перед ее глазами пронеслась целая лавина черных завес. Они были подобны быстро скатанному ковру или ленте. Длилось это видение не больше секунды. Вот так — вжик! — и абсолютная тьма.

Яна ощутила под веками клейковину новых образов. Это было похоже на головокружение или на восприятие мира обкурившимся подростком. Все качалось, плыло и как-то безжизненно и бессмысленно шевелилось. Первым вылупилось из мрака лицо Руденко, оно походило на сверкающую тарелку. По его лбу струился пот, пшеничные усы комично топорщились. Он сидел на корточках возле тела мужчины, глядя трупу в лицо. С ним рядом присел сержант Самойлов. Его удивленная физиономия разбухла изнутри. Когда процесс странного брожения подошел к концу, лицо Самойлова «взорвалось». Яна попыталась перевести взгляд на Руденко, прочитать по губам, что он говорит, но сколько не крутила головой, не могла его найти. Видела лишь серый квадрат отзанавешенного окна и белесую кромку неба, расчерченную рахитическими ветками.

Телефонный звонок окончательно вывел ее из забытья. Она медленно плывала в это белесоватое, по-зимнему бедное небо, когда механическое

треньканье пробило истаявшее облако видений. Яна протянула руку, все еще находясь под впечатлением от увиденного.

— Да.

— Привет, это Руденко, — раздался в трубке бодрый голос лейтенанта.

— О, легок на помине! — рассмеялась Яна.

— Кто это меня поминает? — шутливым тоном спросил Руденко.

— Я тебя поминала. Вернее, видела воочию, — Яна достала из пачки сигарету.

— Видела? Уж не заболела ли ты? Я сегодня с утра в отделении. Или ты меня во сне видела? — хохотнул Три Семерки.

— Вроде того, — вздохнула Яна, постепенно приходя в норму. — Скажи, у Санталовых было на ковре в спальне стекло? Ну, бокал разбит...

— Было такое, — согласился Руденко. — Черт, а ты откуда знаешь? — изумился он. — Я тебе вчера, кажется, ничего такого не говорил.

— Я ж тебе говорю: видела. И тебя, родного, видела. Ты возле трупа Санталова на корточках сидел, а Самойлов рядом...

— Постой-постой, — еще больше удивился Руденко, — сколько лет тебя знаю, а дивиться не перестаю.

— Я видела того... в маске. Но очень смутно, — снова вздохнула Яна, только теперь уже легче, — и еще видела, как они там развлекались. Правда только кусочек.

— Вон оно как! — с некоторым недоверием произнес Руденко. — А еще что видела?

Яна различила в его голосе ехидцу.

— Ничего больше, — резко сказала она, — но думаю, скоро еще что-нибудь рассмотрим.

— Да ладно тебе, это я так, шучу. Я тебе вот чего звоню... — он замялся. — Ну, насчет видений твоих. Ты там еще куда-нибудь не заглядывала, в сферы свои?..

— В прошлое, — затянулась Яна, — о чем тебе и толкую. Да, кстати, ты с Санталовой Любовью Ивановной разговаривал?

— Ага. Она о тебе спрашивала. Я тебя отрекомендовал. Так она что, звонила?

— Навещала. Она наняла меня. Так что я тоже в игре, — улыбнулась трубке Милославская. — Будем работать вместе?

— Будем, — неохотно прогундосил Три Семерки, — не дают тебе покоя, эхе-хе...

— Она мне что-то такое плохое о своей снохе плела, — Яна пустила кольцо дыма к потолку, — подозревает ее.

— Проститутка это, — отрывисто произнес Руденко, — ну, я до нее доберусь!

— Ладно, Семеныч, мне работать надо. Где, кстати эта Настя живет?

— Ты ж сказала, что она за городом...

— Адрес ее сказать можешь?

Руденко продиктовал адрес.

— А что ты там делать будешь? — встрепенулся Три Семерки. — Мы обыск произвели — ничего не найдено.

— С соседями поговорю.

— Говорено уже. Никто ничего не видел и не слышал, — продолжал занудничать Руденко.

— Чао, дорогой, — усмехнулась Яна.

Распознавшись с Руденко, Яна после недолгих раздумий решила съездить к Насте. Но перед тем все же сочла необходимым испытать новую карту, находящуюся, так сказать, в работе. Эта карта должна была одобрить Янино намерение или, наоборот, сказать, что определенного действия предпринимать не стоит. Яна про себя называла эту карту «Да. Нет.» Она достала ее с полки. Карта еще не была покрыта лаком — она была неокончена. Хотя рисунок был завершен. Чтобы «обкатать» карту Яна частенько обращалась к ней, запускала в работу.

Она накрыла картонный прямоугольник рукой и, прикрыв веки, откинулась на спинку кресла. Мысленно Яна спрашивала, стоит ли ехать к Насте. Она ждала, что внутренний голос даст ей ответ. Прошло несколько минут. Карта молчала, вернее, сердце Яны молчало. Снова усилие — впустую. Яна отложила в досаде карту. А что, если еще раз, пусть и на пределе своих сил, поэксплуатировать «Взгляд в прошлое»?

Теперь Яна положила руку на отлакированный гляцевый прямоугольник. Она закрыла глаза и как всегда стала упражнять воображение, настраиваясь на образы Санталова, его жены, Гулько и Насти. Она глубоко при этом дышала, позволяя своему телу расслабиться. «Пленка» со свистом полетела перед Яниным взором. Она свивалась, точно лента Мебиуса, и разворачивалась, не переставая крутиться. Яна едва не зажмурилась — острые края пленки резанули по глазам. Чернота в единый миг сменилась туманной картинкой. Вокруг нее подобно плавящейся на глазах раме мерцали и клубились серые круги. Яна смотрела в центр этого чуда-зеркала.

Она видела перед собой большую комнату. Персиковые обои, в тон им ковер, канапе с изогнутой спинкой, овальный столик, ножки которого своим плавным извивом напоминали стебли тропических растений,

собранные лентой занавески нежного абрикосового оттенка и огромную кровать, застеленную белым, атласным покрывалом. По покрывалу скользили завитушки лимонного цвета. Стоявшее у окна кресло словно приглашало присесть. Крошечный комод в стиле модерн с большим декоративным флаконом и висящее над ним зеркало довершали интерьер. Ящики комода были неплотно закрыты, а на ковре валялись клочки бумаги. Тихий свет, проникавший из окна, припорошивал предметы белесоватой пудрой.

И тут вдруг зеркало, явившее это изображение, стало дрожать. Вначале мелкой дрожью, потом просто трястись. Серые круги едва не захлестывали его. Словно буря на море. Яне показалось, что и ее качает, как-будто она была на палубе корабля, попавшего в шторм. И тут Янин взгляд застлало что-то темное. Эта тьма двигалась. И вместе с ней двигалась Яна. Этот неведомо откуда взявшийся мрак и стал причиной внезапного смущения видения. Он провоцировал дрожь и тряску, он летел... Яна слышала чье-то дыхание. Учащенное, жаркое, опаляющее все вокруг. И тут неожиданно взрыв — темный сгусток метнулся к ящику комода. Тот открылся, беззащитный перед этой стремительной силой, позволяя увидеть содержимое.

Белье — кружево и шелк. Чья-то темная рука схватила переливчатую материю. Она упала, накрывая какой-то предмет. Это же пистолет! Яне захотелось крикнуть. Но она сдержалась, боясь, что спугнет картинку. Кое-как замотав на пистолете розовую ткань, рука сунула «сверток» в ящик и быстро задвинула последний. И снова стремительнодвигающаяся тьма. На постели Яна увидела сумку, черную, поблескивающую, с тонкой переплетенной ручкой. Едва Яне удалось различить предмет, сумка тут же исчезла, затянута движением жаркой тени. Эта тень мгновенно заполонила картинку, без остатка поглотила светлую комнату, а вслед за ней и серые круги. Видение развоплотилось, перетекло в безжизненный мрак.

Яна открыла глаза. У нее было ощущение, что на каждой руке висит гиря килограммов в двадцать. По лбу струился пот, хотя в комнате поддерживалась оптимальная температура.

Джемма с тревогой наблюдала за хозяйкой. Увидев, что та открыла глаза, она жалобно взвизгнула, но не дождавшись ответа, снова опустила голову на лапы. Точно сомнамбула, Яна взяла телефонную трубку.

— Да, — услышала она на том конце жизнерадостный баритон.

— Сеня, у меня к тебе вопрос, — стараясь подавить волнение и слабость, сказала Яна.

— Что за вопрос? — с недоумением спросил Три Семерки.

— Мне привиделась комната...

Яна описала пригрезившийся ей интерьер.

— И что? — бестолково спросил Руденко.

— Ничего тебе не напоминает?

Повисла напряженная пауза, в течение которой Три Семерки рылся в архивах памяти.

— Постой-постой, — наконец нарушил он молчание, — то, что ты описала, похоже на квартиру этой проститутки.

— Вот как! — просияла Яна. — Ты меня обрадовал.

— И что же ты там видела? Просто комнату и все? — поддел Яну Три Семерки.

— Видела пистолет, дорогой мой, и могу даже сказать где, — Яна вытащила из пачки сигарету и вставила в угол рта.

— Не может быть, — с апломбом недоучки произнес Руденко, — мои люди все там перерыли. Ничегошеньки не нашли. А ты мне про пистолет!

— Пистолет в розовом белье, в среднем ящике комода. Я так понимаю, что это спальня... — Яна задыхалась.

— Чушь, — не поверил Три Семерки, — бывают и в заоблачных сферах проколы... — насмешливо добавил он.

— Не бывает, Сеня. Пошли туда своих людей, вот и убедишься, — настаивала Яна.

— В заоблачные сферы? — засмеялся Три Семерки. — Ну и упорная ты баба, Милославская! Говорю тебе, мы там все — я имею в виду квартиру Парамоновой — прошмонали. У меня дел хватает, а вот людей в отделении не хватает, — довольный каламбуром, он заржал еще громче.

— Ну хоть одного человечка! — взмолилась Яна, хотя тупость и занудство лейтенанта действовали ей на нервы. — Я бы к нему присоединилась...

— Это еще зачем?

— Поработать на предмет психометрии, — Яна специально употребила термин из области паранормальной практики, чтобы докнать Руденко.

— Эхе-хе, — вздохнул Руденко, стараясь не показывать, что он пребывает в откровенном замешательстве, — а если ничего там не будет?

— Давай поспорим на сто баксов, что будет! — Яну потянуло на издевательство.

— Чего ты! — открестился Руденко. — Откуда у меня такие деньги?

— Ну тогда на бутылку портвейна, — засмеялась Яна.

Снова пауза.

— Ты чего там, уснул? — намеренно громко произнесла Яна.

— Думаю...

— Слишком долго, — усмехнулась Яна. — Давай быстрее — улика может исчезнуть. В общем, пока ты думаешь, я к тебе подъеду. Жди.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Яна повесила трубку и стала собираться. Слабость поубавилась, но силы ее еще восстановлены не были. Она нацепила джинсы, джемпер, подкрасила губы и стала обуваться. Потом накинула каракулевый полушубок и, приказав Джемме сторожить дом, вышла во двор.

Яркая белизна снега больно ударила по глазам. Весна не торопилась. Она как-то медленно и трусливо вползала в город. Снег был мокрым, но не таял. Промозглый ветер не оставлял шансов ранним весенним иллюзиям. Стоило ему задуть, и вы чувствовали себя посреди зимы. Люди поднимали воротники и смешно морщились. Бледное небо, казалось, никогда не засияет свежевывытой весенней лазурью. В общем, март начался довольно безотрадно.

Яна вышла на дорогу и, поймав машину, назвала улицу. Минут через двадцать она звонила Руденко от дежурного. Руденко велел тому пропустить Яну и она, миновав серию лабиринтов, не один раз поднявшись и спустившись с лестниц, добралась наконец до его кабинета.

Не успела она постучать, так, для проформы, как дверь распахнулась и на нее чуть не налетел плотный темноволосый мужчина в кителе. Это был старший лейтенант Корюшин. Он приветствовал немного опешившую Яну и поспешил протиснуться в пустой и гулкий коридор.

— It`s me-e, — шутливо протянула Яна, входя в кабинет, — ты послал кого-нибудь на квартиру к Насте?

— Послал, не бойсь, — снисходительно улыбнулся Руденко.

— А портвейн приготовил? — лукаво подмигнула ему Мирославская.

— А мы и не спорили... — оторопел Руденко.

— Ну как же, — покачала головой Яна, усаживаясь на неудобный стул напротив лейтенанта, — спорили...

— Вообще-то, — сделал хитрое лицо Руденко, — портवेशек у меня всегда с собой, — он кивнул на сейф.

— Ну так угощай, — рассмеялась Яна, — что-то ты сегодня не очень любезен.

— Озабочен, — вздохнул Руденко, показав на папки, висившиеся на его столе, — сплошные висяки!

Он встал, грузно облокотившись на заваленный бумагами стол и, подойдя к сейфу, выудил оттуда бутылку «Семьсот семьдесят седьмого» портвейна и пару низких, но объемных стаканов.

— Вот так-так, — он налил вина в стаканы и поднес зажигалку Яне, после чего и сам закурил, — непростая она баба, эта Санталова... Как ты ее находишь?

— Себе на уме, — таинственно усмехнулась Яна, — и слишком высокого о себе мнения.

— Вот и я о том, — Руденко взялся за стакан, — ну...

Он выжидательно посмотрел на Яну. Та пододвинула себе стакан.

— Я думала, ты меня каким-нибудь испанским хересом угостишь, — игриво поморщилась она, — а ты...

Последовал долгий вздох, полный мучительного разочарования.

— Ни хереса у нас нет, — загоготал Руденко, сделав ударение на втором слоге.

— Ты хоть и хохочешь, а какой-то грустный. Ненатурально смеешься... — Милославская пристально посмотрела на Три Семерки.

— Я ж тебе уже сказал, — укоризненно взглянул на Яну Руденко, — А ты, значит, за это дело взялась.

— Давай выпьем за успех, — вместо ответа сказала Яна, — чтоб у нас все получилось.

— Хочешь меня перещеголять? — в голубых глазах Три Семерки мелькнула тень подозрения и недовольства.

— Мы в разных весовых категориях, Сеня, — снисходительно ответила Яна.

— Ну, конечно, мне с тобой не тягаться! — обиделся лейтенант.

— Сеня, извини за грубость, но если бы ты был женщиной, я бы подумала, что у тебя критические дни. Не в духах ты...

— Зато ты в духе, — зло скаламбурил Руденко.

— Ну, мы пьем или нет?

Они молча подняли бокалы и осушили их. Руденко провел пятерней по усам.

— Эх, хорошо в стране советской жить! А ты...

Телефонный звонок не дал ему договорить.

— Руденко, — коротко сказал он в трубку. — Да, да. Понял. Угу. Вези его сюда. Молодец.

Последнее слово он произнес без присущего тому, кто это слово произносит, энтузиазма.

— Ты оказалась права, — грустно качнул он головой.

Милославская догадывалась, что несмотря на успех — она смела надеяться, что это их общий успех — Руденко испытывает что-то похожее на зависть и растерянность. Вновь Янины «бредни» оказались самой

натуральной правдой! Яна знала, что мысль о том, что очень мало людей на свете обладают паранормальными способностями, не может утешить Руденко и поубавить его чувство неполноценности. Оно, это чувство, просыпалось в лейтенанте каждый раз, когда он не соглашался с Яниным «видением», а потом на практике убеждался, что она права. Яна старалась сгладить это неприятное для Руденко переживание, словно собственная одаренность рождала в ней чувство вины, но, несмотря на все ее усилия, Руденко капризничал, канючил, а то и откровенно издевался над ней.

— В розовой майке нашел, — печально продолжил Руденко, — видать, прав я был, это проститутка укукошила Санталова и ранила еще двоих человек.

— Права была я, — с усмешкой ответила Яна, — когда посоветовала тебе поискать оружие в белье в квартире Парамоновой. А то, что пистолет обнаружен именно у нее, еще не доказывает, что это она убила Санталова, его жену и этого... с птичьей фамилией... Гулько, — Яна заложила ногу на ногу.

— Ну, это дело криминалистов, — меланхолично отозвался Три Семерки и снова потянулся к бутылке. — Давай еще по маленькой, а?

Яна кивнула. Ей самой порой было неловко оттого, что она тычет недоверчивого Руденко носом то в какое-нибудь белье, то еще куда не лучше. Яне хотелось развеять его скверное настроение.

— Пойми, мы работаем сообща и я не намерена отнимать у тебя лавры.

— Какие там лавры! — махнул он рукой, — ну...

Яна подняла свой стакан, который Руденко уже успел наполнить до половины.

— Этак я захмелею, — улыбнулась она.

— Хмель уже ударил тебе в голову — то-то ты стала такая ласковая... воркуешь...

— А я что, обычно жесткая? — притворилась задетой за живое Яна.

— Да нет, не то чтобы жесткая, а насмешливая. Зубоскалишь, шуточки отпускаешь, а то и вовсе дураком меня выставляешь, — глаза Руденко потеплели.

Они дружно выпили портвейн, прервав на минуту курение. Потом задымили с удвоенной силой. Яна чувствовала странный покой, прямо-таки умиротворение. Ее мысли блаженно текли, не стянутые железным обручем какой-либо проблемы или задачи, текли также естественно, как несет свои воды река. Ее душа мурлыкала, впервые за много дней обретя собственную музыку, собственный разлив. Ничто ее не тяготило, она плыла по жидкому

янтарю портвейна, уносимая несбыточными мечтами, благославляя их несбыточность и пустопорожность.

— У нас с тобой разные ведомства, — продолжала Яна терапию, — мы не конкуренты. Наоборот, мы до сих пор успешно сотрудничали.

— Только я это делаю за зарплату, — снова взвинулся Руденко, — а ты... Сколько ты берешь с клиента?

Он опустил глаза. Ему вовсе не хотелось, чтобы Яна заподозрила его в самой обыкновенной зависти, но и сдержаться он не мог. Раздираемый этими противоречивыми чувствами, Три Семерки не придумал ничего лучше, как обратить взоры на свои башмаки. Он даже наклонился, как бы поправляя штанину.

— Я не виновата, что государство таким образом оплачивает твой труд, — Янино блаженство рассеялось, как стайка утренних облачков, — а сколько я зарабатываю, это уж мое личное дело. Прости, я думала, наши отношения выше мелкого расчета.

— Легко тебе говорить, — Руденко закурил новую сигарету, — ты спросила у своих карт, они тебе ответили, а тут бегаешь весь день, да еще на планерке у начальника подзатыльники ловишь.

Он не смотрел на Яну, его взгляд петлял между столами, стульями, сейфом и старым выцветшим плакатом «Памятка милиционера». Отступить он явно не желал, но и лезть на рожон не смел. Яна кивнула на бутылку, чтобы разрядить обстановку.

— Давай еще по маленькой, — она тоже закурила новую сигарету.

Три Семерки с великой готовностью плеснул в стаканы остатки вина.

— А этот портвейн ничего, — миролюбиво улыбнулась Яна, — пить можно, особенно в дружеской компании.

Она вперили в немного смущенного Руденко испытующий взгляд.

— Ага, — неловко улыбнулся лейтенант, — давай.

Они выпили и снова заговорили.

— Как тебе этот Гулько, верить ему можно? — спросила Яна.

— А ты сама с ним побеседуй, — ухмыльнулся Руденко.

— Побеседую, — Яна переложила ногу и уставилась в окно.

Она видела кирпичную стену здания и в окне — мельтешение силуэтов. Кусок тусклого неба маячил между домами, вызывая уныние и скуку. И тут в кабинет стремительной походкой вошел Самойлов.

— Почему без стука? — одернул его Руденко, решивший, очевидно, выместить свою досаду и недовольство на подчиненном.

— Так я ж с этим... — оторопел сержант.

— Ладно, давай!

Самойлов достал из сумки пакет с «пээмом».

— А чего его смотреть, — заморгал Руденко. — В лабораторию — снять пальчики и на баллистическую экспертизу, — зычно скомандовал он.

— Сеня, можно мне его на минутку? — взмолилась Милославская. — Я осторожно, даже разворачивать не придется. Я же тебе говорила: психометрия.

— У тебя психометрия, — сдавленно произнес Руденко, — а у меня план горит. Неси в лабораторию, чего стоишь? — прикрикнул он на растерявшегося Самойлова.

Тот выбежал из кабинета.

— Меня интересуют отпечатки, — начальственным тоном заявил Три Семерки, — мне время экономить надо.

— Две минуты роли бы не сыграли, — с упреком посмотрела на него Яна, чувствуя, что просить его бесполезно.

Она нащупала в кармане колоду карт. Пока Руденко рассеянно смотрел в бумаги, пряча глаза, она достала карту «Внушение». Ее посетила дерзкая идея — внушить Руденко не то чтобы жалость или сострадание, а склонить его к тому, чтобы он разрешил Яне «поупражняться» с пистолетом. Она сдвинула карту в ладони и затаилась. Пробовала настроиться на лейтенанта, увидеть его ауру. Нет, все напрасно. Карта не работала. Яна еще не отдохнула после того, как «заглянула» в прошлое.

— Ты чего молчишь? — покосился на нее Руденко.

— Мне нужен адрес офиса, где работал Санталов, — холодно произнесла Яна.

— Сослуживцами покойного заняться хочешь? — Руденко стал собран и официален.

— Поговорить, — Яна загасила сигарету в хрустальной пепельнице с отбитым краем.

Руденко достал лист из серой папки, черкнул на нем несколько цифр.

— Это телефон, а вот адрес, — он принялся выписывать название улицы и фирмы.

— Ты так старательно пишешь, словно диктант в школе, — усмехнулась Яна.

— Не можешь ты без замечаний, — по-медвежьки качнул головой Руденко.

— А ты без вредности, — Яна взяла лист, не поглядев, свернула его в четыре раза и сунула в карман. Потом встала со стула. — Спасибо на добром слове. Не смею больше докучать.

— Да ты постой, — спохватился Руденко.

— Когда принесут результат экспертизы, не забудь вспомнить, как именно пистолет попал тебе в руки, — насмешливо процедила Яна. — Бывай!

Она в ускоренном темпе покинула кабинет.

— Ты в офис от меня позвонить можешь, — выскочил за ней в коридор Руденко. — Чего злишься-то? Я ж человек подневольный... Смурьгин Виктор Сергеевич — заметитель Санталова. Позвони вначале!

— Всего доброго, — белозубая улыбка, которую Яна изображала в особо торжественных случаях, сверкнула в темноте коридора, точно молния.

* * *

Разбор мерзкого поступка лейтенанта Яна оставила на потом. Она не стала звонить в офис, договариваться о встрече. Смурьгин, сказал Руденко, что ж, она попробует с ним поговорить. Тем более что риэлторская фирма — Яна достала из кармана бумагу — «Уют» находилась неподалеку.

Яна шла по облитым ледяным сиянием тротуарам и тихо, про себя, проклинала глупое упрямство Руденко. «Это же в его интересах! Вот придурок!» Мимо нее спешили люди, но она их не замечала. Она не стала, понятное дело, обсуждать с Руденко свою версию убийства. Тем более что он все равно бы счел Янины рассуждения абсурдом. Такой уж он был, этот Сеня, плескался на поверхности, не удусуживаясь заглянуть поглубже.

Янино видение, то, в котором она «присутствовала» пару мгновений на вечеринке, ясно говорило, что преступник проник с улицы. Кто-то из пирующих открыл ему дверь, или у него был дубликат ключа. Следовательно, убийство Санталова было спланировано. Кем же? Настей или Гулько, или Санталовой Оксаной? Сообщник остался в тени, его лица Яне увидеть не удалось. Да и невозможно это было — преступник был в маске. Итак, разберем мотивы.

Яна замедлила шаг, все глубже погружаясь в раздумья. Ее ноги скользили, но дискомфорта, причиняемого оледеневшими буграми и рытвинами, Яна не чувствовала. Мысли ее жили своей жизнью, в то время, как тело влеклось вдоль улицы, похожее на парусник, уносимый не крепким, но упорным ветром.

Больше всего резонов желать смерти Санталову есть у его жены. Но это можно предположить только в случае, если она действительно хотела его устранить и завладеть его богатством. У проститутки вообще никаких

резонансов нет. Если отбросить предположение, что она решила таким образом расквитаться за притеснения, чинимые Санталовым. С учетом того, что открыло ей видение вечеринки, нельзя сказать, что подобное возмездие, если оно возможно, явилось результатом мгновенной вспышки в сознании. Если до конца принять эту версию, то необходимо рассматривать произошедшее, как конечный пункт отношений между Санталовым и Настей. То есть, нужно предположить, что связь их имеет историю.

Отбросив же версию мести, можно допустить гипотезу о сговоре Насти и некоего лица с целью устранения Санталова. Такая цель должна была ставиться сравнительно давно. Вполне возможно, что Настя и ее напарник выжидали не один месяц, чтобы осуществить свои преступные замыслы.

Яна подняла воротник — дул неослабевающий ветер. Она перешла дорогу и углубилась в ничем не примечательный переулок. Возле мусорных баков тусовались бомжи — одетая в серое, потрепанное пальто женщина и мужчина средних лет в оборванной кофте в драной кроличьей шапке-ушанке. Яна ускорила шаг.

У Гулько мотивов не было. Он был случайным знакомым Оксаны. А может, не случайным? Что, если он был ее любовником в течение продолжительного времени и мамаша Юрия права? Яна поежилась. Или это был какой-то другой ее любовник, о котором никто не знал, с которым она тайно встречалась? Если допустить, что она «дружила» с Гулько, то все равно был кто-то третий, кто устроил это светопредставление. «Не будем забегать вперед», — подумала Яна.

Она подняла голову и на большой бело-синей вывеске прочитала: «Уют» и ниже — «Риэлторская фирма. Все виды услуг: купля, продажа, обмен». Яна позвонила. Ей открыл широкоплечий охранник в голубой форме.

— Добрый день, — улыбнулась Яна, — мне нужен Смурьгин Виктор Сергеевич. Моя фамилия Милославская, я...

Охранник пожал плечами, мол, меня это мало трогает, и впустил Яну в помещение. Она оказалась в довольно просторном холле, свежестроенном и действительно уютном. Отделанные под мрамор стены украшали горшки с комнатными растениями, пол был застелен ковром. В углу, на специальной подставке стояла видеодвойка «Самсунг». «Прцветающая фирма», — решила Яна.

— Смурьгин — направо по коридору, — процедил парень в форме, усаживаясь за черный овальный стол, — третья дверь.

— Спасибо, — Яна проскользнула в коридор.

Навстречу ей попала женщина лет сорока в сером костюме. Уголки воротничка белой блузки задорно торчали из выреза пиджака. Она даже не взглянула на Яну, спеша по своим делам. Ее каблучки деловито цокали по плитке. Яна дошла до кабинета Смурьгина и постучала.

— Да-да, — услышала она звучный голос, — входите.

Яна открыла дверь и вошла. В тесноватой приемной сидело несколько человек. Вообще, это была скорее даже не приемная, а рабочая комната. Секретарша размещалась за подобием стойки, делившей комнату на две части, а в другой части сотрудники фирмы, у каждого из которых был собственный стол, вели прием посетителей. Все как обычно: стеллажи с документацией, компьютер, кадка с пальмой, рекламные плакаты...

Яна направилась к секретарше — молоденькой смазливой блондинке, которая смотрела на нее из-под очков с большими тонированными стеклами.

— Купля, продажа, аренда? — поинтересовалась она тоненьким голоском, когда Милославская подошла вплотную к стойке.

Легким движением руки Яна поправила челку и улыбнулась.

— У меня довольно сложный вопрос лично к Виктору Сергеевичу, — сказала она.

Ей почему-то не хотелось посвящать эту девицу в подробности.

— Как вас представить? — секретарша неодобрительно повела плечами.

Милославская назвала себя. Секретарша нажала кнопку на пульте и повторила ее данные в микрофон.

— Пригласи ее, Ирина, — услышала Яна из динамика приятный баритон, немного искаженный помехами.

Она еще раз улыбнулась секретарше, кивнула в ответ на ее приглашающий жест и открыла дверь в кабинет.

Какое-то тревожное чувство шевельнулось у нее под ложечкой, когда она переступала порог. Яна поняла, что простого разговора у нее со Смурьгиным не получится.

Виктор Сергеевич поднялся, приветствуя Милославскую. Он был высок, но не худ, с небольшим плотным брюшком, выпячивающимся из-под расстегнутого серого пиджака, и круглой головой, покрытой реденькими седоватыми волосами.

— Присаживайтесь, — пригласил он после обмена приветствиями и на его мясистом лице скользнуло подобие улыбки.

Не дожидаясь, пока Милославская присядет к столу, он тяжело опустил на свое место.

— Слушаю вас, — он вперил в Яну тяжелый взгляд.

— Вы бы мне очень помогли, — используя все свое обаяние, произнесла Милославская, — если бы согласились ответить на несколько вопросов.

— Я же сказал, что слушаю вас, — Смурьгин откинулся на спинку кресла, так что оно едва выдержало его тяжесть, и скрестил пальцы на животе.

Его взгляд перебежал с лица Яны Борисовны на экран монитора, стоявшего на столе перед ним. Смурьгин глубоко дышал, с шумом втягивая и выпуская воздух через широкие ноздри.

— Мне нужно кое-что узнать о вашем шефе, теперь уже бывшем шефе — Санталове, — исподволь Милославская наблюдала за реакцией Смурьгина. — Как он себя вел в последние дни, не было ли у него каких-нибудь неприятностей, не угрожал ли ему кто-нибудь? Вы ведь работали с ним бок о бок, не так ли?

— Насколько я знаю, — ни один мускул не дрогнул на лице Смурьгина, — расследованием убийства Юрия занимается уголовный розыск. Они уже были у меня, и я ответил на все их вопросы. Что еще можно сказать, я не знаю. А вы-то, собственно, кто? — тень догадки, смешанной с пренебрежением, скользнула по его мясистому лицу. — Наверное, частный сыщик?

— Можно и так сказать, — попыталась уклониться от прямого ответа Милославская. — Во всяком случае, я тоже расследую это дело.

— Вы мне мозги не пудрите, — поморщился Смурьгин, не повышая голоса, — есть у вас какое-то удостоверение?

Как Яна и предчувствовала, разговор готов был вот-вот оборваться, практически так и не начавшись. Если она скажет Смурьгину правду, тот наверняка выставит ее вон из кабинета, если соврет, он сначала поймает ее на вранье, а потом все равно выгонит. Нужно было что-то предпринимать, чтобы не уйти не солоно хлебавши и первое, что пришло Милославской в голову — использовать карты и свои способности.

Медленным, завораживающим движением она вынула из сумочки, лежавшей у нее на коленях, колоду, отыскала карту «Внушение» и, положив на нее ладонь, направила взгляд на Смурьгина. Тот уже открыл было рот и набрал в легкие воздух, чтобы попросить покинуть помещение эту странную женщину, но почему-то замер и медленно выдохнул.

— Понимаете, мне просто очень нужно разобраться в этом деле, — улыбаясь произнесла Яна Борисовна.

— Ну вот, это другое дело, — удовлетворился такой мотивировкой

происходящего Смурьгин, — с этого и надо было начинать. Но все равно не понимаю, чем могу вам помочь?

— Скажите, Виктор Сергеевич, у вашего шефа в последнее время не было неприятностей на работе?

— Кажется, нет, — Смурьгин неопределенно пожал плечами, — все шло как обычно.

— А если бы кто-то стал угрожать вашему начальнику, вы бы об этом знали?

— Наверняка, — кивнул головой заместитель, — по работе у нас не было секретов.

— А в семье, — продолжила Милославская, — в семье у него, наверное, не все было хорошо?

— Почему вы так думаете? — развел руками Смурьгин. — Все как обычно.

— Значит, — настаивала Яна, — в семье Санталовых было обычным делом устраивать сексуальные оргии? Супруги что, не удовлетворяли друг друга? Для чего им понадобилось организовывать подобные мероприятия?

— Вот уж не знаю, — покачал головой Смурьгин, — может быть, захотелось разнообразия...

— Возможно, — поддакнула Милославская. — А вы не были знакомы с Гулько и Парамоновой? С теми людьми, которые принимали участие в этой злополучной вечеринке?

Взгляд Смурьгина несколько оживился, но он не произнес ни слова. У Милославской создалось впечатление, что Виктор Сергеевич, пусть и поддавшийся внушению, пытается от нее что-то скрыть. Кроме того, она поняла, что сила ее постепенно начинает ослабевать, и Смурьгин вскоре выйдет из-под контроля.

— Так вы знали их? — подтолкнула его Милославская.

— Вообще-то, — после некоторого молчания произнес Смурьгин, — я Юрку предупреждал, что добром эти его штучки не кончатся. Ну что это такое, в самом деле, приглашать к себе в дом людей, с которыми и знаком-то всего ничего. Это же ни в какие ворота, знаете ли... Вот и вышло... «А в остальном, прекрасная маркиза...» — Смурьгин даже закачал головой в такт словам песенки Утесова.

— Скажите, — предприняла последнюю попытку Яна, — вы знакомы с этими людьми? — она еще раз назвала фамилии Гулько и Парамоновой.

Смурьгин глуповато улыбнулся, но промолчал.

«Ну ладно, черт с тобой», — про себя выругалась Милославская. Приложив руку плотнее к карте, она из последних сил сконцентрировалась

и дала Смурьгину другую установку. Ей было необходимо, чтобы Виктор Сергеевич на некоторое время оставил ее в кабинете одну.

Виктор Сергеевич почувствовал резь внизу живота, у него забегали глаза и участилось дыхание.

— Я вас на секундочку оставляю, — он поднялся во весь свой огромный рост, — мне нужно... отдать кое-какие распоряжения...

— Иди, иди, — вполголоса проговорила Милославская, когда за ним захлопнулась дверь.

Она быстро спрятала колоду в сумку и пересела в кресло Смурьгина.

— Так, что тут у нас? — Яна наугад открыла несколько файлов, сама не зная, что она хочет найти.

На последнем файле она задержала свое внимание. Это был алфавитный список. Возможно, тех людей, которые стали клиентами «Уюта» или просто обращались на фирму за услугами. Здесь же были адреса и в последней графе какие-то числа, в основном четырех— и пятизначные. Яна быстро пролистала список, на мгновение остановившись где-то между буквами «М» и «С». Почему-то взгляд ее зацепился именно на этом. Она еще не знала в чем тут дело, но вернулась к тому месту. «Господи, ну конечно», — в списке возникла знакомая фамилия. «Парамонова Инна Петровна». Рядом был адрес и пятизначное число.

Простое ли это совпадение? Мало ли Парамоновых? Яна в спешном порядке набрала номер Руденко. Но тут она услышала шаги, мигом повесила трубку и едва успела пересестись на свой стул.

— Ну-с, — вернувшийся Смурьгин сел на свое рабочее место, — чем я еще могу вам помочь?

— Вы не знаете некую Парамонову Настю? Она принимала участие в вечеринке. Может, слышали что-нибудь? Она была знакомой Санталова.

— Парамонова, говорите? — рассеянно почесал подбородок Смурьгин. — Нет, что-то не припомню.

Его тусклый взгляд уперся в стол.

— Она не была, что называется, просто знакомой, — Яна выразительно посмотрела на зама, — Настя занималась...

— Проститутка? — снисходительно улыбнулся Смурьгин. — Вам стыдно произносить это слово?

— Нет, — передернула плечами Яна, — не стыдно. Так вы ничего о ней не слышали?

— А почему я должен был интересоваться личной жизнью моего начальника? — приподнял брови Смурьгин.

— Сами понимаете, как это зачастую бывает, — Яна бросила на него

намекающий взгляд, — порой хочется расслабиться. Бизнесмены организуют такие сейшены. Общая работа... общие женщины.

— Ну что вы! — как на глупенькую посмотрел на Яну Смурьгин, — у нас такого не было. Да, в других конторах, может быть... Но у нас — нет, — уверенно закончил он. — У нас солидная фирма.

— То есть, вы хотите сказать, что Санталов ладил с женой и не изменял ей? — Яна пристально взглянула на Смурьгина.

— Не знаю, — усмехнулся Смурьгин, — как говорится, свечку не держал. Простите, — он смущенно кашлянул.

— Оксана часто приходила к мужу на работу?

— Нет, — вздохнул он, — но звонила. Хотя тоже нельзя сказать, что часто. Они производили впечатление, если не счастливой, то вполне удовлетворенной жизнью пары. Любовь — это редкость, — он проникновенно посмотрел на Яну, сделавшись вдруг сентиментальным, — к тому же, когда речь идет о богатом муже и, скажем так, весьма среднего достатка жене, то вывод напрашивается сам собой.

— Вы полагаете, что Оксаной двигал денежный расчет? — улыбнулась Яна.

— Конечно, — самодовольная усмешка тронула неплотно сжатые губы Смурьгина, — думаю, они пришли к консенсусу. Порой, видите ли, брак по расчету крепче брака по любви. Там, где впутаны эмоции, толку не жди.

— Значит, меркантильный интерес, которым, по вашему мнению, руководствовалась Оксана, выходя замуж за Санталова, не смог помешать рождению обоюдной симпатии?

— Я не был даже тем, кого принято называть другом семьи. Санталовы прожили вместе не так много времени, чтобы окончательно решить, что все их в браке устраивало, — он вздохнул, как бы демонстрируя, что вполне отдает себе отчет в тех мелких и крупных жизненных коллизиях, которые могут подстергать кого угодно, тем более сходящихся мужчину и женщину. — Кто его знает, может, кому-нибудь из них и недоставало чего-то.

— Это очевидно, — закурила Яна, — иначе не было бы никакой оргии. Скажите, теперь фирма переходит в собственность Оксаны?

— Да, — слегка кивнул Смурьгин, — она станет хозяйкой, когда поправится.

— Конечно, ей сейчас не до этого...

— Конечно, — скорчил сострадательную гримасу Смурьгин.

— Пока фирмой руководите вы, — Яна выпустила широкое кольцо дыма, которое медленно покачавшись в воздухе, разорвалось и стало

вытянутыми клоками подниматься к потолку, — значит, у Санталова по работе неприятностей не было?

— У нас тихий бизнес, — обнажил в улыбке острые желтоватые зубы Смурьгин, — хоть и престижная, но небольшая фирма. Какие враги, какие неприятности? Нет, ну конечно, есть разные проблемы, нерешенные вопросы. Но убивать из-за этого... — он скептически усмехнулся и покачал головой.

— На этой проклятой вечеринке было четыре человека. Кто-то из присутствующих открыл дверь, пока остальные развлекались, и впустил убийцу. Странно, не правда ли? — Яна вперила в Смурьгина долгий испытующий взгляд.

Она видела ауру этого не внушающего доверия человека. Яна редко ошибалась в людях и у нее было такое чувство, что Смурьгин что-то не договаривает. Она пыталась мысленно нащупать это что-то, но не могла. Энергетика Смурьгина была достаточно сильной, она сводила на нет любые Янины усилия проникнуть в его внутренний мир. Напрасно Яна незаметно для Смурьгина достала карту «Чтение» и пробовала настроиться на восприятие его чувств.

То ли она уже выдохлась, то ли некая внутренняя защита, работающая, возможно, без сознательного участия Смурьгина, не позволяли ей «прочитать» эмоциональный настрой последнего.

Покрутив карту в руке, Яна снова спрятала ее в карман. Ее собеседник краем глаза наблюдал за ней.

— Откуда вы знаете, что убийца проник в дом с улицы? — вяло удивился Смурьгин.

— Видела, — интригуяюще усмехнулась Яна, — во сне, — добавила она, чтобы сбить Смурьгина с толку.

— Ну, — он заулыбался, — это уже из области фантастики.

— Это вы так думаете, — усмехнулась Милославская, — у меня же на этот счет другое мнение.

— Ладно, ладно, — отмахнулся от нее, словно от назойливой мухи Смурьгин, — думайте что хотите, только меня оставьте в покое. Если у вас все — дайте мне работать. Деньги просто так с потолка не капаят.

— Хорошо, — Яна Борисовна поднялась и шагнула к выходу, но тут же остановилась, повернувшись к Виктору Сергеевичу, — еще только один вопрос. Вам ведь тоже выгодна смерть вашего начальника?

— Что-о? — Смурьгин выпучил глаза и даже привстал с кресла. — Какого черта вы себе позволяете? Ира-а, — заорал он и, дождавшись когда взволнованная секретарша залетела в кабинет, ткнул толстым пальцем в

сторону Милославской, — проводи посетительницу.

Он со свистом выпустил воздух через ноздри и тяжело плюхнулся в кресло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Яна вышла на улицу со смешанным чувством удовлетворения и досады. Досады на то, что не удалось выведать у Смурьгина большого количества информации и удовлетворения, что кое-что узнать все-таки удалось. Было ясно, что Смурьгин сделал все, чтобы не сказать правды. Милославская даже не была уверена, что он говорил правду, находясь в состоянии гипноза. Впрочем, ей была важна любая информация, даже ложная. Уверенно она могла сказать только о том, что Смурьгин врал ей, говоря, что не слышал фамилию Парамоновой. Даже если Инна Петровна Парамонова и не является родственницей Насте Парамоновой. Был, конечно, небольшой шанс, что Смурьгин просто позабыл об этом, но это было легко проверить.

Милославская достала из сумки небольшой блокнотик и ручку и записала на всякий случай адрес Инны Петровны. До Складской улицы, где располагался этот четырехэтажный дом сталинской постройки, Яна добралась на троллейбусе, благо время было не пиковое, и народу в транспорте было немного.

От остановки ей пришлось подняться пару кварталов вверх от Волги. Она вошла во двор, образованный кроме дома Парамоновой еще двумя такими же домами и прошла вдоль дворового фасада, отыскивая квартиру номер десять.

«Кажется, здесь», — она вошла во второй подъезд и с озадаченным видом остановилась перед тяжелой металлической дверью с надписью «Служебный вход».

«Что-то здесь не так», — Милославская повернулась к другой двери, на которой была прикреплена табличка с цифрой девять.

Решив все-таки не сдаваться, она взялась за ручку металлической двери и потянула ее на себя. Дверь не поддавалась. Не было там и звонка, чтобы позвонить. Тогда она костяшками пальцев постучала по холодному металлу. Подождав несколько секунд, повторила попытку. Ее усилия все же увенчались успехом. Дверь девятой квартиры приоткрылась на длину цепочки и из прихожей на нее уставилась пара любопытных глаз, принадлежавших, скорее всего, пожилой женщине. Милославская скорее почувствовала, чем увидела в полумраке ее сморщенное как печеное яблоко лицо.

— Извините, — Яна шагнула в сторону девятой квартиры, — я ищу

Инну Петровну Парамонову.

Дверь захлопнулась у нее перед носом, и Милославская уже хотела было снова приняться барабанить по металлу, как дверь девятой квартиры распахнулась и на пороге появилась маленькая старушка — божий одуванчик с кожей, похожей на папиросную бумагу. Казалось, одно неосторожное движение — и она лопнет, обнажая мышцы и сухожилия, которые прикрывала. Может быть, поэтому старушка двигалась медленно и плавно, как при замедленной съемке.

— А вы кем Инне Петровне приходитесь? — старушка говорила настороженно и в тоже время мягко и вкрадчиво, словно обволакивая Милославскую своим голосом.

Вообще, что-то в ее появлении Яне показалось мистическим, нереальным. Она даже прикрыла на мгновение глаза, ожидая, что видение исчезнет, но когда она вновь их открыла, старушка все еще стояла перед ней.

— Мне нужно поговорить с Инной Петровной по поводу ее дочери — Насти. Вы не знаете, где я могу ее найти?

— Могу только сказать, что здесь вы ее точно не найдете, — настороженность старушки сменилась любопытством. — Вы из страховой компании?

— Нет, — покачала головой Милославская, — просто мне нужно поговорить с Инной Петровной.

— Она уже здесь давно не живет, — сообщила немного помолчав старушка, — с тех пор как они продали свою квартиру. Теперь здесь продуктовый магазин.

— А где сейчас живет Инна Петровна, вы не знаете?

— Дочка им купила квартиру где-то в района аэропорта, — вздохнула женщина, — точного адреса я не знаю.

— Дочка? — переспросила Яна. — Они что же, не могли купить квартиру сами? Как я поняла, эту квартиру они продали?..

— Про-да-ли, — протянула старушка, — только денег, которые они смогли получить, им хватило разве что на сарай. Фирма, с которой они связались, просто-напросто их надула. Кинула, как сейчас выражаются, — добавила она.

— Так можно было заявить в милицию, подать в суд, — предположила Яна Борисовна.

— Наверное, кто-нибудь и мог бы, — вздохнула бабушка, — только Инна Петровна не из тех, кто может добиваться правды в судах, да и муж ее Иван Митрофанович — совсем больной. Они из-за этого и хотели

квартиру-то продать, чтобы деньги были на лечение. А получилось так, что ни квартиры, ни денег. Если бы не Настя, вообще остались бы на улице. Вы, может быть, пройдете в дом? — старушка подняла на Милославскую маленькие слезящиеся глаза, которые постоянно вытирала кружевным платочком.

— Спасибо, — поблагодарила Яна, — а у вас есть телефон?

— Конечно, конечно, — засуетилась старушка, — проходите, пожалуйста.

Старый телефонный аппарат стоял тут же в большой прихожей, так что Милославской не пришлось даже проходить в комнату. Она сняла трубку и набрала телефонный номер Руденко.

— Да, — резко ответила трубка на том конце провода.

— Семен Семенович? — Спросила Милославская.

— Ну, — буркнул Руденко, — это ты, что ли?

— Я, Сеня, — ответила Яна. — Не окажешь ли мне небольшую услугу?

— Здесь уголовный розыск, Яна Борисовна, а не бюро добрых услуг, — довольно нелюбезно отозвался Руденко.

Впрочем, Яна знала, что за этой выставляемой напоказ грубостью скрывается доброе, в принципе, сердце, настолько доброе, насколько оно вообще может быть добрым у работника внутренних органов. Поэтому она совсем не обиделась, а сказала:

— Семен, мне нужен адрес Настиных родителей. Я бы могла узнать его в адресном бюро, но вы ведь наверняка уже у них побывали, так что это не составит тебе никакого труда. Я угадала?

— Угадала-нагадала, — скаламбурил Руденко, — сейчас посмотрю.

На некоторое время в трубке повисло молчание.

— Ты меня еще слушаешь? — снова возник в трубке голос лейтенанта.

— Конечно, Сеня, — проворковала Милославская.

— Записывай.

Семен Семенович продиктовал адрес.

— Только ничего интересного ты там не узнаешь, — добавил Три Семерки, — Настя не появлялась у них уже несколько дней.

— Я уже кое-что узнала, Семен Семеныч, — Яна решила немного поинтриговать Руденко.

— Ты ведь скажешь мне, правда? — спросил Три Семерки.

— Скажу, товарищ Руденко, — усмехнулась Яна, — мы же партнеры.

— Тогда двигай ко мне, — в голосе лейтенанта появились командирские нотки, — я тебя жду.

— Сперва мне нужно еще кое-что уточнить, — немного осадил его Милославская, — а как только освобожусь, тут же примчусь к тебе.

— Ладно, — крикнул Руденко и в сердцах швырнул трубку на рычаг.

Милославская усмехнулась и пожала плечами. Она только что заметила, что старушка все стоит в прихожей, которая освещалась, очевидно, из экономии тусклой сорокаваттной лампочкой.

— Хотите чаю? — предложила хозяйка, когда Яна закончила разговор.

— Как-нибудь в другой раз. И спасибо вам, — поблагодарила Яна и вышла на улицу.

* * *

Ветер не унимался, но Яна чувствовала, что это ветер перемен. Он унесет зимние холода и пригонит откуда-нибудь с юга антициклон, а с ним тепло, первую травку, вылетающую из-под снега, перелетных птиц и голубое небо, которое бывает таким чистым только весной.

Чуть-чуть постояв на перекрестке, Яна двинулась по Рабочей в сторону улицы Чапаева. Незаметно для себя она прошла три больших квартала, размышляя о том, что узнала от бывшей соседки Парамоновых. Если все, что сообщила ей старушка правда, а сомневаться в этом у Милославской не было причин, то получается, что у Насти был мотив, чтобы отомстить фирме, которая облапошила ее родителей. Не фирме, конечно, — поправила она себя, — а ее хозяину — Смурьгину. Если только... Если только «Уют» — это именно та фирма, а Инна Петровна — мама Насти Парамоновой.

Вскоре подошел длинный импортный автобус, и Милославская удобно устроилась в салоне на кресле. Почти всю дорогу до нового жилья Инны Петровны она просидела расслабившись, лишь краем глаза, полубессознательно поглядывая в окно.

Дом, адрес которого ей назвал Руденко, оказался обычной пятиэтажной хрущевкой. Нужный Яне подъезд был оборудован стальной дверью с кодовым замком, поэтому пришлось подождать, пока кто-нибудь из жильцов выйдет из дома или наоборот — придет домой. Эти жильцом оказался курносый веснушчатый пацан лет десяти с цветным ранцем за спиной.

— Погоди, мальчик, — окликнула его Милославская, когда он уже отпер дверь и собирался войти, — я забыла номер.

— Сто пятьдесят семь, — подсказал ей парнишка и, не закрывая дверь

начал подниматься по лестнице.

— Спасибо, — крикнула она ему вслед и пожурела про себя лейтенанта, который забыл сообщить ей код. А может, не сказал специально.

Квартира, где жила Инна Петровна, находилась на первом этаже. Яна нажала кнопку звонка и, зная о том, что родители Насти люди пожилые, приготовилась к долгому ожиданию, но дверь открылась почти сразу. Из квартиры пахло запахом лекарств и каким-то нездоровым духом.

Высокая худощавая женщина, открывшая дверь, была одета в потертое синее пальто с меховым воротником — видно, собралась куда-то идти.

— Здравствуйте. Вы Инна Петровна? — Яна смотрела на женщину и думала, сколько же должен пережить человек, чтобы смотреть на мир такими тоскливыми глазами, какие были у Парамоновой.

— Я, — ответила она, — а вы кто?

— Я из милиции, — соврала Милославская, чтобы не вдаваться в долгие объяснения, — мне нужно задать вам еще несколько вопросов.

Конечно, она немного рисковала, потому что Парамонова могла бы попросить у нее удостоверение личности, но что-то подсказывало ей, что она не будет этого делать.

— Проходите на кухню, — Инна Петровна расстегнула пальто и пошла вперед.

Кухонка, куда вслед за хозяйкой прошла Яна, не отличалась образцовым порядком. Тем не менее она была довольно уютной, хотя и чересчур заставленной. Рисунок красных занавесок на окнах едва ли не в точности повторял рисунок скатерки, от которой веяло специфическим запахом новизны. На холодильнике, окруженный банками, блюдами, связками ключей, блокнотом, коробками спичек и прочими мелочами, притулился маленький черно-белый телевизор. Под мойкой висела батарея пустых бутылок с этикетками «Нарзан» и «Ессентуки», на подоконнике стоял узкий ящик с землей, черноту которой бороздили крошечные зеленые ростки.

— Садитесь, — как-то безучастно кивнула на табуретку Инна Петровна. — Что вы хотите знать?

Она с бесконечно усталым видом уселась на другую табуретку, ножка которой была обмотана веревкой. Яна поблагодарила, усаживаясь за небольшой, шаткий стол. Несмотря за замотанный вид и очевидную подавленность, глаза Инны Петровны, как заметила Яна, стали все больше напоминать двух бегающих зверушек. Было понятно, что намечавшийся разговор не способен принести ей ничего, кроме дополнительной тревоги и

разочарования.

— У меня к вам несколько вопросов, — определилась Яна, — во-первых, меня интересует, где, кроме дома, я имею в виду ее квартиру, можно найти вашу дочь. Это очень важно!

— Меня уже об этом спрашивали, — недоверчиво взглянула на Яну Настина мать, — а мне некогда. Мне к мужу в больницу нужно. Я уже все рассказала. Одна я и с ним, и на даче...

— Я вас очень хорошо понимаю и сочувствую вам, поверьте, — Яна мягко улыбнулась, — и все-таки... Где я могу найти Настю? Может, какие-нибудь друзья, подруги?

— Я ее новых приятелей не знаю, — вздохнула Инна Петровна, — не знаю, чем она занимается. Я и на квартире у нее не была — все, знаете ли, некогда.

Инна Петровна подняла на Яну долгий пустой взгляд. Он проникал сквозь Яну, словно сквозь стекло, уходя куда-то вдаль. Отчужденный, равнодушный, усталый.

— А из старых ее подруг? — наставила Яна.

— Ну, — приподняла плечи Инна Петровна, — Светлана Смыслова или еще эта...

Ее бледные, изборожденные микроскопическими морщинками губы продолжали шевелиться, но уже молча. Словно кто-то, стоящий за кадром этой кухонки, выключил звук.

— ...Мосолова Лариса, кажется, ее зовут, — Инна Петровна снова погрузилась в молчание, в течение которого ее глаза вяло отслеживали качание веток за окном.

— Вы знаете, где они живут?

— Нет, — Инна Петровна провела рукой по волосам.

— Раньше вы жили на Складской улице, — сказала Милославская.

По лицу Парамоновой скользнула тревожная тень, было видно, что вспоминать об этом ей тяжело.

— Для нас это была слишком большая квартира, — сказала она, — пенсия сейчас сами знаете какая, вот мы и поменялись.

— Наверное, поменялись с большой доплатой? Там ведь у вас была очень дорогая квартира. Сталинский дом, высокие потолки, тихий престижный район.

В кухне повисло тягостное молчание, нарушаемое лишь шумом колес проезжавших за окном автомобилей, да водой, капающей из плохо повернутого крана.

— Вы пользовались услугами какой-то фирмы? — прервала молчание

Яна Борисовна.

Парамонова всплакнула и уткнулась лицом в носовой платок, невесть откуда появившийся у нее в руках.

— Господи, — с дрожью в голосе произнесла она, — это такая неприятная история. Если бы не Настя, мы бы просто остались на улице.

— Расскажите об этом поподробнее.

Из сбивчивого рассказа Парамоновой, изредка нарушаемого наводящими вопросами, Яна поняла, что когда серьезно заболел муж Инны Петровны и понадобились деньги на лекарства, они решили продать свою квартиру и купить поменьше, чтобы деньги, полученные за дополнительные квадратные метры, тратить на лечение. Фирма «Уют», в которую они обратились, предложила им новую двухкомнатную квартиру взамен их трехкомнатной и такую огромную доплату, что они сразу же согласились. Представитель фирмы, Инна Петровна даже не помнила его фамилию, сказала только, что звали его Юрий Николаевич, показал ей и мужу массу документов, доказывающих, что «Уют» надежный партнер и является официальными представителями одного из отделов мэрии, который занимается распределением государственного жилья. Эти документы окончательно убедили Парамоновых, что они сделали правильный выбор. Правда, квартира, которую показал им Юрий Николаевич, была еще не отделана, и он предложил им после продажи своей квартиры, некоторое время пожить в старенькой гостинице.

«Ваше проживание там, — заверил Юрий Николаевич, — фирма оплатит самостоятельно, а через две недели вы въедете в новенькую квартиру».

Дальше случилось то, что должно было случиться в этой забытой Богом стране. Две недели в гостинице, которые оплатил Юрий Николаевич, пролетели быстро, но почему-то никто не торопился выписывать Парамоновым ордер на новенькую однокомнатную квартиру. Деньги же за трехкомнатную квартиру Парамоновых Юрий Николаевич временно оставил у себя. «До окончательного расчета», — как он выразился. Он, правда, выделил им полторы тысячи рублей, которые закончились почти одновременно с платой за гостиницу: лекарства, которые покупала Инна Петровна своему больному мужу, стоили очень дорого.

Инна Петровна стала звонить в «Уют», но Юрий Николаевич почему-то постоянно отсутствовал на рабочем месте. Заподозрив неладное, Парамонова взяла нотариально заверенный договор, собрала последние деньги и отправилась к адвокату. Посмотрев документы, адвокат сообщил ей, что их, попросту говоря, «кинули». Сумма, указанная в договоре, была

на порядок меньше реальной. Адвокат, посочувствовав Инне Петровне, сказал, что готов все же попытаться ей помочь и назвал такую сумму своего гонорара, что у Парамоновой потемнело в глазах. Она едва смогла добраться до гостиницы, из которой их уже настойчиво просили убраться или оплатить последующее проживание, по пути позвонив дочери.

Настя приехала. В этот же вечер, посоветовавшись с парочкой своих знакомых, она поняла, что дело в плане возврата денег бесперспективное. У нее было кое-что скоплено на черный день, недостающую сумму она заняла и купила своим «неразумным предкам», как она выразилась, вот эту самую квартиру.

— А после того, как вы переселились сюда, вы не пытались восстановить справедливость?

— Справедливость у нас только для богатых, — Инна Петровна спрятала платок, который все время крутила в руках, в карман.

Она поднялась и застегнула пальто.

— Мне нужно в больницу, а то приемные часы закончатся.

— Значит, сейчас вы не знаете, где находится ваша дочь? — спросила Милославская уже в прихожей.

— Не знаю.

— Простите, еще один вопрос, — Яна надела полушубок, — скажите, Настя знала того человека, я имею ввиду, директора «Уюта», который был повинен в том, что с вами так обошлись.

— Наверяд ли, — скептически пожала плечами Инна Петровна, — я не говорила ей, да она и не спрашивала. Она просто дала денег и сказала, чтобы мы впредь не допускали таких ошибок. Несмотря на то, что она помогала нам, делала она это как-то неохотно, — она тяжело вздохнула, голос ее предательски дрогнул, — да и не часто оказывала она нам помощь.

— А это чье? — Яна показала на шелковый оранжевый шарфик, висевший на вешалке.

— Настя забыла, когда была у нас последний раз.

— Можно я его возьму на несколько дней?

— Берите, — кивнула Парамонова, — только...

— Если Настя появится раньше и он ей понадобится, — Яна вынула визитку и протянула Инне Петровне, — пусть мне позвонит.

Не глядя, Парамонова сунула картонный прямоугольничек в карман.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вместо того, чтобы отправиться к Руденко, как обещала, Яна доехала до центра и зашла в небольшое уютное кафе. Пока широколицая официантка выполняла заказ, она достала колоду и, перемешав ее, нашла карту «Взгляд сквозь оболочку».

Глядя на оранжевый шарфик, она опустила правую ладонь на карту и сосредоточилась. С помощью этой карты Яна могла по вещи, принадлежащей какому-либо человеку, сказать, где он, что с ним или чем он в данный момент занимается. С прошлого сеанса работы с картами прошло достаточное количество времени, чтобы Яна могла как следует восстановить силы, поэтому результат оказался быстрым.

Оранжевые разводы на шарфике зашевелились, изменяя свою форму, затем сплелись в одно темное пятно, на котором, словно в разогревающемся экране телевизоре, возникло изображение. Это была дорога, движущаяся навстречу Яне, словно она (Яна) ехала на автомобиле. Дорога показалась ей знакомой и через некоторое время она действительно поняла, что ведет она в сторону Заводского района. Усилием воли Яна ускорила движение и вскоре оказалась у разъезда. У перекрестка кроме светофора располагалась маленькая сторожка, желтая штукатурка которой изрядно облупилась. Тронутая снегом, она мокла под его холодными поцелуями, будя почти что пушкинскую грусть. Вдоль одной из дорог, той, которую пересекла Яна в своем движении, шло железнодорожное полотно. Яна миновала дощатый переезд и, свернув налево, стала углубляться в новый жилой массив. Он сплошь состоял из «хрущоб» и старых двухэтажных домов, по одной стороне тянулись рельсы, с другой то и дело возникали странные безжизненные объекты вроде складов, длинных производственных корпусов и пустынных бензозаправок.

Яна пересекла какую-то узенькую речку и продолжила движение. Казалось, ему не будет конца. Понемногу пейзаж городских окраин стал отступать, поглощаемый запорошенными снегом холмами. Склоны лоснились перетекающими в синеву сиреневыми тенями, выглянувшее на миг солнце линовало округу, делая ее похожей на школьную тетрадь. Яна повернула направо, слыша нарастающий гул. Словно неслась на крыльях ветра. Дорога пошла петлять меж холмов, покрытых реденьким лесом. Кое-где темнела обнажившаяся земля, она ярко контрастировала с белыми шапками, убаюканными серо-сизыми облаками. Яна приблизилась к

разъезду. Стояло два указателя. Не успел даже вопрос: куда дальше? возникнуть в ее голове, как увлекаемая неведомым воздушным течением, она понеслась над дорогой, отклоняющейся влево. Она едва успела прочесть надпись на следующем указателе, возникшем словно из-под земли: «Устиновка». Еще через одно мгновение видение исчезло, оранжевые разводы на шарфике заискрились золотом и погасли.

— Пожалуйста, — внезапно появившаяся официантка с подносом начала выставлять приборы на стол.

— У вас здесь есть телефон? — подняла на нее глаза Милославская.

— В баре, — кивнула официантка в сторону стойки.

До Руденко она дозвонилась не сразу. Когда же трубку на том конце провода сняли, она узнала усталый голос Семена Семеновича.

— Да, — раздраженно бросил он в трубку.

— Знаешь деревню Устиновку? — без предисловий спросила Милославская.

— Между прочим, — не ответил на ее вопрос Руденко, — я тебя жду в отделе.

— Я сейчас обедаю, Сеня, а у тебя есть одно срочное дело.

— О-бе-да-ет она, — пренебрежительно протянул Три Семерки, — а я вот сегодня еще не успел.

— Тебе полезно немного поголодать, — прошла Яна насчет его избыточного веса, — Настя в Устиновке. Там всего-то домов сорок, так что много времени у тебя это не займет.

— Откуда ты знаешь?.. — начал было расспросы Руденко, но осекся. — Хотя, да. Только это ведь не моя епархия, нужно связаться с ребятами из горотдела.

— Вот и свяжись. И чем скорее, тем лучше. Знаешь, у меня нехорошее предчувствие.

— Ладно, — буркнул Руденко. — Только если мы там ее не найдем...

— Найдете, Сема, поищите только получше.

— Дай хоть еще какую зацепку, — взмолился лейтенант, — не можем же мы проверить все сорок домов. Как я вообще все это объясню начальству?

— Это не мое дело, — отрезала Милославская, — а насчет зацепки, — она задумалась, припоминая свое первое видение в тот день, когда Руденко заявился к ней домой, — попробуйте поискать старый деревянный дом. Возможно, там сейчас никто не живет.

— Ну, Яна Борисовна, смотри, — пригрозил ей Руденко, но она уже повесила трубку.

* * *

— Григорян, — чертыхнувшись, лейтенант набрал номер районного отдела внутренних дел, — это Руденко, здравствуй. Как дела, как дети?

— Спасибо, дорогой, — с сильным кавказским акцентом произнес начальник районного отдела. — Все хорошо, у тебе как? Что так долго не звонил? Когда появишься? У меня здесь маленький жирный барашек совсем уже истомился. Приезжай, будет замечательный шашлык. И ящик твоего любимого портвейна, хотя не знаю, как ты можешь брать в рот такую гадость после настоящего домашнего вина.

— Шашлык-машлык — это хорошо, Ашот, — лейтенанту было не до гулянок, хотя дело это он уважал. — Мне здесь одна ориентировочка поступила, проверить бы надо.

— Надо — проверим, какие вопросы! — воскликнул Григорян. — Главное — сам приезжай. Все организуем.

— Не гарцуй, Ашот, — вяло отнекивался Руденко, зная, что от кавказского гостеприимства Григоряна просто так не отделаться, — сегодня только работа.

— Ну, конечно, работа, дорогой, — не унимался Ашот, — я же уже сказал: все организуем как положено.

— Ладно, жди, — лейтенант повесил трубку и вышел из кабинета.

* * *

Синий «опель-омега» стоял возле калитки, когда Яна после обеда в кафе вернулась домой. Любовь Ивановна, увидев Милославскую, вышла ей навстречу из-за руля автомобиля.

«Как некстати, — подумала Яна, глядя на озабоченное лицо Санталовой, — совсем не хочется с тобой сейчас общаться!» Через секунду, встретившись с ней взглядом, Яна заставила себя улыбнуться — клиент как-никак.

— Не могу до вас дозвониться с самого утра, — неодобрительно произнесла Санталова. — Вы нашли убийцу моего сына?

— Давайте пройдем в дом, — спокойно предложила Яна Борисовна, — я сегодня немного устала.

Не обращая внимания на Санталову, которая собиралась что-то возразить, она прошла мимо нее, открыла калитку и направилась к дому.

Джемма, почуяв хозяйку, выскочила через специальное отверстие в двери наружу. Радостно шевеля купированным хвостом, Джемма громко залаяла, но, заметив во дворе посторонних, осеклась и глухо зарычала.

— Тихо, девочка, у нас гости, — успокоила ее Милославская и слегка потрепала по холке и между ушами.

Здоровенная собака замерла от удовольствия.

— Проходите, — Яна открыла дверь, которую никогда не запирала, если оставляла Джемму охранять дом, и шагнула внутрь.

Санталова, опасливо поглядывая на Джемму, торопливо вошла следом.

— Погуляй пока, — обернувшись, сказала Милославская Джемме.

— Что-что? — приняв эту реплику на свой счет, опешила Санталова.

— Это я собаке, — усмехнулась про себя Яна, — раздевайтесь.

Оставив клиентку в гостиной, Яна приготовила кофе и вернулась к ней.

— Угощайтесь, — поставила она чашку перед Санталовой.

— Спасибо, — сперва настроенная весьма решительно, Любовь Ивановна несколько сбавила обороты.

— Итак, — она взяла чашку, но еще не попробовала кофе, — что вы узнали?

— Кое-что, — Яна с удовольствием сделала маленький глоток, поставила чашку на стол и неторопясь закурила, — не слишком, правда много, но думаю, что я на верном пути. А что, собственно, вы хотели узнать?

— То есть как? — непонимающе уставилась на нее Санталова, в которой разыграло оскорбленное самолюбие. — Кажется, я плачу вам немалые деньги!..

— Хотите забрать их назад? — бросила на нее пренебрежительный взгляд Яна Борисовна. — Пожалуйста.

Она достала из ящика стола небольшую стопку стодолларовых банкнот, отсчитала необходимую сумму и положила на стол, спрятав оставшиеся назад в ящик. Конечно, она сочувствовала этой немолодой женщине, потерявшей сына и жаждущей найти его убийцу, но позволить с собой разговаривать так требовательно, можно даже сказать, нагло, человеку явно вылезшему из низов, она не могла. Именно поэтому она решила преподать ей маленький урок, который, нужно признать, вполне удался.

— Нет, — Санталова, едва не вылив на ноги кофе, отодвинула от себя деньги, — боюсь вы меня неправильно поняли, я просто хотела спросить, не нужна ли вам моя помощь?

«Прекрасно поняла», — решила Милославская, а вслух сказала: — Это очень любезно с вашей стороны — специально приехать и дожидаться меня. Действительно, есть кое-какие нюансы, которые вы могли бы прояснить. Например, вы что-нибудь знаете о бизнесе вашего сына?

— Я не слишком-то в этом разбираюсь. — пожала плечами Санталова. — Прекрасный кофе.

— Он совершал, мягко говоря, не вполне корректные поступки, насколько мне стало известно, — Яна спокойно и холодно смотрела на Санталову, — лишал людей их собственности, заведомо обманывая их.

— От кого вам это стало известно? — взвилась Санталова.

— От потерпевших, — грустно улыбнулась Яна.

— Да мало ли что люди наврут! — не унималась Санталова.

— Эти люди по вине вашего сына потеряли квартиру, — Яна немного повысила голос, — но это не мое дело. Я просто хочу выяснить, чем занимался ваш сын.

Она бросила на Санталову твердый взгляд.

— Я не вникала в его дела, — немного отступила Санталова, — но я знаю, что воспитала честного сына, хорошего супруга...

— Мне как-то не верится, что это был единичный случай.

— Все капиталы делаются таким образом! — снова встала на дыбы Санталова. — Вы верите в честный капитализм? — глаза ее зло и ехидно сузились.

— Меня интересует бизнес вашего сына. Дополнительная информация могла бы прояснить ситуацию. Я, слава Богу, не стала его жертвой. Просто такой бизнес мог способствовать тому, что он нажил себе много врагов. И возможно, кто-то хотел ему отомстить.

— О ком вы говорите? — приподняла свой широкий, стремительно увядающий подбородок Санталова.

— О Насте Парамоновой, — Яна отхлебнула кофе и вытянула ноги.

— Что вы прицепились к этой девушке! — с досадой воскликнула Санталова.

— Квартира ее родителей стала для вашего сына легкой добычей, — Яна невозмутимо смотрела на сидящую точно на иголках Санталову, — и Настя, возможно, захотела восстановить справедливость.

— Чушь! — нетянуто рассмеялась Санталова. — У нас не Палермо.

— Думаю, неспроста она стала любовницей вашего сына, — продолжала Милославская.

— Да что вы такое говорите! — взъерепенилась Любовь Ивановна. — Это ж на голову не натянешь! Проститутка по вызову — любовница моего

сына!

— Полагаете, это было единичным явлением? — не повела и бровью Яна.

— Извините, но вместо того, чтобы расследовать, кто убил моего сына, — с надрывом возразила Санталова, — вы делаете все, чтобы опорочить его.

Она всхлипнула и, суетливым жестом достав из сумки платок, поднесла его к сухим глазам. Яне не терпелось закончить этот никчемный разговор — он совершенно не приближал ее к разгадке преступления. К тому же общение с Санталовой нельзя было назвать приятным. Яна стала рассеянно перебирать карты, пока не остановилась на карте «Внушение» Действительно, почему бы не внушить этой даме желание срочно покинуть ее? Яна положила руку на карту и сосредоточила всю свою волю на поставленной задаче.

У нее снова получилось. Санталова, посетовав на свой тяжелый жребий, вскоре откланялась. Их отношения не стали за эти пятнадцать минут более душевными и теплыми. Яна ограничивалась банальными репликами, отвечая на вздыхания клиентки. В промежуток между очередным всхлипом и полустоном она задала вопрос о Смурыгине. Бывал ли он у Санталовых дома, кто он, когда начал работать с Юрием. Любовь Ивановна не могла и на этот раз сказать ничего определенного. Похоже, ее интересовали только деньги, которые щедрый сын выделял на ее содержание, да некоторые подробности его семейной жизни, касающиеся Оксаны. Закрыв за Санталовой дверь, Яна, как и в первый раз, испытала громадное облегчение.

* * *

Сон Яны был потревожен противным треньканьем телефона. Не открывая глаз, в которых все еще стояли желтые и оранжевые круги, Яна протянула руку и сняла трубку. Джемма, заметив, что хозяйка не спит, стала радостно поскуливать и ласкаться. Яна легонько оттолкнула собаку и теснее приложила трубку к уху.

— Чего молчишь? — почти кричал возбужденный Руденко.

— Что такое, Сеня, успокойся, — улыбнулась Яна.

За улыбкой последовал аппетитный зевок.

— Как ты можешь дрыхнуть? — неистовствовал Руденко, — тебе же бешенные бабки платят!

— Объясни по существу, — попросила Яна.
— Нашли, нашли эту... Черт, она того, понимаешь? — Руденко перешел на таинственный шепот.
— Что того? — Руденко стал действовать на нервы Яне.
— Ну, жмурик, — продолжал шептать Руденко.
— Где вы ее нашли?
— В Устиновке. Была в старом заброшенном доме, в погребе. Но это не главное...
— А что главное?
— То, что нашли у нее в сумочке, — таинственно произнес Три Семерки.
— И что же это такое, чья-нибудь голова? — Милославская невесело усмехнулась в трубку.
— Еще одно подтверждение моей гипотезы, — удовлетворенно сказал Руденко.
— Может, расскажешь поподробнее, — неуверенно произнесла Яна, которой уже стало невмоготу разговор вокруг да около.
— Если хочешь, могу к тебе приехать, — предложил Руденко.
В его словах была уверенность и чувство собственной правоты.
— Приезжай, у меня тоже кое-что есть для тебя, — Милославская взглянула на часы, показывавшие почти полночь, и положила трубку.

* * *

Руденко, видимо, не терпелось похвастать перед Яной Борисовной своими успехами в расследовании этого дела. Не прошло и пятнадцати минут, как его старенький «жигуленок» остановился возле ее калитки.

Когда засуетилась Джемма, Яна погасила свет и выглянула в окно. В свете фонаря, среднего роста, коренастый, в куртке нараспашку лейтенант торопливо шагал по дорожке, ведущей к дому. В руке он сжимал какой-то сверток.

— Кофе будешь? — Яна встретила его на пороге и пригласила в дом.

— А как же, — удовлетворенно хмыкнул лейтенант и свободной рукой огладил свои пшеничные усы, — даже обязательно.

Они устроились в гостиной перед маленьким столиком, на который Яна поставила поднос с чашками. Некоторое время молча пили кофе. Милославская терпеливо ждала, пока Руденко не соизволит сказать, по какому такому значительному поводу он среди ночи беспокоит ее. Ей

показалось, что есть в этом с его стороны какая-то неуверенность, которую лейтенант старательно хочет скрыть. Наконец он поставил чашку на стол и закурил. Яна курила уже давно, ей нравилась смесь табачного дыма с кофе.

— Вот так вот, Яна Борисовна, — Руденко похлопал по свертку, который лежал у него на коленях, — все сходится.

— Ты объяснишь, наконец, толком что произошло, — не выдержала Милославская, — или мы всю ночь будем говорить полунамеками? Что там у тебя?

— Скажу, скажу, — глубоко вздохнул и выдохнул Руденко, но сверток не развернул, — все по порядку.

— В общем так, — он одним махом опорожнил чашку, словно пил свой любимый портвейн, — нашли мы ее быстро. Ашотик подсуетился, дал мне людей. Там один домик есть заброшенный, уже пару лет никто не живет. Хозяйка умерла, а наследники никак не приедут, хотя все документы оформлены. Вот и стоит домишко без присмотра. Короче говоря, мы с него и начали.

— Похоже было на мое описание? — как бы между прочем поинтересовалась Милославская.

— Ну, как тебе сказать, Яна Борисовна, — замялся лейтенант, вспоминая, что когда он сказал Григоряну, что примерно они ищут, тот сразу же привел его к этому дому, — похоже... похоже. Есть, конечно, кое-какие неточности...

— Ладно, — усмехнувшись про себя, Яна махнула рукой, — давай дальше.

— Нашли ее в погребе, вызвали бригаду криминалистов — все как положено, — лейтенант заговорил сухим протокольным языком, — смерть наступила от пулевого ранения в голову. Там же нашли гильзу от пистолета Макарова, что подтвердило наше первоначальное предположение, что убили ее там же. По предварительным данным пролежала она там не меньше трех суток, хотя труп сохранился довольно хорошо — погреб, сама понимаешь... Дальше что, — Семен Семенович дернул себя за ус, — одета была в черную шубку, голубое платье, черные колготки и черные же сапоги, что совпадает с показаниями Гулько. Но самое интересное, — тон голоса Руденко постепенно повышался, — то, что обнаружили в ее сумочке. Кроме всякой прочей ерунды, разумеется, сама понимаешь. Вот, — он торжественно развернул сверток, вынул из него обыкновенную видеокассету и протянул Милославской, — у тебя ведь есть видак.

— И что на ней? — Милославская без особого интереса взяла кассету, но не торопилась вставлять ее в гнездо видеомагнитофона.

— Ты ставь, ставь, — закивал Руденко, — между прочим, это вещественное доказательство и должно сейчас находиться в сейфе за семью печатями, а я вот принес, чтобы ты тоже взглянула.

— Ты очень рискуешь, — с иронией произнесла Милославская, — так тебе никогда не стать не то что капитаном, а даже и старлеем.

— Не трогай больной вопрос. Включай, — не обиделся на нее Руденко, который давно уже засиделся в лейтенантах. На то были свои причины, о которых он не очень любил распространяться.

Яна возвратилась в кресло и развернулась лицом к экрану телевизора, на котором уже двигались первые кадры. Это была довольно качественная съемка, может быть, даже профессиональная, в этом Яна не слишком-то хорошо разбиралась, но само действие было явно не постановочным. Двое — крупный, слегка дрябловатый мужчина, на вид лет тридцати пяти, с мощной волосатой грудью и молодая симпатичная блондинка с тонкой талией и длинными ногами — лежали на широкой кровати, совершенно голые и не просто лежали, само собой, а еще и совершали различные приятные друг для друга телодвижения. Проще говоря, занимались любовью.

Посмотрев это занимательное зрелище пару минут, Милославская повернулась к лейтенанту.

— Долго еще?

— Минут двадцать, — Руденко не отрывал глаз от экрана телевизора.

Яна щелкнула пультом и изображение исчезло.

— Ну и что? — она положила пульт на стол и закурила.

— Как то есть что? — вытаращил на нее глаза лейтенант. — Это же Санталов и Парамонова.

— Разве это новость, — пожала плечами Милославская, — что Санталов пользовался ее услугами?

— Нет, — с горячностью возразил Три Семерки, — как же ты не понимаешь?! То, что Парамонова проститутка, и Санталов, вероятно, частенько проводил с ней время, это понятно. Но я ведь, кажется, сказал тебе, что кассету эту мы нашли в сумочке у Парамоновой. Зачем ей делать такие съемки? Это ведь доказывает, что она шантажировала Санталова, а может, кстати, и не его одного. Санталов не захотел ей платить, пригрозил ей, и она его за это убила. Все ведь ясно как божий день. Или ты так не думаешь?

Руденко уставился на Милославскую, ожидая подтверждения своей теории. Но она только слегка повела плечами.

— Это совершенно ничего не доказывает, Сеня, — мягко произнесла

она, — а только ставит дополнительные вопросы.

— Какие еще вопросы? — горячности Руденко поубавилось.

— Ну, например, — Яна откинулась на спинку кресла и словно размышляла вслух, — зачем ей нужно было шантажировать Санталова, ведь она и так получала от него деньги? К тому же Настина мать сомневается, что она знала Санталова, как человека, причинившего ее родителям столько зла.

— Да мало ли что она говорит! — пренебрежительно махнул рукой Руденко.

— Настя, повторяю, и так зарабатывала с помощью Санталова. Зачем ей так рисковать? Ведь шантаж — всегда риск...

— Чтобы получить еще больше, — уверенно заявил лейтенант.

— Хорошо, предположим, — согласилась Милославская, — но кому она могла показать эту кассету, в случае отказа Санталова платить?

— Жене, Оксане.

— И что бы та сделала, увидев кассету?

— Устроила бы Санталову скандал, ушла бы от него, — предположил Руденко.

— Насколько я понимаю, Сеня, — спокойно сказала Милославская, — жена Санталова материально полностью зависела от мужа, так что уйти от него было бы для нее равносильно уходу от богатой жизни к прозябанию. Я знаю таких женщин. Поверь мне, никуда бы она от него не делась, пока бы он сам ей не дал под зад коленом, если, конечно, у них не было брачного договора, составленного в ее пользу. Только не думаю, что такой жук, как Санталов, мог допустить это. Значит, вариант с женой отпадает. Юрий Николаевич, как я понимаю, не государственный служащий, поэтому его нельзя скомпрометировать и потерей служебного места. Вот если бы он баллотировался в Думу или на пост губернатора, тогда кассета для него могла бы означать крах всей его карьеры, а так... В общем, Семен Семенович, получается, что кассета эта для Насти Парамоновой в плане шантажа Санталова была совершенно бесполезной и на твоём месте я бы задумалась, как она вообще к ней попала? Ещё бы я задала себе такой вопрос: кто убил Парамонову? Возможно, тот же, кто убил и Санталова, ранил его жену и Дмитрия Гулько. Ведь если следовать твоей теории, то Парамоновой не нужно было убивать его жену, а тем более Гулько, а тот кто прикончил Юрия Николаевича, собирался убить и остальных участников вечеринки. Мне кажется, что Настя просто оказалась невольной свидетельницей трагедии и ее решили убрать. Конечно, может быть, она была знакома с преступником или преступниками. Ведь убили-то ее в

деревне, а туда нужно было еще доехать. Кстати, на ее теле не обнаружили следов насилия?

— Так, небольшие синяки на запястьях, — со вздохом ответил Руденко.

— Вот видишь, выходит, что она сопротивлялась.

— Черт, Яна, — в сердцах произнес лейтенант, — какая же ты противная женщина — развалить такую стройную теорию.

— Я не противная, Сеня, — с улыбкой возразила ему Милославская, — я умная. Ты, кстати, тоже не дурак.

— Спасибо, — с сарказмом поблагодарил ее лейтенант.

— Не за что, Сеня. Просто ты почему-то вбил себе в голову, что Парамонова виновна в гибели Санталова и пытаешься подогнать факты под свою теорию.

— Да ничего я не пытаюсь, — огрызнулся Руденко, и тут же воскликнул: — Значит, это Оксана его уколошила, чтобы завладеть имуществом!

— Ага, — кивнула Яна, — а заодно выстрелила в себя.

— Она могла нанять кого-то, — не сдавался Три Семерки, — а киллер попал в нее случайно.

— Может быть, — устало протянула Милославская, — только киллеры, мне кажется, действуют более точно, а в нашем случае имеются двое раненых.

— Ну, — махнул рукой лейтенант, — киллеры сейчас разные бывают. Может, это был не профессионал. А может, — состроил он лукавую гримасу, слово его вдруг осенило и он милостиво решил поделиться своими предположениями с Яной, — Настя стала жертвой своего сообщника. Чего-то не поделили...

Не прекращая хитро смотреть на Яну, Три Семерки сделал характерный жест рукой, который означал, что он, Руденко, настолько сведущ и опытен в подобных делах, что таким салагам, как Настя и ее сообщник, его не провести. Милославская невольно улыбнулась такой упрямой наивности, отдавая отчет, что именно она составляет львиную долю обаяния лейтенанта.

— Это бы тебя очень порадовало, — с иронией ответила Яна, — твоя замечательная гипотеза подтвердилась бы на все сто. Кроме того, я частично могу разделить твои предположения.

— Все-таки? — ехидно ухмыльнулся Руденко. — Ты же против!

— Сеня, я не против и не за, — решительно возразила Милославская, — я просто хочу придерживаться фактов и не давать волю

эмоциям.

— А я и не даю волю эмоциям, — насупился Руденко.

— Ну как же, — усмехнулась Яна, — ты стараешься подогнать реальность под свою метафизику, чтобы лишний раз почувствовать себя умным и сильным, — Яна шутливо подморгнула несколько оторопевшему от такой мягкой и одновременно едкой отповеди лейтенанту. — Если же отбросить всю эту шелуху, к которой я также отношу и свое упорное желание соглашаться с тобой...

— А! — воспрял духом Руденко. — Все-таки признаешь!

Он укоризненно качнул головой. Вернее, это его глаза смотрели с упреком на Яну, а движение головы всегда было одинаковым, по-медвежьи грустным и недоверчивым. Именно выражение глаз, всего его широкого скуластого лица придавало этому качанию, ставшему визитной карточкой лейтенанта, все время разное значение — в зависимости от ситуации.

— Я была у матери Насти, — быстро проговорила Яна, — и мое посещение может кое-что прояснить, если не запутать... — теперь настала Янина очередь таинственно взглядывать на Руденко, — Санталов кинул Настиных родителей с квартирой.

И Яна пересказала Три Семерки свой разговор с Парамоновой-старшей.

— Вы сообщили ей о Насте?

— Сообщили, — угрюмо кивнул Руденко.

Он сидел совсем не торжествующий, а тихий и задумчивый, как всегда медленно раскачивая головой из стороны в сторону, словно это мерное неспешное движение активизировало тайный источник его умственной силы. Почему-то в такие спокойные минуты Яне становилось жаль лейтенанта. Она пробовала разобраться в этом своем чувстве, возникающем спонтанно и порой вызывающем у нее неудобство и даже стыд, но не могла добраться до корней, сколько не старалась.

— Ну так, — поднял на Яну глаза Руденко, — все сходится. Остается только найти ее сообщника и хорошенько его допросить.

В этой реплике Яна различила покровительственно-садистские нотки, и чувство жалости к лейтенанту мигом улетучилось. Теперь перед ней снова сидел настырный, туповатый малый, который лишний раз убедился в своем мнимом превосходстве.

Яна неторопливо встала, подошла к телевизору, достала из гнезда кассету.

— Что ты собираешься делать? — иронично спросил Руденко.

— Немного помедитировать, — устало улыбнулась Яна, — ты не

возражаешь? Что-то меня настораживает в связи с этой кассетой.

Руденко молча пожал плечами.

— Сварить тебе еще кофе? — предложила Яна, — будет чем заняться, пока я буду работать.

— Работать, — беззлобно передразнил Милославскую Три Семерки, — вон оно как серьезно!

Он рассмеялся. Смех его звучал вполне миролюбиво, дружески. Он не зубоскалил, а шутил, умиротворенный своей правотой.

— Да, Сеня, — критическим взором окинула его Яна, — это работа, самая настоящая.

— Да знаю-знаю я, — с досадой махнул рукой Три Семерки, — я ж шучу.

Яна сварила новую порцию кофе и пока лейтенант, побрякивая от удовольствия, поглощал его, устроилась немного поодаль с картами и кассетой. Две ее руки покоились — одна на кассете, другая на карте «Взгляд сквозь оболочку». Она прикрыла веки и мысленно сосредоточилась на кассете. Может, ей удастся увидеть людей, которые к ней прикасались. Может, доведется вызвать ужасную картину Настинной смерти и ей явится лицо убийцы...

И она увидела. Только не ожидаемую сцену, где преступник расправляется с жертвой, а кассету. Кассета лежала на столе, на белой скатерти, в пергаментного цвета обертке. Потом, подхваченная быстрой рукой, исчезла во мраке. И тут перед глазами Яны что-то блеснуло. Это были два маленьких озерца, солнечный луч скользил по ним. Нет, это не озерца. Что-то большое, темное выросло между ними, разделив их... Потом картинка словно отъехала и Яна мельком увидела лицо человека неопределенного возраста. Одутловатое, невыразительное, пустое. Озерцами оказались стекла очков, а выросшая между ними преграда — носом. Яна хотела «притормозить» видение, но оно погасло также внезапно, как и появилось.

— Ну как? — с беззаботностью необремененного контактом с высшими силами человека спросил Руденко, увидев, что Яна открыла глаза, — кофе у тебе отменный, — добавил он, чтобы придать ситуации здоровый посясторонний колорит.

Мол, все эти чудеса только и имеют значение, если их можно использовать для разрешения нормальных бытовых проблем.

— Кассет — две, — выдохнула Яна, — у этой, — кивнула она на лежащую на столике кассету, — есть сестра-близнец.

— На кой черт? — приподнял брови удивленный Руденко, — копия

что ли? — решил все же уточнить он.

— Да, копия.

— И где она и кому могла понадобиться?

— Не знаю. Я видела какого-то очкарика. Он имеет непосредственное отношение к той кассете.

— Сообщник, — резанул воздух ладонью Руденко, — как пить дать! Как он выглядел? — заинтересовался он.

— Хочешь фоторобот составить? — поддела его Яна.

— Фоторобот в твоей голове, — ободряюще улыбнулся Руденко, — мне нужно лишь перенести портрет на бумагу.

— Чтобы объявить всероссийский розыск? — Яна закурила, чувствуя гигантскую усталость — у нее дрожали пальцы.

— Ничего не выражающее лицо, очки, пегие волосы, светлые, по моему, серые глаза, неправильной формы, слегка вздернутый нос. Не было в нем ни намек на харизму или что-то в этом роде. И потом, — вздохнула она, — все было слишком быстро, я не успела с точностью запечатлеть его образ в своей памяти. Картинка была довольно размытой... Но если бы я встретила этого человека, я бы, конечно, узнала его, — Яна подняла на Руденко светящийся уверенностью взгляд.

— А искать-то этого красавчика как? — нахмурился разочарованный Три Семерки.

— Рано или поздно я выйду на него, — Яна одарила лейтенанта снисходительным взглядом.

— Вон оно как! — воскликнул Руденко. — Кру-уто!

Он натянуто улыбнулся. Яна снова почувствовала исходящие от лейтенанта токи зависти и тайного укора. Словно она была виновата, что имеет такой бесценный дар. Милославская молчала, ей хотелось спать, а Руденко, как видно, не собирался ее покидать в ближайшие пять минут.

— И что мне дает твое пророчество? — завелся Руденко. — Что из того, что есть еще одна кассета, если она, конечно, действительно есть? — поправился он.

И тут же опустил долу виноватый взгляд. «Вечно с ним так, сначала хамит, грубит, передергивает, а потом самому же от этого худо бывает», — со вздохом подумала Яна.

Руденко интерпретировал этот вздох по-своему. Он был убежден, что вздох этот символизирует Янино замешательство. И стал по-отчески, по-братски успокаивать Милославскую.

— Да ладно, не унывай, все у тебя получится. Ты вон уже сколько информации ценной нам дала. Если б не ты...

И так далее, и тому подобное.

— Давай-ка сворачивать нашу «тайную вечерю», — огорошила его Мирославская, — спать что-то хочется, — она аппетитно зевнула, — пусть каждый из нас поразмышляет над новым поворотом сюжета самостоятельно.

— Мне и в самом деле пора, — обиделся Руденко, — засиделся я...

Он поднялся, проявив невиданную доселе ловкость и быстроту. Джемма вяло побрела за ним в прихожую. Распрощавшись с лейтенантом и пожелав ему всяческих благ и удачи, Яна вернулась в постель. Но прошел по крайней мере час, пока она задремала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Утром Яна попробовала активизировать свои внутренние ресурсы, чтобы снова обратиться к картам, но у нее ничего не вышло. Видно, сказалась вчерашняя усталость. Сидя в ванне, она размышляла о кассетах. У кого могла находиться копия и зачем она понадобилась? Правда ли, что Настя Парамонова не знала, что в несчастьях ее родителей виноват лично Санталов, и случайно познакомилась с ним, или все-таки знала и пыталась восстановить справедливость, оказавшись тем не менее жертвой своего сообщника?

Этому сообщнику, если таковой существовал, как видно, было наплевать на ее план мести. Он воспользовался ее эмоциями, чтобы что-то выгадать для себя. Что же он мог выгадать? Почему, убив ее, он не обшарил ее сумку. Или обшарил и решил подставить?

Что-то здесь не сходится. Яна сделала воду погорячее и протянула руку к стоящей на специальной полочке чашке с кофе.

Надо бы повидаться с этим Гулько. Хотя навряд ли он что-то сможет прояснить. Уж он-то точно был случайным знакомым. Или не случайным? Может, Оксана давно крутила с ним роман? При чем здесь тогда убийство Насти? И кто тот загадочный очкарик с отталкивающей внешностью? Кто делал это дурацкое видео и с какой целью?

Яна допила кофе, усилием воли заставила себя подняться и, растеревшись большим пушистым полотенцем, надела халат и тапочки. Джемма дежурила у двери ванной. Яна стала собираться. Потом, когда уже надела пальто, позвонила Руденко. Спросила адрес и телефон Гулько. Руденко ответил, что это ей ни к чему, что Гулько во Второй городской больнице, и она может навестить его там. Яна нажала на рычаг телефона и позвонила в приемный покой. Ей сказали, что Гулько выписался. И тогда вновь настала необходимость узнавать его адрес и телефон. Наконец заполучив нужную информацию, Яна отправилась с визитом к Гулько.

Тот был дома. Он встретил Яну с перебинтованный предплечьем. Его красивое бледное лицо было спокойным и немного грустным. Он оказался корректным, вежливым молодым человеком, и когда Яна назвала цель своего прихода, не стал говорить о милиции, о том, что он еще не совсем здоров, чтобы вновь говорить об этой тягостной истории, приключившейся с ним.

Яна прошла вслед за ним в просторную гостиную, где кроме мягкой

мебели и стеллажей, на которых было больше журналов, чем книг, стоял еще бамбуковый столик, а в углу размещалась специальная тумба с аудио— и видеоаппаратурой. Телевизор отсутствовал. Яна провалилась в глубокое комфортное кресло с сотней плюшевых складок. Денис отправился на кухню — принести госте соку. От кофе с чаем Яна отказалась. На улице внезапно потеплело, и эти горячие напитки стали неактуальны.

— Я не буду долго докучать вам, — начала Яна, когда Денис поставил перед ней кувшин с апельсиновым соком и высокий изящный стакан, — мне нужно задать вам лишь несколько вопросов.

— Слушаю вас, — глуховатым голосом ответил Денис, утопая в таком же огромном кресле, стоявшем напротив.

— Извините за нескромность, но как и когда вы познакомились с Оксаной Санталовой?

Яна вперила в юношу долгий «рентгеновский» взгляд, стремясь разгадать его.

— Недавно. Это было в ресторане. Она сидела одна за столиком. Я подсел к ней.

— Сколько примерно прошло времени с момента вашей встречи и до той самой вечеринки? — Яна слегка улыбнулась, приободряя собеседника.

— Около недели, — приподнял плечи Денис.

— И вы стали встречаться?

— Да. Да всего пару раз, — невесело усмехнулся он. — Я не знал, чем это обернется.

— И где это было? — мягким голосом спросила Яна.

— Здесь, — вздохнул Денис. — Мы встречались днем. А потом она предложила мне поучаствовать в этой вечеринке. Я никогда не был в подобной ситуации, мне стало любопытно. Теперь, конечно, понимаю, что не стоило мне соглашаться на ее предложение...

— Оксана сказала вам, что там будет ее муж?

— Нет, она лишь сказала, что меня ждет сюрприз, — печально улыбнулся Денис.

— И вы, конечно, были удивлены, когда увидели его там? — усмехнулась Яна и налила себе соку.

— Признаться, да, — поднял на нее свои карие глаза парень, — собственно говоря, сперва я не понял, что Санталов муж Оксаны. Немного позже, когда это выяснилось, я хотел даже уйти, но алкоголь и общий тон вечеринки, веселье, как говорится, позволили мне вскоре адаптироваться и забыть «ху из ху».

— Вы можете рассказать поподробнее о вашем сейшене? — попросила

Яна.

— Все прошло бы нормально, если бы не этот маньяк, который ворвался в дом...

— Вы сказали — ворвался. Вы знали, что он проник с улицы? А может, он скрывался в доме? — Яна приковала к Денису испытующий взгляд.

— Об этом написано в газете, — он поднялся и, достав с полки несколько газет, положил их на столик и снова сел в кресло.

Пошелестев широкими листами, он протянул один из них Яне.

— Вот маленькая заметка, — указал он пальцем.

И правда, на последней полосе газеты была помещена заметка о случившемся в доме Санталовых.

— Да, — Яна пробежала глазами текст, — это я сказала лейтенанту Руденко, что преступник проник с улицы. Он, видите ли, всегда делает вид, что не верит мне, а, не успев проверить информацию, сообщает журналистам то, что явилось мне в момент озарения.

Яна нарочно заговорила об озарении — ей любопытна была реакция Гулько. Он заинтересованно посмотрел на нее, в его глазах стояла тень недоверия, прихотливо смешанного тем не менее с дружелюбием и приятностью.

— Я не сказала вам, что я экстарсенс, а вы не спросили меня, на основании чего я пришла к вам с вопросами, — улыбнулась Яна, доставая колоду, — видите, это мой инструмент.

Она достала карту «Чтение», позволявшую ей читать настроение и общий ход мыслей собеседника и, положив на нее ладонь, попробовала, глядя на удивленного Дениса из-под полуопущенных век, угадать его эмоции.

— Вы не очень-то рады мне, — наконец произнесла она, — но привыкли соблюдать приличия. Вас не привлекает перспектива говорить об этом деле, но вы боитесь, что если откажете мне, что я заподозрю вас. Это пустое, дорогой друг, — лукаво улыбнулась Яна, — вы — случайный человек в доме Санталовых и вы мне интересны только в качестве очевидца происшедшего на это вечеринке. Вы меня понимаете?

Заерзавший было Денис понимающе заулыбался.

— У вас не было мотива желать смерти Санталову и его жене, ведь так? — она пронизала его острым взглядом.

— Нет, — вяло улыбнулся Денис, разводя руками.

— А внутри вас что-то гложет, какое-то тайное недовольство, словно вы что-то упустили, — продолжала вещать Яна, — некая досада...

— У каждого в жизни есть повод погоревать, — уклончиво ответил Денис, — у меня такое впечатление, что меня посетила цыганка.

— Ладно, — Яна сделала глоток соку, — мы немного отвлеклись, так что было на этой вечеринке?

— Мы выпили, шутили, потом все как-то сразу оказались раздетыми... Все менялись местами, сначала я был с этой...

— Настей? — подсказала Милославская.

— Да, — кивнул Денис, — потом с Оксаной.

— Между Санталовым и его женой не возникало каких-то недоразумений... из-за ревности, например?

— Нет. Он больше увлекался этой проституткой, а Оксана — мной — с пренебрежительным самодовольством ответил Денис.

— Или вы не помните, или говорите неправду, — снисходительно заметила Яна.

— Вы о чем?

— Оксана разбила бокал о стену, потом, когда вы были в спальне, она отпихнула мужа ногой.

— Да вы-то откуда знаете? — изумился Денис — видимо, вспоминать о подробностях этой вечеринки ему было неприятно.

— Я же вам сказала, что я экстрасенс, — изобразила легкое кокетливое сожаление Яна, — или вы мне не верите?

Ее рот сам собой сложился в тонкую усмешку.

— Тогда вам незачем спрашивать людей — вы сами все можете видеть, — через силу улыбнулся Денис.

— Вы остались с Оксаной в спальне, а Санталов с Настей куда-то исчезли. Что было потом?

— Они вернулись минут через двадцать, по-моему, между ними произошла сцена, они уже не были в том беспечном, благодушном настроении, в котором нас покинули... Потом все перебрались в гостиную, Настя куда-то вышла. А еще минут через пять-семь дверь распахнулась, и в комнату ворвался человек в маске и начал палить в нас из пистолета.

— Это был мужчина?

— Я же сказал, человек был в маске, — пояснил Денис.

— Ну-у, — Милославская развернула правую руку ладонью вверх и слегка отвела ее в сторону, — ведь маской было закрыто только лицо. Неужели по фигуре, по движениям нельзя определить, кто это был? Вообще, в какой одежде был нападавший?

— На нем был такой широкий плащ, ну, знаете, какие носят военные, — неуверенно сказал Гулько.

— Угу, — кивнула Яна, — значит, фигуры тоже не было видно. Ну, а двигался он как: резко, как мужчина, или мягко, как женщина?

— Понимаете, я был слегка навеселе, мягко говоря, — после недолгой паузы произнес Гулько, — потом, мы все были немного утомлены... Но если вы хотите знать мое мнение, то стреляла женщина.

— Почему вы так думаете?

— Ну вот, — усмехнулся Денис, — сначала вы просто клещами вытягиваете из меня, что я думаю, а потом спрашиваете, почему я думаю именно так. Вот вы сказали, что вы экстрасенс. Вы всегда можете объяснить, как и почему у вас бывает то или иное видение там или озарение? Наверное, нет, — он сам ответил за Яну, не дожидаясь пока она заговорит. — Так же и я в том случае. Просто мне показалось, что в движениях человека в маске было что-то женственное, какая-то неуверенность что-ли...

— Хорошо, — поддержала его Милославская, — и как она — условно говоря, будем считать этого человека женщиной — действовала?

— Как действовала? — переспросил Гулько и почесал затылок, — я, в общем-то, даже не заметил, как она появилась в гостиной, не обратил внимание на то, что хлопнула дверь. Просто, когда раздался первый выстрел, повернул голову в ту сторону.

— Сначала она выстрелила в Санталова?

— Да, — кивнул Гулько, — потом в Оксану — это я уже видел, а потом понял, что следующий выстрел будет в меня и инстинктивно отпрянул в сторону и затаился. Это, наверное, меня и спасло. Видимо, преступник подумал, что я мертв, и выбежал из дома.

— Вы не пытались его преследовать?

— Да что вы! — снова усмехнулся Денис. — Боль в руке была адская. Возможно, я даже на какое-то время потерял сознание.

— Это ведь вы потом позвонили в милицию?

— Я.

— А не боялись, что подозрение может упасть на вас, — как бы невзначай задала вопрос Милославская, наблюдая исподволь за реакцией Гулько.

— На меня? — он засмеялся, придерживая здоровой рукой раненую. — Вы шутите? Я что же, по-вашему, выстрелил в Санталовых, а потом еще и в себя?

— Ну, всякое бывает. Кстати, — Яна решила перевести разговор в другое русло, — можно узнать, чем вы зарабатываете себе на жизнь? — она обвела взглядом комнату, — у вас неплохая квартира, дорогая мебель...

— Вообще-то у меня, конечно, есть специальность, — произнес Денис, — но в данный момент, я, как говорится, временно безработный. А с квартирой и мебелью мне помог отец — он замдиректора одной коммерческой фирмы.

— Что ж, — Милославская допила сок и поднялась с кресла, — не буду больше вас утомлять своими расспросами. И спасибо, что поговорили со мной.

— Ну что вы, — улыбнулся Гулько, — я же тоже пострадавший, и в моих интересах, чтобы преступник был найден.

— До свидания, — Милославская направилась к выходу, но на полпути остановилась, повернувшись к Денису. — Кстати, вы знаете, что Настю Парамонову нашли?

— Нашли? — удивился Гулько. — И что же она говорит?

— К сожалению, она ничего не говорит, — посерьезнела Милославская.

— Почему? — Денис как-то растерянно поглядывал по сторонам, словно ища поддержки, неизвестно у кого и неизвестно в чем. Он стоял перед Яной, такой стройный и даже красивый, поглаживая перебинтованную руку.

— Потому что кто-то убил ее, — помолчав немного, ответила Милославская.

— Ох ты, — Гулько присвистнул от изумления, — кто же это мог сделать?

— Возможно, тот же человек, который стрелял в доме Санталовых, — она развернулась и вышла из квартиры, оставив недоумевающего Дениса стоять посреди комнаты.

* * *

Очутившись на улице, Яна подняла воротник пальто, закрываясь от вновь поднявшегося весеннего, но все еще довольно холодного ветра, дующего с постоянством, достойным лучшего применения, и, сделав несколько шагов, опустила на деревянную скамейку, врытую в землю возле подъезда.

Рассеянно разглядывая трупные пятна асфальта, обнаженные сползающим постепенно снегом, она не могла понять, что ее тревожило в состоявшемся только что разговоре с Гулько. Он так старательно отвечал на все ее вопросы... Нервничал, конечно, но его можно понять, не так уж

часто попадаешь в ситуации, когда какой-то маньяк целится в тебя из пистолета. Или же все-таки это была женщина?

Милославская никак не могла организовать непрерывный поток размышлений: мысли прыгали, как дикие горные козы, не желая подчиняться хоть какому-то порядку. Настя исчезла за несколько минут до покушения. Потом появляется убийца и начинает методично расстреливать всех присутствующих на вечеринке. Маска. Зачем нужна маска, если никого не собирались оставлять в живых? Кого хотели убить в первую очередь, если вообще была какая-то очередность? Многие могла бы прояснить Оксана, если бы очнулась и смогла говорить. Труп Парамоновой в погребе заброшенного дома. Кто убил ее? Связано ли ее убийство с расстрелом в доме Санталовых? Вопросов было, как вшей на бродячей собаке, а вместо ответов одни только предположения.

Яна расслабилась и позволила мыслям течь свободно, без напряжения: так, как им заблагорассудится, не останавливаясь ни на одной из них. Немного погодя, она вынула колоду и достала «Джокера».

Положив ладонь на карту, Милославская сидела, не замечая пронизывающего ветра, и не торопя событий. Она даже не стала закрывать глаза, а просто слегка расслабила веки, глядя на черный ствол старого вяза, по голым ветвям которого задорно скакали воробьи. Корявая кора дерева вдруг зашевелилась, словно по ней ползли тысячи ядовитых змей. Их было такое огромное количество, что ствол дерева становился все толще и толще и, наконец, превратился в сплошную шевелящуюся стену. Затем шевеление прекратилось, будто змеи отравили себя своим собственным ядом и окаменели. На фоне стены появилось небольшое светлое пятно, постепенно увеличивающееся в размерах.

И вскоре перед ней предстало изображение женского лица. Удивительно пропорционального, светящегося странной беззаботностью. Отсутствие каких-либо морщинок, гладкая упругость плоти и неестественная белизна заставили Яну засомневаться, что это живая женщина, скорее скульптура. Рельефно пустые глазницы служили дополнительным доказательством того, что перед ней статуя.

Безоблачное, даже где-то туповатое выражение ее лица заставляло думать об античной маске, покрывающей гляncем застывшего совершенства лики греческих шедевров. В неуловимой улыбке, тронувшей уголки губ женщины, сквозила легкая насмешка, словно говорящая о превосходстве. Снисходительно-лукавый взгляд, который мастеру удалось запечатлеть в таком грубом материале, как камень, был полуопущен.

На этот раз картинка задержалась на несколько секунд дольше

обычного. И этого промежутка Яне хватило на то, чтобы понять, что перед ней лик статуи. Видение исчезло, а Яна еще долгое время сидела с закрытыми глазами. «Джокер» снова подкинул ей сюрприз. Она не понимала смысла этого видения, и только в глухом дальнем уголке ее сознания теплилась уверенность в том, что оно возникло не просто. Несмотря на то, что «Джокер» не требовал много сил, Яна чувствовала настоящую потребность в отдыхе. Она отправилась домой, где вытянулась на диване и проспала до вечера.

* * *

День заметно прибавил, поэтому когда Яна открыла глаза, едва-едва начало смеркаться. Она встала, оперлась рукой на столик и случайно задев разбросанные на нем карты, смахнула на пол одну из них. Она подняла карту. Это был «Взгляд в будущее».

Падение карты послужило для Яны сигналом. Она села, положила на нее руку и прикрыла веки. В теле была приятная легкость, казалось, она помолодела на несколько лет. Электрические токи, потекшие по ее ладони, убедили, что карта действует. Яна услышала странный гул и вскоре из мрака вылетела серая птица. Ее крылья свернулись в ленту, неслыханно вытянувшись при этом — это было сиюминутное превращение. И вот перед глазами Яны побежала пленка, она ежесекундно свивалась, развивалась, летела, издавая при этом характерный свист, переходящий в скрип. И вдруг вереница темных, «непроявленных» кадров, текущих сплошной струей, разомкнулась, остановилась на одном отрезке, и Яна сначала зажмурилась, ослепленная ядовито ярким светом, а потом, снова «открыла» глаза, почувствовав, как по векам скользнула спасительная ласковая тень.

Яна путешествовала по тускло освещенному коридору. Его гулкая пустота наводила на мысль о каком-то казенном заведении. Больница, — мелькнуло у Яны в сознании, когда она «пролетела» над облаченной в белых халат женщиной, с деловитой поспешностью вывернувшей из-за угла и пошедшей навстречу. Яна пронеслась мимо приоткрытой двери, откуда доносилось отточенно-холодное позвякивание инструментов. Взгляд ее зацепился на вывеске «Ординаторская». Мимо скользили двери, пока Яна, повинувшись какой-то странной силе, не толкнула самую последнюю.

Здесь было еще темнее, чем в коридоре. Яна тут же почувствовала чье-то присутствие. На застеленной белыми простынями кровати, под большим

клетчатый одеялом лежала женщина. Яна никак не могла рассмотреть ее лица — оно расплывалось, подобно диску луны в дождливо-пасмурную погоду. Яна силилась «собрать» по частям это ускользающее лицо, слепить из его плавающих окружностей полное, отчетливое изображение, но ей не удавалось это сделать. Круги и овалы, искривленные, наполовину слитые с влажной туманной завесой, медленно вращались, словно обручи на талии гимнастки, не складываясь в определенную картину. Яна даже почувствовала легкое головокружение.

Но нет, не присутствие этой женщины наполнила грудь Яны смутным чувством тревоги, которое неукоснительно росло и давило. Яна видела чью-то тень, стерегущую в углу. Тень приближалась, в темной руке что-то мелькнуло, ударив Яне в глаза острым отблеском. Теперь Яна была сплошной золотисто-бронзовой сетчаткой, на которой плавилась черные разводы. Тень превратилась в осьминога, в его щупальца было вложено что-то напоминающее ножницы, или ножницами стали сами щупальца...

У Яны защемило сердце. Блестящие концы приближались к переливчато мерцающему в приглушенном освещении лабиринту трубок. Яна вздрогнула, потом, оглушенная страхом, распахнула глаза. Ее руки дрожали, по лицу струился пот.

Она схватила телефонную трубку.

— Алло, мне Руденко, — прерывистым голосом сказала она, не узнав собеседника.

— Это я. Слушаю, — отозвался тот.

— В какой больнице Санталова?

— Что еще? — недовольно спросил Три Семерки.

— Говори быстрее — вопрос жизни и смерти! — неистово крикнула Яна.

— Да что на тебя нашло? — судорожно ухмыльнулся Руденко.

— Сеня, — умоляюще-угрожающе произнесла Яна, — в какой она больнице?

— В Третьей городской, — пробубнил озадаченный лейтенант. — Тебе-то на что?

— В каком отделении и палате? — домогалась Милославская.

Руденко выдал нужную информацию.

— Подъезжай туда. Срочно, — снова повысила голос Милославская и бросила трубку на рычаг.

У нее, как она чувствовала, было мало времени. Она лихорадочно стала собираться. Джинсы, джемпер, ботинки. Одев на Джемму ошейник с поводком, Яна пулей вылетела из дома. Машину поймать ей удалось,

простояв минут пять на обочине. Она сунула парню, сидевшему за рулем новенькой белой «семерки», пятьдесят рублей, и скомандовала:

— Третья городская больница.

Парень пожал плечами, одарив Яну взглядом, в котором недоумение соседствовало с насмешливой снисходительностью.

— Третья, так третья, — гнусаво просипел он и нажал на педаль акселератора. — Собачка-то не покусает?

— Не беспокойтесь, — отозвалась взволнованная Яна. — Если можно, быстрее, как можно быстрее...

Она вперила взгляд в полетевшую за окном ленту быстро сменяющих друг друга пейзажей. Вот уже съехали с горы, вот уже замелькали новостройки, девятиэтажные панельные дома, несколько монолитных чентырнадцатизэтажных свечек, горящие огнями придорожные мини-маркеты, похожие на аквариумы с подсветкой.

— Приехали, — парень остановил «семерку» напротив главного входа в больницу.

Яна поблагодарила его, выпустила Джемму и вышла сама. Перебравшись через трамвайные пути, Милославская миновала тяжелые чугунные ворота, которые были не заперты, и вошла на территорию больницы. От ворот было видно несколько корпусов казавшихся наполовину вымершими; кое-где в окнах горел слабый свет, остальные же чернели, словно старые засохшие язвы. Где-то в глубине сознания Яна чувствовала, что она еще не опоздала, но нужно торопиться.

— Рядом, — скомандовала она Джемме, которая послушно пошла возле ее левой ноги. Нервозность Милославской передалась и собаке, но она только тихонько поскуливала, как бы спрашивая у хозяйки, что же ей нужно делать.

— Спокойно, Джемма, спокойно, — Яна Борисовна успокаивала скорее себя, чем собаку. Она быстро добралась до центрального корпуса, узнала у дежурной сестры, где находится четвертое хирургическое отделение и направилась туда.

— Так ведь прием давно закончился, — крикнула ей вслед сестра, но Яна уже не слышала ее.

Она почти бегом преодолела двести метров, разделявшие корпуса, и открыла входную дверь.

Несколько помещений у входа оказались совсем пустыми, но, наконец Милославская в коридор, где стоял стол дежурной. Здесь же находился охранник — молодой парень, в защитного цвета костюме с пустыми серыми глазами. Он сидел почти вплотную к дежурной — совсем юной

особе в салатовом халате с вечерним макияжем на длинном бледном лице.

Когда Милославская появилась в коридоре, охранник вздрогнул и слегка отстранился от медсестры.

— Добрый вечер, — Милославская приблизилась к столу, за которым сидела сестричка, — Санталова Оксана в реанимации. С ней все в порядке?

— Гражданочка, — недовольно посмотрела на нее сестричка, передернув плечами, — что это вы врываетесь по ночам? Прием давно окончен.

— Девушка, — умоляюще посмотрела на нее Милославская, — мне срочно нужно ее увидеть. Она в опасности.

— Господи! — взвилась сестра, увидев Джемму, которая стояла рядом с Яной, задорно помахивая обрубком хвоста, — да вы с собакой! Ну-ка, выйдете отсюда сейчас же. Развели, понимаешь, антисанитарию! Эдик, ну что ты смотришь? — она укоризненно посмотрела на охранника.

— Выходим, дамочка, выходим, — поднялся Эдик, постукивая пальцами по рукоятке дубинки, заткнутой за пояс.

— Да поймите вы, человек в опасности! — повысила голос Милославская, не тронувшись с места.

Джемма, почуяв неладное, перестала вилять хвостом и внимательно посмотрела сначала на хозяйку, а потом на Эдика, подошедшего почти вплотную к Яне.

— Убери животное, — сквозь зубы процедил охранник, косясь на Джемму, — и двигай отсюда.

— Приемные часы с одиннадцати до часу, — визгливым голосом добавила сестричка. — Приходите завтра.

— Слушайте, — торопливо сказала Милославская, переводя взгляд с сестрички на охранника, — я собаку оставляю на улице, только, ради Бога, пропустите меня в палату, ладно. Я на одну минуточку, только посмотрю и — сразу назад.

— Ну что, Марина? — охранник вопросительно посмотрел на дежурную сестру.

— Эдик, — состроив презрительную гримасу, ответила Марина, — ты же знаешь, что приемные часы давно закончились. Да меня главный, если узнает, в два счета с работы выкинет. И запри за ней дверь, — добавила она.

— Выходим, выходим, — грудью стал теснить Милославскую к выходу охранник.

Джемма тихонько зарычала и продемонстрировала огромные белые клыки.

Эдик остановился. Видно было, что, в принципе, ему не светит связываться с этой припозднившейся посетительницей, а тем более с ее собакой, но у него за спиной сидела Маринка, с которой сегодня ночью он бы мог неплохо скоротать время, поэтому отступить просто так он не мог.

— Забери собаку, — прошептал он Яне, положив руку на рукоятку дубинки, — не положено.

— Эдик, — Яна постаралась договориться с охранником, — давай с тобой договоримся, что я останусь здесь, а ты сам поднимешься в палату к Санталовой и все там хорошенько проверишь, ладно?

— Не положено, — Эдик уже вынул дубинку из-за пояса и легонечко похлопывал ей по ладони левой руки.

Нужно что-то делать, — поняла Яна, глядя в его пустые глаза. Она сделала шаг вправо-вперед и резко, двумя руками толкнула охранника в грудь, а сама, не обращая внимания на визгливые окрики медсестры, бросилась в глубь коридора. Не ожидая такого напора, Эдик отлетел назад, ударившись головой о стену. Удар оказался не слишком сильным, поэтому, помотав головой, Эдик быстро пришел в себя. Джемма, словно ниточка за иголкой, кинулась вслед за хозяйкой, по пути слегка зацепив корпусом медсестру и сбив ее с ног.

— Джемма, — скомандовала Милославская, на минуту остановившись, — никого за мной не пускай.

Сама же, добежав до лестницы, метнулась на четвертый этаж, где находилась реанимация. Преодолев несколько десятков метров полутемного коридора, открыла дверь, на которой не было никакой таблички. В тусклом свете ночника Яна увидела обстановку палаты-люкс. Кроме обычного больничного оборудования в помещении стояли мягкий диван, два кресла, холодильник и небольшой импортный телевизор. На высокой кровати, прикрытая одеялом, лежала женщина, бледное лицо которой тускло поблескивало в свете, проникавшем через полуопущенные шторы. На спинке кровати была прикреплена табличка с именем Оксаны Санталовой. Ниже кривая, вычерченная синим фломастером, показывала движение температуры. По обе стороны кровати, на высоких стойках были закреплены два флакона с прозрачной жидкостью, трубки из которых были присоединены к венам, ноздрям и рту больной. На темном экране какого-то прибора в такт биению сердца вздрагивала зеленая кривая линия.

«Жива», — с облегчением вздохнула Милославская и, обойдя палату по периметру, опустилась на диван. Что-то надо было предпринимать, только вот что, Яна пока не знала. «Скоро должен появиться Руденко, — вспомнила она, — нужно дать Джемме соответствующую команду, чтобы

пропустила его». Она встала и направилась к двери, но тут вдруг какое-то странное чувство остановило ее. Прислушавшись, она уловила шаги человека, крадущегося по коридору. Осторожно подойдя вплотную к двери, она прислушалась.

Шаги приближались к палате, в которой она находилась. Незнакомец — она поняла, что шел мужчина — остановился с противоположной стороны и, помедлив несколько секунд, повернул рукоятку. Стараясь не шуметь, Яна буквально вдавилась в стену и скользнула вдоль нее в сторону.

Дверь открылась. В образовавшемся проеме появился темный силуэт. Он скользнул в палату, не забыв прикрыть за собой дверь, и медленно направился к кровати, на которой лежала Санталова. В руках у незнакомца сверкнул странный, раздвоенный предмет. Через несколько мгновений Милославская скорее вспомнила, чем увидела, что это два заостренных конца стальных ножниц, которые явились ей в ее видении.

Мужчина был в больничном халате и в ботинках на мягкой подошве. Он приблизился к постели больной, поднес ножницы к трубке, присоединенной к вене, и пощелкал ножницами сначала в воздухе. Милославская даже не успела ничего толком понять. Нет, то, что сейчас может произойти нечто непоправимое, она понимала хорошо, но что она могла предпринять? Какая-то неведомая сила вдавила ее в стену, не давая возможности пошевелиться. Еще одно мгновение — и незнакомец перережет трубку.

— Не-ет! — Милославской показалось, что ее слышно на всех этажах больницы, на самом деле это прозвучало как шепот.

Но этот шепот произвел на незнакомца такое действие, словно его ударили кнутом. Он резко отпрянул от кровати и суетливо начал озираться по сторонам. Прошло не меньше десяти секунд, прежде чем он заметил Милославскую.

— Кто ты такая? — он зажал ножницы в кулаке и двинулся на Яну.

«Джемма, ко мне, на помощь!» — скомандовала Милославская про себя, мысленно показывая собаке дорогу. Она не сомневалась, что Джемма приняла ее телепатический сигнал и уже спешит на выручку, но нужно было, чтобы собака успела до того, пока этот маньяк не вонзил ей в живот свои ножницы. Она не видела лица незнакомца, но прекрасно чувствовала намерения.

— Стой, — негромко произнесла она, — тебе лучше убраться побыстрее — здесь сейчас будет милиция.

— Чего ты несешь? — услышала она злобный шепот.

Милославской даже показалось, что она чувствует дыхание, исходящее

изо рта мужчины. Но дело было сделано; на какое-то мгновение он замер. В ту же секунду дверь в палату распахнулась под мощным ударом, и Яна поняла, что спасена. Джемма, не обращая внимания на ножницы, которые незнакомец машинально выставил перед собой, кинулась на него. В мужчине, наверное, тоже проснулся животный инстинкт. Он понял, что с этим зверем ему не справиться. Схватив стул, он попытался им защититься, но Джемма сбила его с ног. Со страшным грохотом незнакомец упал на пол и подтянул ноги к подбородку.

— Помогите, спасите, о-ой, мать твою! — заорал он в том момент, когда Джемма сомкнула свои клыки у него на запястье.

— Джемма, фу! — приказала Милославская, зная, что той ничего не стоит покалечить человека.

Собака послушно разжала зубы и подошла к хозяйке, будто спрашивая, ну, что дальше-то.

— Сейчас придет Семеньч, — словно человеку, пояснила она Джемме, — пусть он и разбирается.

Она потрепала собаку по загривку, нагнулась к ней и обняла за шею. В этот миг незнакомец, придерживая покусанную руку, медленно поднялся на ноги и начал отступил к окну. Джемма тут же зарычала, одновременно предупреждая мужчину от опрометчивых поступков и давая знать Милославской.

— Вам бы лучше не делать лишних движений, — громко произнесла Яна, но мужчина словно не слышал ее.

Он схватил стул и, прикрываясь им как щитом, почти вплотную приблизился к окну. Казалось, он лихорадочно размышляет, что предпринять. В коридоре раздались звуки голосов, и тяжелые башмаки застучали по каменному полу. Наверное, это придало мужчине решимости. Он резко развернулся на сто восемьдесят градусов и что было сил ударил стулом по окну. Посыпалось разбитое стекло, в палату ворвался свежий ночной воздух и в то же мгновение незнакомец вскочил на подоконник.

— Идиот, — закричала Милославская, пытаясь предотвратить неминуемое, — там же четвертый этаж — разобьешься! Джемма!

Возможно, не стоило ей произносить имя собаки. Но она-то хотела, чтобы та помешала этому придурку выпрыгнуть из окна. Неизвестно, хотел ли тот покончить с собой или собирался перебраться в другую палату или на другой этаж. Так или иначе, но призошло то, что произошло. Джемма молча кинулась к незнакомцу, но ухватить его не успела; ее зубы только клацнули в воздухе.

— Всем стоять, — в палату влетел разгоряченный Руденко, с

«Макаровым» в вытянутой руке, за ним еще двое ментов с автоматами наперевес.

Джемма предупреждающе зарычала.

— Ко мне, — позвала ее Яна, боясь как бы собаку не пристрелили по ошибке. — Посмотрите лучше внизу под окнами, — повернулась она к лейтенанту, который узнал ее голос, может, чего найдете.

Тот подскочил к окну и, деловито обломав особенно выступающие острые края разбитого стекла высунулся наружу.

— Едрит твою налево! — выругался он, уже повернувшись к Милославской. — Чего ты тут забыла?

В его укоризне было столько отеческой заботы, что если бы Яне не довелось пережить столь животрепещущего момента, она бы расчувствовалась. Так умиляла эта смесь нежности и легкого раздражения, вызванного тревогой за судьбу приятельницы. Самойлов и почти налысо остриженный прапорщик, фамилии которого Яна не знала, замерли, молчаливые и озадаченные, переводя взгляд с Руденко на Милославскую и с нее — на лежавшую под трубками женщину.

— Он хотел убить Оксану, — запинаясь проговорила Яна, — вот...

Она кивнула на зловеще посверкивающие на полу ножницы. Руденко ограничился профессионально-лаконичным кивком, реагируя на который, Самойлов поднял ножницы, предварительно надев перчатки.

— На экспертизу, — обронил Руденко, ощущая себя в центре опасных и интересных событий. — Как же это ты, матушка?.. Слушай, — его словно осенила страшная догадка, — а он не врач, случайно?

— Нет, — резко сказала Милославская, — мне было видение... Я видела, как он заносит руку с ножницами над трубкой, — она показала глазами на больную, — поэтому я тебе и позвонила! Жаль, что тебя здесь не было минут пять назад...

— Это плохая шутка, — состроил кислую мину Три Семерки, — а с этим, — боднул он больничный воздух круглым подбородком, указывая на лабиринт трубок и склянки с физраствором, — надо еще проверить.

— Ты всегда опаздываешь, Сеня, — с печальной улыбкой заметила Яна, — и в итоге все самое важное к твоему появлению уже случается.

Три Семерки бросил на Яну сердитый взгляд, выражая неудовольствие тем, что она фамильярничает с ним в присутствии подчиненных. Самойлов с присущей ему медлительной основательностью рассмотрел оружие несостоявшегося убийства и опустил в пакет. Возможно, нарочитая неспешность его жеста и то особое внимание, с которым он изучал ножницы, призваны были скрыть невольное замешательство и смущение,

вызванные видом растерянного начальника, которого отчитывает его «слегка помешанная» подружка. Три Семерки вызвал по рации криминалистов и следователей прокуратуры.

— Рассказывай, — взял наконец инициативу в свои руки Руденко, — подробно.

Яна не успела приступить к повествованию, как в палату протиснулся ошалело вращающий глазами Эдик.

— Как прошел тот парень? — кивнул Руденко на окно и вонзая жесткий взгляд в охранника.

— Кто-о? — изумился тот.

— Кто-кто, — зло передразнил Руденко, — конь в пальто!

Эта реплика отнюдь не подвинула Эдика к пониманию происходящего. Он косился на Милославскую, с недоумением глядел на Руденко, тревожно озирался, заглядывая в темные углы палаты, словно там таилась разгадка.

— Кто приходил сегодня к Санталовой? — не сводил Три Семерки разгневанно-вопрошающего взора с Эдика.

— К ней никого не пускают, — отозвался он.

— Кто тут на этаже? — как-то бестолково спросил Руденко. — Ординаторская закрыта. Тишина — приходи, бери, убивай!

— Я сейчас, — охранник выскользнул из комнаты.

Ровно через минуту он вернулся в компании смазливой перепуганной сестрички. Она боязливо жалась и хлопала ресницами.

— Где вы были? — директорским тоном спросил Руденко. — Почему в больнице посторонний?!

Девушка в белом халате только пожимала плечами.

— Я не знаю, посещения давно окончились... — оправдывалась она.

— Ясно, как дважды два, — вмешалась Милославская, — он проник в больницу, когда были приемные часы, спрятался где-нибудь в укромном месте — это не так-то сложно — а потом, когда все разошлись, вышел, чтобы перезать трубки и таким образом лишить Санталову жизни.

— Где свидетели? — осек Яну Три Семерки.

— Перед тобой, — без раздражения, но весьма выразительно ответила Яна, — или я не в счет?

Он бросила на него взгляд, полный гордого вызова.

— Серега, — скомандовал Руденко подчиненному, — за мной. А ты, Вася, — обратился он к Самойлову, — оставайся здесь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дав показания, Яна задержалась в кабинете Руденко. Лейтенант как всегда налегал на портвейн.

— Магазин классный появился, «Три семерки» называется, — оживленно говорил он, — там всегда портвешек наличествует.

Руденко пригладил обеими ладонями свои роскошные усы. Яна знала, что этим по-казачьи широким жестом Руденко маскировал иногда — растерянность, иногда — агрессивность, и зачастую — бойцовскую жесткость, вступающую в противоречие с его природным добродушием.

— Интересный оборотец, — махнув полстакана, продолжил он, пытаясь вывести Яну из задумчивости, — Санталова едва с жизнью не распрощалась, проститутку убили...

Последовал долгий вздох.

— Теперь-то ты убедился, что не все так просто в этом деле? — подняла на него рассеянный взгляд Яна, — сегодняшний инцидент означает, что Санталову на вечеринке не застрелили только случайно.

— А как же! — сунув пальцы за ворот, Руденко неистово скреб шею, одновременно мотая головой — он нервничал, — этого парня проверили, в компьютере он не значится. Кто таков? Может, он и есть убийца Санталова?

— Человек в маске? — скептически улыбнулась Яна.

— Да, в маске, — крутнул головой Руденко с таким остервенением, что верхняя пуговица на его рубашке отлетела и с тонким пластмассовым звуком упала сначала на стол, а потом скатилась на пол.

— Успокойся, Сеня, — улыбнулась Яна, — я же тебе говорила, что с этим делом не все так просто как кажется. И потом, человек в маске отличался большим хладнокровием.

— А что же было делать этому типу, если ты приперла его к стене, да еще натравила на него пса? — нервически хохотнул Руденко.

— Только не надо обвинять меня в его смерти! — повысила голос Яна. — Во-первых, он сам прыгнул, а во-вторых, он хотел убить Санталову. Так что нечего его выставлять божьим агнцем.

— Да никто и не выставляет, — отмахнулся Три Семерки, — упаси меня Бог! Ладно, — вздохнул он, — дадим его физию по телику, может, кто и откликнется.

— Надо бы сравнить его отпечатки...

— Сравним, — Руденко бросил на Яну недовольный взгляд, — я свое дело знаю.

Его покрасневшие глаза моргнули и уставились на полупустую бутылку.

— Выпьешь?

— Нет, спасибо. Мне пора.

— Погодь, — примиряюще улыбнулся Три Семерки, — я тебя довезу.

— Очень мило с твоей стороны, — ответила ему такой же миролюбивой улыбкой Яна, преисполнившаяся терпения и смирения именно потому, что знала: еще несколько минут и она освободится от Руденко.

Долгое общение с ним порой действовало на нее угнетающе. В такие минуты от него прямо-таки веяло какой-то безнадегой, которую тот скрывал за своими широкими жестами и бравурными декларациями.

— Чем завтра собираешься заниматься? — спросил Руденко Яну, когда они уже ехали в машине, а за окном мелькали реденькие золотистые огоньки, и ветер бешено раскачивал выстроившиеся вдоль дороги траурным кортежем голые тополя.

— Пока еще не знаю, — Яне показалось, что Руденко ведет себя точь-в-точь как растерянный ребенок, хватается за нее, как за спасительную соломинку.

Она потрепала по холке Джемму, сидящую с ней рядом на сиденье, в который раз осознав, что для нее порой молчаливое общение с животными куда более ценно и приятно нудных разговоров с себе подобными.

* * *

Яна соврала, когда сказала лейтенанту, что ума не приложит, чем же заняться ей завтра. Она наметила визит к матери Оксаны Санталовой. Для этого, конечно, придется звонить Руденко, узнавать адрес и так далее. Вчера, возвращаясь с дознания, она не стала спрашивать у него об этом — столько Руденко за один день было куда как избыточно!

Стрелки часов, на которые Яна взянула тут же по пробуждении, показывали без десяти девять. Она чувствовала себя вполне отдохнувшей. И лишь горечь от сознания, что в этой странной истории с каждым днем все только еще больше запутывается, делали это тусклое и прохладное, повесенному прохладное, утро унылым и безрадостным. Приняв горячую ванну и покормив Джемму, Яна стала собираться.

На этот раз она выбрала бежевый брючный костюм, кофейного цвета блузку, а на шею повязала крапчато-абрикосовый шейный платок. Сверху надела коричневое кашемировое пальто, достигающее едва до колен, но при этом прекрасно облегающее фигуру и придающее лоск. К десяти тридцати, позвонив Руденко и как всегда встревожив его — этого супермена тревожили даже крохотные просьбы — Яна, располагая адресом Паниной Екатерины Васильевны, вышла из дома.

И сделала это как нельзя более кстати, ибо к остановке, где толпились люди, приближалось маршрутное такси. На улице заметно потеплело, накрапывающий дождь только усиливал сладкое ощущение, что зима сдвинулась с мертвой точки и вот-вот наконец отступит перед мощным весенним натиском. Пока же весна исподволь прокладывала себе дорогу в изнемогающий от долгого ожидания солнца и ручьев город, крадучись пробиралась по отвоеванным тропкам, все больше обнажая тротуары и крыши, внедрялась, подобно спецагенту, в штабную жизнь зимнего врага.

Яна рассеянным взглядом отмечала происходящие перемены, думая о своем. В кармане лежала неизменная колода карт, их знакомый глянец ласкал Янины пальцы. Несмотря на запутанный характер дела, — размышляла она, — у нее был повод для радости, или хотя бы для удовлетворения. Она спасла жизнь Санталовой Оксане, хотя, принимая в расчет нынешнее коматозное состояние последней, можно лишь с небольшой долей вероятности полагать, что ее ждет пробуждение. И все-таки, она, Яна, благодаря своему дару разрушила чьи-то преступные замыслы. Она запрещала себе возвращаться к возможному логическому раскладу событий, сделанному вчера, по возвращении от Руденко, желая дать своим мыслям отдых. Ей, чувствовала она, сейчас нужен пусть минимальный временный режим незаинтересованности, чтобы с новой силой активизировать свои способности. Этакая нирвана, ставшая производственной необходимостью.

И все-таки... Яна не удержалась и, положив карту «Взгляд в будущее» на колени, накрыла ее ладонью. Зажмурилась, удобнее устраиваясь на сиденье. То ли она насмотрелась на белый снег, то ли в ней отозвались воспоминания о вчерашнем больничном инциденте, только ей снова привиделась больница, но не та, коридоры которой осели пеплом ужаса в ее сознании.

Коридоры, отделанные мраморной плиткой, странно разбухали, шевелились, пузырились, дрожали и плавилась, а Яна все летела по ним, словно вчерашнее видение продолжалось. Но вдруг коридор кончился, выплеснувшись в широкий и просторный холл. Он был пуст, гулок и полон

голубоватого света. Далее перед взором Яны мелькнуло что-то гладкое и белое. Это была дверь. На ней темнела пластиковая табличка. Но как ни силилась Яна, прочесть написанное на табличке слово она не могла. Светлые буквы сливались в единое облако. И тут в уши Яны прынул пронзительный детский плач. Через минуту он смолк, заглушаемый неразборчивым эхом встревоженных и радостных голосов. Видение померкло, оставив в Яне ощущение досадной недосказанности и разочарования.

Яна и не заметила, как приехала к рынку. Она вышла из такси и, идя по Чапаева в сторону Московской, предприняла новый аутотренинг, стараясь очистить сознание от только что «виденного». Пересекла Московскую и, свернув налево, вскоре остановилась перед двухэтажным домом. Она тронула массивную покривившуюся от времени деревянную дверь-калитку и очутилась в небольшом дворике, образованном стеной какого-то производственного объекта, гаражами, вышеозначенным домом и ветхими сараями, запертыми на гигантские замки. У нее было впечатление, что она оказалась в поре своего детства, в раю, кущи которого были образованы вот из таких очаровательных в своей смиренной нищете двориков, полных тихой меланхолии и запаха жареной картошки, чудодейственным образом слитых со сладко-гнилостным ароматом мокрой штукатурки и плесени, наполнявшей зябким цветением уголки старых подъездов.

Яна вспомнила, как в юности прочла статью о реставрации фрески Леонардо «Тайная вечеря». В журнале «Юнеско» была помещена фотография стены собора, где находится фреска. Стена, в тонкой паутине хаотичных трещинок, стена, подверженная старению, стена, которой плевать на то, что ей выпала честь нести на своей поверхности один из шедевров блистательного человеческого гения. В этом равнодушии, в этом безразличии безликой материи, которую лишь один человек наделяет смыслами и значениями, становящимися средствами интерпретации им своей судьбы, своей затерянности в мире, жизни, смерти и воскресения, драмы сердца и героической убежденности, сквозила такая печаль, такая равнодействующая покорность, что в тайниках Яниной души память об этом шоке приняла форму декаданса вот таких тишайших двориков, уникальность каждого из которых не отменяла их единого строя. Ибо это был строй, вернее, настрой, который оплетал душу и мозг клубами мечтательной грусти, стоявшей подобно туману меж сердцем и миром, меж радостью и горем так, что действие никогда не достигало цели в силу опережающей его рефлексии.

В который раз Яна вдохнула атмосферу потерянного мира, погасшей

звезды, распавшейся галактики. Задумавшись, она машинально нажала на кнопку звонка. Первый этаж, ступенек нет, дверь, открывающаяся во двор.

Из дома вышла пожилая грузная женщина, мучимая одышкой. На ней был пестрый сине-былый халат необъятных размеров, светлые, наполовину седые волосы были забраны в подобие пучка, глаза смотрели печально и удивленно.

— Доброе утро, — поздоровалась Яна, — меня зовут...

Она представилась, сказала, что привело ее в дом Паниной.

— Мне очень жаль, что все так вышло, — Яна слабо улыбалась, стремясь расположить Панину. — Я могу с вами поговорить?

Теперь в глазах Екатерины Васильевны поселилась растерянность. Видно, что-то ее угнетало или ставило в замешательство.

— Проходите, — наконец откликнулась Панина, все больше впадая в протрацию.

Движения ее были неловкими, механичными, и если бы не тяжкая полнота, которую она вынуждена была преодолевать, чтобы сохранять вертикальное положение, они бы были совсем марионеточно-угловатыми. Яна прошла в большую светлую комнату, обставленную в старом совдеповско-купеческом стиле. Мебель была массивной, добротной, хорошо сохранилась. В квартире чувствовался достаток. Тяжеловесный уют гостиной в силу своей безликой неподвижности действовал умиротворяюще. Образцовый порядок, только на большом овальном, застеленном белой домотканой скатертью столе высилась гора газет, бумаг, журналов. Рядом, поблескивая своей безупречной поверхностью, стояла швейная машинка «Зингер». Она отражалась в громадном зеркале, сверкающем над светло-коричневой тумбочкой. Импортный телевизор располагался на старинном столике и был накрыт вышитой салфеткой.

Екатерина Васильевна, невзирая на свои габариты, довольно быстро подошла к столу и, торопливо взяв бумажный сверток, погрузила его в сверкающий хрусталем зев бара. Для этого ей потребовалось открыть низкий сервант, своими изогнутыми ножками напомнившей Яне мебель эпохи Моцарта и Глюка.

— Садитесь, — Екатерина Васильевна опустила глаза, словно ее манипуляция со свертком пробудила в ней какие-то греховные мысли, которые она хотела скрыть.

— Я расследую смерть Юрия Санталова и мне нужна ваша помощь. Меня интересуют отношения Юрия с вашей дочерью.

Эта фраза заставила подбородок Паниной задрожать, уподобясь при

этом едва застывшему желатину. Она достала из кармана платок и приложила к уголкам влажных голубых глаз, прячущихся в бесчисленных складках и морщинах.

— Это не поможет моей дочери, — апатичным голосом произнесла она, бессильно опускаясь в кресло. — Ксюша...

Последовал глухой, сипящий всхлип, потом все огромное тело Паниной задрожало, словно холодец, предвосхищая тихую истерику. Действительно, она молча заплакала, издавая порой приглушенные звуки, похожие на скрежещущие о стену дома водосточные трубы, когда их нижний край трясет ветер.

— Мне кажется, вы ошибаетесь, — спокойно проговорила Милославская. — Во-первых, не нужно отчаиваться; вполне вероятно, что ваша дочь придет в себя и будет жить полноценной жизнью, а во-вторых, вы очень бы ей помогли, если бы рассказали мне о ее ближайших друзьях. Видимо, она что-то может рассказать об убийце, потому-то вчера ее саму хотели убить...

Она вкратце пересказала Паниной вчерашний инцидент в больнице.

— О, Господи, — только и смогла выговорить Екатерина Васильевна, снова вытирая платком свои по-старчески наивные глаза, — что же мне делать?!

— Вспомните, пожалуйста, кого-нибудь из подруг вашей дочери, — попросила Милославская.

— Ольга Лаврова, — неуверенно протянула Панина, — но она, кажется, уехала в Америку. Потом еще Эльвира Шаманова...

— Где я могу ее найти?

— Раньше она работала в ресторане на железнодорожном вокзале, а сейчас... — Екатерина Васильевна пожалала плечами и вздохнула. — Больше никого не знаю.

С того момента, как Милославская вошла в комнату, ее не покидало ощущение, что сверток, который мать Оксаны так стремительно спрятала в баре, она где-то уже видела. Сначала она попыталась вспомнить, но потом, когда сразу это у нее не получилось, она, как это делала всегда, направила импульс своему подсознанию и постаралась забыть о свертке. И вот сейчас, некоторое время спустя, память выдала ей совершенно определенный ответ. Теперь Яна не сомневалась, что именно этот сверток некий пригрезившийся ей очкарик передавал Оксане Санталовой в ресторане. Она даже вспомнила название ресторана — «Золотое плато», — оно желтыми нитками было вышито на терракотового цвета салфетках, лежащих на столах.

Таинственное всегда притягивало к себе Яну, а в этом свертке было нечто таинственное. Неспроста он появился в ее видении. Не просто так Екатерина Васильевна первым делом решила убрать его с глаз долой. «В нем кроется разгадка этого преступления», — решила Милославская. Она тут же подумала, что должна во что бы то ни стало заполучить его, или хотя бы узнать, что в нем находится. Но как это сделать? Просто попросить? А вдруг Панина откажет ей. Вдруг она что-то знает о преступлении и пытается это скрыть? Конечно, в этом случае она откажет в просьбе. Тогда придется связываться с Руденко, как-то все ему объяснять, упрощать, чтобы он поверил ей на слово и получил ордер на обыск в квартире Паниной. Но, насколько знала Яна, для получения ордера должны быть серьезные основания... И потом, пока Руденко получит ордер, если это ему все-таки удастся, сверток просто-напросто может исчезнуть, как испаряется снег весной под теплыми солнечными лучами. Нет, ждать нельзя, нужно действовать быстро и решительно. Сперва — напрямую, а потом, если не получится — хитростью.

— Екатерина Васильевна, — неожиданно для Паниной произнесла Милославская официальным тоном, — вы знаете, что сокрытие улики карается в нашей стране в соответствии с законом?

— Господь с тобой, дочка, — испуганно посмотрела на нее Панина непонимающим взглядом.

— Со мной, — согласилась Яна. — Вы ничего не хотите мне показать из вещей, принадлежащих вашей дочери? — она ставила вопрос конкретно, в тоже время давая собеседнице время для обдумывания.

— Так чего ж показывать-то? — слезы как-то сами собой высохли на мясистых щеках Екатерины Васильевны. — Все вещи у нее теперь в другом доме.

— А она ничего не оставляла у вас незадолго до происшествия? — настаивала Милославская.

— Нет, — Панина часто хлопала глазами, вытерла платком картофелеобразный нос и поправила ладонью волосы.

— Вы все-таки постарайтесь вспомнить, Екатерина Васильевна, — давила на нее Яна, видя, что в открытую играть она не собирается. — Может, это какой-нибудь пакет или сверток? Вы положили его где-нибудь и забыли, а? Эта вещица, если бы она существовала, могла бы нам очень помочь в деле розыска преступника. Он ведь до сих пор гуляет на свободе...

— Даже не знаю, о чем это вы? — Панина глядела на Милославскую «честными» глазами, со смесью испуга, интереса и легкого осуждения.

— Хорошо, — Яна поняла, что «вспоминать» о свертке Панина не собирается, — тогда я попрошу вас прямо. Откройте, пожалуйста, бар и покажите мне то, что завернуто в пергаментную бумагу.

Эта просьба произвела на Панину такой эффект, которого Яна от нее не ожидала. С несвойственной для ее телосложения и возраста прытью, Екатерина Васильевна вскочила с кресла, в два прыжка преодолела расстояние до бара и заслонила его спиной.

— Нет, нет, это не ее, то есть не мое, то есть мое, а не ее, — скороговоркой выпалила она.

При этом складки на ее лице как-то нелепо задрожали, челюсть поползла вниз, глаза же были подобны двум мельтешащим мотылькам.

— Так ваше или ее? — поняв, что лед тронулся, Милославская улыбнулась кончиками губ.

— Мое, это мое, — тяжело дыша, закивала Панина.

— Ну так скажите мне что это? — с интересом наблюдала за ней Яна. Она уже была уверена, что победа останется за ней.

— Это мое, вас это не касается, — продолжала стоять на своем Екатерина Васильевна.

— А мне кажется, — Милославская посмотрела ей прямо в глаза, — что эта вещь имеет самое непосредственное отношение к смерти вашего зятя. Если это так, а я в этом уверена, вам придется давать показания в милиции. Надолго вас, конечно, не посадят, но года два придется провести за решеткой. А вдруг за это время очнется ваша дочь? Кто тогда будет за ней ухаживать? В общем, решать вам, Екатерина Васильевна.

Милославская медленно поднялась со своего места и неторопливо двинулась к выходу.

— Ксюша взяла с меня слово, что я никому не скажу об этой кассете, — слезный голос Паниной остановил ее, — она ни в чем не виновата.

— Кассете? — Яна повернулась, посмотрела на прощанье на хозяйку снова пошла к двери.

— Куда же вы — трясая телесами кинулась за ней Панина, — а кассета?

— Отдайте ее лейтенанту Руденко, — посоветовала ей Милославская.

— Вы не хотите ее посмотреть? — Екатерина Васильевна словно клещами вцепилась Яне в рукав пальто. — Там такое...

— Я знаю, — грустно вздохнула Милославская. — Отпустите меня.

— Но откуда? — не унималась хозяйка. — Как вы могли узнать? Я никому об этом не рассказывала.

— Существует еще одна копия, — Яна наконец высвободила рукав

пальто, — ее нашли в сумочке той самой девушки, с которой ваш зять... Прощайте, — она открыла дверь и вышла на улицу.

* * *

Ресторан «Золотое плато» только открылся, поэтому Милославская оказалась здесь первой посетительницей. Она отдала брюнетке-гардеробщице пальто и описала ей внешность очкарика.

— Он здесь был дней десять назад, не помните его?

Брюнетка пожалала округлыми плечами и усмехнулась.

— Знаете, сколько у нас народа бывает, разве всех упомнишь?

— Он был в сером костюме, — попыталась ей помочь Милославская.

— В сером? — задумалась брюнетка. — Нет, не помню.

Яна вошла в окутанный мягким полумраком зал и постаралась вспомнить свое видение. Это ей легко удалось. Она силилась вспомнить место, в котором уже не раз «бывала». Эти массивные стулья с гобеленовыми сиденьями, зеленый ковролин на полах, тяжелые портьеры на окнах — все это было ей до боли знакомо. Она села за «тот самый» столик, где сидели Оксана и очкарик.

— Пожалуйста, — подлетевшая официантка протянула ей меню в лакированной картонной обложке.

— Вы не могли бы присесть к столу? — Яна положила меню на стол и посмотрела на официантку.

— К сожалению, нам это запрещено, — улыбнулась в ответ девушка.

— Я ищу одного человека, — пояснила Яна, — знаю, что он был здесь, по крайней мере, однажды и сидел за этим же столиком. Не могли бы вы мне помочь?

— Вы будете что-нибудь заказывать? — официантка продолжала ей улыбаться, но Яна поняла, что ту волнует, сделает ли она заказ.

— Конечно, — Милославская открыла меню и почти наугад выбрала несколько блюд, — и бутылочку «Каберне», — добавила она, решив, что подкрепиться так или иначе не помешает.

— Как выглядел ваш знакомый? — подобрела официантка.

Яна повторила описание, которое она уже сделала в гардеробе.

— Подождите минуточку, — официантка исчезла так же быстро как и появилась.

Вернулась она минут через двадцать с подносом, уставленным тарелками. Выставила приборы на стол и наполнила фужер красным

вином.

— Кажется, я вспомнила вашего знакомого, — негромко сказала она, — только он у меня ничего не заказывал. Он встречался здесь с одной расфуфыренной дамочкой, которой передал какой-то сверток. Одет был так себе, — она скорчила пренебрежительную гримасу, — не наш контингент.

— Это все? — напряглась Яна.

В ответ официантка только пожала плечами.

— Может быть, вы помните еще что-то. Дамочка не называла его по имени?

— Нет, — покачала головой официантка, — он был здесь всего несколько минут. Хотя, погодите, — она задумалась и смешно сморщила нос, — от него пахло лекарствами, думаю, он работает где-нибудь в больнице. И, по-моему, та фифа дала ему денег. Я зелень за три версты вижу, — с ехидной ухмылочкой добавила девица.

— Благодарю вас, — рассеянно кивнула Милославская и принялась за еду.

Итак, этот очкарик и тот таинственный гость в больнице — не одно и то же лицо. Каким бы тусклым ни было освещение, Яна сразу это поняла. А потом еще она вместе с Руденко и его помощниками спустилась вниз и хорошенько рассмотрела разбившегося парня. Под описание очкарика он не подходил. «Не наш контингент», — сказала официантка. То есть очкарик, совершенно не исключено, решил подзаработать. Это подтверждает и официантка, сказавшая, что видела, как дама расплачивалась с ним.

Что из этого следует? Оксана заказала ему снять на пленку утехи мужа с проституткой? Выходит, так. Значит, она его подозревала в измене. И решила добыть доказательства. Но как очкарик выследил Санталова и — что еще более интересно и загадочно — как он смог осуществить эту съемку? Или это Оксана, примерно зная, где происходят забавы, обеспечила необходимые условия? Но если она располагала такой веской информацией, зачем ей вообще понадобилось добывать доказательства? Что она хотела, развода? Что же получается?

А получается то, что у Оксаны имелся мотив отомстить мужу, что она и сделала, приведя на вечеринку Гулько. Но с другой стороны, идею вечеринки предложил Санталов — вывод напрашивается сам собой. Или это был план, разработанный Оксаной. Вместе с сообщником... Который потом решил избавиться от нее. Но почему? Ведь Оксана наследует дело Юрия, его собственность? На что рассчитывает убийца?

Яна прикончила салат и принялась за цыпленка, запивая его вином, а

сама непрестанно размышляла, как же ей отыскать этого невзрачного очкарика в сером костюме, пахнущего больницей. К концу обеда у нее созрело решение. Не ахти какое, но попробовать стоило.

Она расплатилась с официанткой, оставив ей полсотни «на чай» и отправилась домой, прихватив по пути охапку газет бесплатных объявлений. Удобно устроившись на диване, Яна методично просмотрела все объявления, в которых предлагались услуги видеосъемки. Некоторые объявления публиковались только в одной газете, другие повторялись в нескольких. К ее удивлению, таких оказалось довольно много. Даже после того, как она отсеяла дубликаты по номерам телефонов, у нее осталось больше тридцати штук.

Яна достала колоду карт. Настало время «обкатать» как следует карту, условно названную ею «Да. Нет.» Она переписала на бумагу номера телефонов в одну колонку и, положив ладонь на карту, другой рукой принялась водить по ним. Но ничего не произошло и Яна с горечью констатировала, что карта не работает. Тогда она попытала «Взгляд в будущее». То же самое. Никакого результата. Карта молчала. «Что ж, видимо, все дело в недостатке внутренней силы, то есть в усталости.»

Яна достала карту «Джокер» — работа с ней требовала энергетических затрат в два раза меньше, чем с другими картами. Она положила руку на нее и почувствовала, что тепло постепенно нарастает. «Так-так-так», — в Милославской загорелся охотничий азарт, словно она на сафари преследовала хитрое дикое животное. Под ладонью Яны словно завибрировал электрический ток. Когда вибрация стала максимальной, а ладонь почти горела от накопившегося в ней огня, Яна откинулась на спинку кресла.

Из темноты начало что-то медленно вырисовываться. Это напоминало проявку фотографии. Сначала глазам Яны предстали завитки, потом какие-то белесоватые округлости, и наконец возникло полное изображение. Это было детское личико, завитки оказались кудрями младенца. Личико было пухлым, цвет глаз Яна различить не могла, они сливались с белизной кожи мальчика.

Нет, это не кожа, слишком твердая под ней чувствовалась основа. Это скульптура. И более того, это еще одна часть некой композиции, — поняла Яна, отдельные фрагменты уже являлись Яне. Она вспомнила детскую ножку и женское лицо. У нее не осталось сомнений, что «Джокер» «строит» некую композицию, имеющую отношение к делу, над которым она работает. Вот только какое? И потом, она хотела прежде всего выяснить, по какому из телефонов ей следует звонить...

Яна несколько минут посидела, восстанавливая дыхание и нормализуя пульс, затем снова взяла газету и стала пробегать глазами номера телефонов. И тут она чуть не подпрыгнула — как же она могла пропустить это и забыть то, что сказала ей официантка! От «очкарика» пахло больницей, а под одним из телефонных номеров значилось «Третий роддом». Трудно допустить, что он сочетает две профессии — врача и видеооператора. Скорее всего пункт видеослужб находится где-то в больничном покое. Но какого черта эта служба будет арендовать помещение в больнице? Снимать выписывающихся пациентов? Нет, скорее счастливых мам, пап и новоявленных деток!

Яна сняла трубку и набрала номер.

— Добрый день, — приветствовал ее молодой женский голос, — фирма «Видеосервис».

— Здравствуйте... — Милославская немного растерялась, подумав, а что будет, если она ошиблась, — я бы хотела...

— Свадьба, день рождения, другое торжество? — стала перечислять секретарша.

— Не совсем... — Яна все еще не могла сформулировать вопрос.

— Может быть, похороны?

— Нет, предполагается несколько специфическая съемка.

— Понимаю, — Яне даже показалось, что она видит, как девушка кивает с двусмысленной улыбкой, — тогда вам нужно подойти к нам и поговорить непосредственно с оператором.

— Конечно, — согласилась Яна, — Как я могу вас найти?

— Очень просто, — пояснила девушка. — Родильный дом номер три. Кажется, мы давали в объявлении...

— Да-да... — торопливо ответила Яна, — простите, я была невнимательна.

Она вспомнила не только показания официантки из «Золотого плато», но и видение больничного коридора, потом просторного холла и, наконец, детский плач, смазанный эхом приглушенных голосов.

— Многие хотят запечатлеть на память свою жену вместе с только что родившимся ребенком, — затараторила секретарша. — Мы арендуем здесь маленькую комнатку с телефоном, это очень удобно. У нас всегда дежурит кто-нибудь из операторов.

— Это замечательно, — ответила Милославская, подумав, что с таким же успехом они могли бы устроиться и на кладбище, поскольку помирают сейчас гораздо активнее, чем рождаются, — так я к вам подъеду?

— Будем вас ждать.

Милославская опустила трубку на аппарат и принялась собираться. Это не заняло много времени, потому что после возвращения из ресторана она даже не переоделась. Она позволила себе в спокойной обстановке выкурить сигарету, запивая ее кофе.

Видя, что хозяйка надевает сапоги и пальто, Джемма засуетилась, тычась своей огромной головой Яне в ногу.

— Не-ет, Джемма, — Милославская покачала головой, — я опять иду в больницу, более того — в родильный дом. К сожалению, с собаками туда нельзя.

Джемма сотрясла воздух лаем, тоскливо глядя на Милославскую преданным взглядом.

— Ну что с тобой делать? — улыбнулась Яна, и Джемма, сразу же уловив перемену в настроении хозяйки, завиляла тем, что у собак этой породы осталось от хвоста. — Только будешь ждать меня на улице, — предупредила Яна.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Недавно построенный, отделанный ценными породами камня, Третий роддом производил довольно величественное впечатление, своим видом напоминая скорее административное здание времен тоталитаризма, нежели больницу. Милославская, сопровождаемая Джеммой, неотступно следующей рядом, поднялась по широченной лестнице на высокий стилобат и направилась ко входу.

— Жди меня здесь, — приказала Яна и собака послушно села, глядя на хозяйку.

Огромные стеклянные двери распахнулись, пропуская ее внутрь. Холл от пола до потолка был отделан мрамором светло-розовых оттенков, сквозь большие окна лились потоки света, играя на никелированных деталях кожаных кресел и диванов, на которых сидели несколько новоявленных или будущих папаш с пластиковыми пакетами в руках. Маленькое объявление на противоположной от входа стене говорило, что прием передач еще не начался.

Взоры присутствующих тут же обратились на Милославскую. Не обращая на них ни малейшего внимания, она огляделась и заметила в правом дальнем углу холла едва заметную дверь с табличкой. Подойдя ближе, Яна поняла, что движется в нужном направлении; на табличке значилось: «Видеосервис». Она постучала в дверь и потянула на себя латунную ручку.

Помещение, как и сказала секретарша было действительно маленьким и первоначально было предназначено, скорее всего, под кладовую. Стол, за которым сидела шатенка лет двадцати с причудливым сооружением на голове, напоминавшим куст ананаса, стоял вплотную к аккуратному диванчику. Между диваном и стеной с трудом втиснулся двустворчатый шкаф, а прямо перед столом секретарши примостились два мягких стула на металлических ножках. На оставшемся свободным пространстве могли с трудом разместиться не более трех человек. Здесь даже не было окон и комнатка освещалась электрическим светом. Сидевший на диване парень с длинными русыми волосами настраивал небольшую видеокамеру и не обратил никакого внимания на Милославскую. Шатенка, поправив на пышной груди тонкую кофточку, с улыбкой посмотрела на Яну Борисовну.

— Добрый день, хотите что-то заказать? — в ее глазах горел хищный интерес.

— Я вам звонила недавно, — пояснила Милославская.

— Да, да, — улыбка секретарши стала еще шире, обнажив ровные крупные зубы, — присаживайтесь, пожалуйста. Вы, наверное, хотели бы узнать наши расценки... Они у нас колеблются в довольно больших пределах и вам нужно будет договариваться непосредственно с оператором, как я уже говорила, только вы должны понимать, что на специфические съемки и расценки будут соответственные.

— И с кем же мне можно поговорить? — Яна посмотрела на блондина, который уже закончил заниматься с камерой.

— Нет, нет, — покачала головой шатенка, — Саша у нас только новорожденных снимает. Сейчас придет Коля Радзиевский, с ним все и обсудите. У вас есть несколько минут?

— Конечно, — кивнула Милославская и приготовилась ждать.

— Эллочка, — блондин поднялся с дивана и повесил камеру на шею, — ну, я пошел, — он поднял руку посмотрел на часы, — сейчас будут выносить.

Извинившись, он с трудом протиснулся между Милославской и шкафом и вышел в холл. Пока он занимался камерой, Яна исподволь поглядывала на него, пытаясь определить не знакомо ли ей это лицо. Выходило, что нет. Во-первых, этот выглядел несколько моложе, во-вторых, не носил очков и в-третьих, и это было самое главное — Яна не уловила в душе никакого трепета, что несомненно должно было произойти при виде «того самого» очкарика.

— Не могли бы вы все-таки, — начала Эллочка, — в двух словах объяснить, какого рода съемка вас интересует?

В этот момент дверь распахнулась и на пороге появился мужчина. Милославская сразу же «узнала» его: неправильные черты лица, короткая стрижка, очки в тонкой металлической оправе, придававшие ему вид школяра. Правда, теперь вместо серого костюма на нем были черные джинсы и цветастый джемпер, выглядывавший из-под расстегнутой куртки.

Он поздоровался, кинул быстрый взгляд на Милославскую и устроился на диване.

— Ну что, Элла, — уставился он на секретаршу, — есть работенка?

— Кажется, да, — кивнула шатенка, — вот только я не успела еще выяснить, что, собственно, от нас требуется...

— Мне бы хотелось обсудить этот вопрос тет-а-тет, — сделав вид, что засмушалась, произнесла Яна.

— К сожалению, — Эллочка обнажила свои крупные зубы, — мне

нужно принимать заказы.

— Ничего, — улыбнулась Яна, — мы можем поговорить в холле, правда, Николай? Ведь вас так зовут?

Радзиевский кивнул.

— А меня зовут Яна Борисовна, — представилась Милославская, обратившись к нему. — Давайте выйдем на минуточку.

Не ожидая согласия от оператора, она встала, открыла дверь и вышла в холл. Яна не сомневалась, что очкарик следует за ней. Она подошла к стеклянной стене, за которой сидела поджидавшая ее Джемма и остановилась, глядя на улицу.

— Я вас слушаю, — раздался у нее за спиной голос Радзиевского. — Что будем снимать?

— Ничего, — повернулась к нему Яна, — я просто хотела вас кое о чем спросить. Но, — тут же добавила она, заметив, как потускнели глаза Николая за стеклами очков, — вы даже ничего не снимая, могли бы неплохо заработать. Например, сто долларов...

— Вас интересует что-нибудь пикантное? — на лице очкарика появилась ехидная усмешка.

— Можно и так сказать, — задумчиво произнесла Милославская.

— Есть у меня кое-что, — ответил Радзиевский, — только...

— Нет, — перебила его Яна, — меня интересует нечто вполне определенное.

— И что же?

— Мне известно, — тихим голосом сказала Милославская, — что около двух недель назад, может быть, немного раньше, вы снимали развлечения одного господина с женщиной легкого поведения, проще говоря, проституткой. Снимали тайно, но, впрочем, это сейчас неважно. Помолчите, — жестом руки она остановила собиравшегося ей возразить очкарика. — Вы передали эту кассету в ресторане «Золотое плато» жене этого господина. — Помните? — она вперила испытующий взгляд в очкарика, которого ее вопрос поверг в явное замешательство.

— Нет, — без должной уверенности ответил он, отводя взгляд в сторону.

— Кассет было две. Хотите, я расскажу, что случилось с женщиной, которая заказала вам эту работенку?

Очкарик вздохнул, демонстрируя, что терпение его тает с каждой секундой и, овладев к этому времени собой, бросил на Яну ироничный взгляд.

— Ее тяжело ранили. Да вам, наверное, это известно, — она не

отрывала от очкарика своих черных глаз, — а ее мужа убили. Кроме того, погибла девушка, зафиксированная на пленке.

— Послушайте, — со скрытым раздражением ответил Радзиевский, — мало ли что с кем случается. Я-то здесь при чем?

— Значит, вы не отрицаете, что выполняли заказ Санталовой? Помните ее?

— Вы думаете, я помню всех, кто ко мне обращается? — ухмыльнулся Радзиевский. — И вообще, кто дал вам право расспрашивать меня? Вы из милиции? Тогда покажите удостоверение.

— Я не из милиции, но сотрудничаю с органами, — спокойно ответила Яна, предполагая такую реакцию. — Вы передали кассету Санталовой Оксане в ресторане «Золотое плато». Вас видела официантка, она вспомнила вас, — добавила Яна.

— А что, если я вам скажу, что не знаю никакой Санталову и что никогда не был в этом ресторане? — изобразил на своих губах гаденькую улыбочку Радзиевский.

— У меня есть свидетель, — усмехнулась Яна, — та самая официантка. И потом, я насквозь вас вижу. Я, видите ли, немножечко экстрасенс, но даже и экстрасенсом не надо быть, чтобы понять, что вы лжете.

— Уважаемая, — с презрительной ухмылочкой сказал Радзиевский, — мне работать надо. Вы, как я понял, не будете делать заказ...

Его маленькие серенькие глазки насмешливо скользнули по Яне, а потом вновь уперлись в стену.

— Вы выполняете щекотливые поручения. Это понятно — кому не хочется подзаработать, пусть и подлым путем...

— Только не надо мне читать мораль! — скривился очкарик, — до свидания.

Он хотел было вернуться в комнату, но Яна преградила ему дорогу.

— Вы сделали копию с этой кассеты. Она оказалась в сумке убитой проститутки, подруги Санталова. Почему вы сделали две копии? Хотели пошантажировать? Но как, спрашиваю я себя, эта копия оказалась в сумки убитой девушки? Кто заказал вам сделать съемку?

— Санталова, — хмыкнул очкарик, — ну снял я ее муженька и ладно. Остальное — не мое дело.

— Итак, вы признались, что Оксана обращалась к вам...

— И что?

— Кому понадобилась копия? — не отставала Яна.

— Может, она и сделала, я почему знаю? — судорожно рассмеялся

Радзиевский, обнажив мелкие желтоватые зубы.

— И подбросила в сумку убитой проститутки? — не унималась Яна.

— Дайте мне пройти, не ставьте себя в смешное положение, — раздраженно выкрикнул очкарик, потерявший все-таки терпение, — у каждого работа, и не надо лирики!

— Что ж, — Яна сделала вид, что смирилась, — тогда будете давать показания в отделе.

— Если потребуется, дам, — Радзиевский отстранил Яну и вошел в комнату.

Некоторое время Яна стояла в холле, озадаченная и разочарованная. Хотя, с другой стороны, у нее был повод испытывать что-то похожее на то чувство, которое испытывает охотник, который упустил зверя, но вычислил, где его логово. Радзиевский что-то скрывает — в этом она не сомневалась. Не исключено, что он был заодно с тем парнем, что выбросился из окна. Но как ей разговорить его? Деньги — она уже поняла это — тут не помогут. И все-таки она могла себя поздравить. Этот очкарик был той ниточкой, которая приведет ее к разгадке. Нет, здесь не простой шантаж... Здесь более крупная игра — это Яна чувствовала глубоко в своей душе.

Решение пришло к ней через несколько минут. Она подождет очкарика на улице, вернее, где-нибудь в кафе или баре. Потом проследит за ним, узнает, где он живет. Возможно, встревоженный ее появлением, он захочет встретиться с кем-то из своих приятелей.

На улице ее ждала преданная Джемма. Яна взяла поводок и направилась в сторону небольшого кафе, похожего своим запыленным фасадом больше на дешевую забегаловку. Это была обыкновенная распивочная. У прилавка толпились мужики, другие, рассевшись за белыми пластиковыми столами, поглощали пиво. Двое парней с видом опустившихся забулдыг употребляли водку, запивая ее пивом из пластиковых стаканов. Их отечные помятые физиономии говорили о реках спиртного, о страшном запое, о тяжелых приступах утренней абстиненции. Засаленные куртки, неухоженные волосы, пустые глаза. К ним подсел только что отоварившийся толстяк, судя по всему, их приятель. Он имел более благообразную наружность, но и его лицо хранило неизгладимую печать, отметину перманентного пьянства.

Когда толстяк водрузил на стол полный стакан водки и пластиковую тарелочку с селедочным бутербродом, глаза парня, сидящего спиной к окну, заблестели. Он явно надеялся, что толстяк с ним поделится. Тот в самом деле плеснул в пустой пластиковый стакан парня граммов пятьдесят. И

полилась пьяная сентиментальная беседа. Яна поморщилась. В кафе пахло пивом, соленой рыбой и перегаром. Не то что пахло, шибало в нос. Яна взяла стакан пива и присела к столу, за которым сидела забавная алкоголическая парочка: пожилые мужчина и женщина. У него было хмурое, искаженное презрительной гримасой лицо морского волка, дамочка была ярко покрашена. Яна вспомнила кричащие панно Тулуз-Лотрека. Мужчина и женщина с любопытством покосились на Яну — она не производила впечатление завсегдатая подобных заведений.

Джемма скучала на улице. Яна посмотрела на часы: кто его знает, когда закончится трудовой день Радзиевского. В кафе она провела около часа. Потом, не в силах больше находится в этой клоаке, вышла на свежий воздух и принялась мерить шагами унылый тротуар. Минут через тридцать она присела на лавочку в больничном сквере. Джемма следовала за хозяйкой, словно тень. Яна обзревала пустынную, производящую жалкое впечатление аллею парка. Ветер протяжно завывал в голых кронах деревьев, зябнущие птицы скакали по земле, по веткам, доверчиво приближались к скамейке, на которой сидела Яна. Джемма у ее ног превратилась в изваяние.

Яна достала из кармана колоду карт. Она хотела заглянуть в прошлое. Выбрав соответствующую карту, она накрыла ее ладонью, не надеясь, что ей повезет. Ветви над головой исходили в долгом стоне, птичий речитатив дробил холодный сизый воздух, в нем, этом речитативе, была какая-то бессмысленная торопливость, что-то завораживающе механическое, также, впрочем, как и в скакании пернатых. Яна прикрыла веки, стремясь абстрагироваться от этого невзрачного пейзажа. Сначала ее зрачки растворились во тьме, как это не раз бывало, потом перед ней возникли бледно-желтые круги, напоминавшие паутину — они переплетались, наслаивались друг на друга, вытягивались, пульсировали. Вскоре желтая сеть начала ползти к полюсам, обнажая сероватую круглую поверхность.

И тут, как на экране телевизора, появилась комната, дешевые бледные обои в розовый цветочек, диван с полированной спинкой, письменный стол, детская кроватка... Яна услышала странное жужжание, словно работал какой-то бытовой прибор. На диване сидела одетая в синий с красным рисунком халат молодая женщина с печальным, некрасивым лицом и короткими темными волосами. Ее тонкие губы шевелились, но звука голоса Яна не слышала, словно в немом кино. Голова незнакомки была наклонена, взгляд — обращен вниз.

Яна силилась опустить глаза. Ей это удалось. Рука женщины лежала на затылке мальчика. Он сидел на полу, у ее ног, недовольно глядя на нее и

капризно поджав губы. У мальчика были темные глаза-вишни, чуть более светлые брови, очаровательный носик и круглые щечки.

Тут в комнату вошел высокий угловатый подросток. Жесткие русые пряди и дерзкий взгляд, который он наставил на женщину, наводили на мысль о его непростом, ершистом характере. Лицо женщины приняло сразу более строгое выражение — теперь она обращалась к нему. Он скривил губы, видимо, что-то резко и грубо ей отвечая. Она стала ему раздраженно и яростно возражать, он изобразил оскорбительную гримасу, и, хлопнув дверью, вышел из комнаты. Женщина ударилась в слезы. Испуганный малец быстро поднялся и, не зная, что делать, прижался к матери. Она обняла его одной рукой, а другой пыталась вытереть слезы, которые, не слушаясь ее, катились по щекам крупными гроздьями.

«Что это за Мадонна с младенцами?» — иронично подумала Милославская, убирая карты в карман пальто. Тут Джемма ткнулась ей в колено своей мордой и Яна положила руку ей на голову. Но собака дернулась немного в сторону, села и стала тихонько поскуливать, глядя в сторону родильного дома.

— Тихо, Джемма, — Яна подняла глаза и увидела, что Радзиевский торопливо спускается по ступеням лестницы, ведущей к роддому.

Она чуть было не пропустила его.

— Молодец, — похвалила Яна собаку, которая, почуяв похвалу в голосе хозяйки, подобралась и завиляла хвостом.

«Интересно, куда он направляется?» — Яна дала возможность Радзиевскому уйти немного вперед и, дав Джемме команду «рядом», двинулась следом.

Николай шел быстро, не оборачиваясь, словно куда-то спешил. Он добрался до трамвайной линии и свернул в сторону путепровода, пересекавшего железнодорожные пути. Милославской показалось довольно странным, что он не воспользовался общественным транспортом, потому что место это было какое-то необжитое, что ли. «Похоже, — решила она, — кто-то назначил ему встречу подальше от посторонних глаз». Ей пришлось отпустить Радзиевского на приличное расстояние, так как в этом пустынном месте, где расположены только промышленные предприятия, довольно трудно было следовать за человеком, оставаясь незамеченным.

Но, слава Богу, Николай не смотрел по сторонам. Он миновал таможенные склады и, подойдя к путепроводу, остановился. Здесь была небольшая площадка, поросшая густым высоким кустарником, голые ветви которого образовали сплошную стену. Вдоль нее под мост шла узенькая

тропинка. Она, как предполагала Яна, вела к гаражам, построенным в зоне отчуждения под теплотрассой.

Радзиевский закурил и, приняв непринужденную позу, посмотрел в обе стороны дороги, по которой с шумом и грохотом, выплевывая из себя килограммы выхлопных газов, проносились большегрузные автомобили, легковушки и автобусы. Чтобы остаться незамеченной, Мирославской пришлось замереть за углом какого-то пыльного склада, шагах в ста от места, где обосновался Радзиевский. Было ясно, что дальше идти он не собирается, во всяком случае, пока. Яна время от времени выглядывала на дорогу, чтобы убедиться, что Николай все еще остается на месте.

В какой-то момент в Яне шевельнулось тревожное чувство, которое трудно было объяснить. Правда, место для встречи — а в том, что Радзиевскому назначена встреча, она уже не сомневалась — было выбрано не слишком-то удобное, но, возможно, как раз это-то и нужно было тому, кто ее назначил. Наверное, оно было удобным... Вот только для кого и для чего?

— Черт возьми, — Яна выругалась вслух, вышла из-за угла и решительным шагом направилась к площадке, где топтался Радзиевский. «Как же объяснить этому придурку, — лихорадочно думала Яна на ходу, — что такое место, где почти нет пешеходов, просто идеально подходит для убийства?»

Она прошла уже треть расстояния, разделявшее ее с Николаем, когда краем глаза заметила, что у белой «девятки», прошелестевший шинами в том же направлении, опущено заднее стекло. Это само по себе наводило на подозрения — не май все-таки, чтобы распахивать окна — но самое главное, ей показалось, что в окне мелькнула рука, сжимавшая пистолет.

— Джемма, вперед, — крикнула она, махнув рукой в сторону Радзиевского, и сама что было сил рванула туда же. Она махала руками, как ветряная мельница крыльями, и кричала, стараясь привлечь к себе внимание Николая, но он, казалось, ничего не замечал. В какой-то момент он все же обернулся и, увидев несущуюся на него во весь опор Джемму, застыл словно вкопанный.

— Пригнись, идиот, на землю! — Яна делала знаки, чтобы показать Радзиевскому, откуда ему грозит опасность, но он только со страхом поглядывал на страшное животное, приближавшееся к нему с неумолимостью селевого потока.

Он не видел ни Яну, ни «девятку», которая уже остановилась на противоположной от него стороне дороги. Из опущенного окна «девятки» высунулась рука с пистолетом, который рывкнул несколько раз,

заглушаемый шумом проносящихся мимо автомобилей.

— Джемма, лежать! — за секунду до первого выстрела крикнула Милославская, чтобы не подставлять собаку под случайную пулю.

Та, моментально среагировав, припала к пыльному асфальту и замерла в нескольких метрах от Николая. Выронив камеру, он вскинул руки и, согнувшись пополам сделал несколько шаркающих шагов на подкосившихся ногах. Ему обожгло грудь и живот и страшно хотелось наглотаться холодного весеннего воздуха, чтобы остудить поднявшийся внутри жар. Поэтому он открывал и закрывал рот, словно выброшенная на прибрежный песок рыба, но это не помогало. Сознание его быстро угасало и стало очень трудно поддерживать равновесие. Пытаясь выровняться, Радзиевский шагнул еще несколько раз, но ноги его не поднимались. Он споткнулся о бордюрный камень и с немым криком упал на проезжую часть, ударившись головой об асфальт.

Когда через несколько секунд над ним наклонилась подоспевшая Милославская, он уже не подавал признаков жизни. Водители проносящихся мимо машин покачивали головами, принимая лежавшего на дороге человека за сильно перебравшего алкаша. Поняв, что Радзиевскому уже ничем не поможешь, Милославская вскочила на ноги, но белой «девятки» не было и в помине.

— Что за дерьмо, — в сердцах произнесла Яна и достала сигарету.

Она не успела запомнить даже номер машины, откуда прогремели смертельные выстрелы.

Бело-голубая «Нексия» дорожно-патрульной службы остановилась рядом с Милославской, когда от сигареты остался один лишь фильтр.

— Ну и что, — выглянул через переднее окно старший лейтенант с рыбьими глазами, — набрался до чертиков?

— Его застрелили, — пояснила Милославская, но старлей и сам уже увидел, как из под тела на дорогу вытекает красно-бурая жидкость.

— Ебок-колобок, — пробормотал он и покосился на водителя, — говорил тебе, едем дальше, теперь вот расхлебывай. Эх, пряники-баранки, — вздохнул он и открыл дверцу автомобиля.

— Какого черта, Миша, — недовольный выговором, возразил водитель — лейтенант лет двадцати трех, — а кто мне сказал, давай-ка подбросим эту дамочку, а?

— Заткнись, Вован, — старлей покосился на Милославскую и вышел из машины, — лучше вызови бригаду, пусть сами здесь разбираются. И «скорую», — добавил он, — может, жив еще...

Лейтенант послушно потянулся к рации, а старлей пошел осматривать

место происшествия — все равно протокол составлять придется, раз уж остановились.

— Чья собака? — он с опаской взглянул на Джемму, сидевшую на тротуаре и внимательно смотревшую на хозяйку.

— Моя, — Яна достала сигареты и закурила.

— Хорошо, — старлей кивнул, присел над телом Радзиевского и попытался нащупать у того пульс, — полная хренотень. А вы ему кто? — он выпрямился и с интересом уставился на Милославскую.

— Никто, — пожала плечами Милославская.

— А как вы здесь оказались и откуда знаете, что его застрелили? — еще больше заинтересовался старший лейтенант.

— Я видела, как напротив него остановилась белая «девятка», — Яна сознательно проигнорировала первую половину вопроса, — кто-то протянул из окна руку с пистолетом и выстрелил в этого человека.

— Номер машины не запомнили?

— Как-то было не до того.

— Кто стрелял, кто сидел за рулем, тоже не видели?

— Не видела. Когда все это случилось, я была довольно далеко от этого места.

Постепенно возле места трагедии начали останавливаться машины, пассажиры и водители которых с любопытством посматривали на тело, лежащее на дороге, и расплывающееся пятно крови. Создалась даже небольшая пробка. Откуда-то появились и пешеходы и обступили Яну со старшим лейтенантом неплотным кольцом. Кое-кто пытался даже задавать вопросы, другие делали попытки на них ответить.

— Вован, — старлей подошел к служебной машине и наклонился к открытой дверке, — ну-ка, направь движение в нужное русло. Можешь штрафануть парочку для острастки за остановку в зоне действия знака. Короче, чего я тебя учу — не маленький уже. Устроили здесь цирк, понимаешь.

Лейтенант, как показалось Милославской, принялся выполнять указание старшего по званию не без удовольствия. Передвинув машину немного вперед, он достал жезл, выбрался на дорогу и повелительным жестом показал водителю стоявшей впереди всех машины место у тротуара. Через пять минут пробка была ликвидирована, а карманы лейтенанта пополнились трудовыми рублями.

Вскоре подоспел «УАЗик» с оперативниками и «РАФ» «скорой помощи». Оперативники не то чтобы оперативно, но довольно шустро проверили карманы покойного, зафиксировали его местоположение на

асфальте кусочком мелка и предоставили возможность медикам констатировать его смерть. После чего стали опрашивать свидетелей и производить осмотр места происшествия. Яну, как главного и единственного свидетеля, забрали с собой для того, чтобы снять показания в спокойной обстановке.

По дороге Яна, как могла, объяснила ментам, в чем дело. Она сообщила, что данное убийство, скорее всего, связано с делом, расследованием которого занимается Руденко. Менты задавали ей разнообразные вопросы, порой не относящиеся к происшествию. А когда узнали, что она экстрасенс, стали пялиться на нее с той смесью скепсиса и насмешливого недоверия, которое отличает людей, объевшихся баланды Кашпировского и пройдошливого Чумака. Ребята несколько раз выразили сомнение по поводу связи убийства Радзиевского со всей этой «кашей», как они называли расследование, но Яна заверила, что так оно и есть и что Руденко сейчас был бы как нельзя более кстати.

Они не стали возражать. Для появившегося Руденко, разумеется, это было полным сюрпризом. Он буквально не знал, как реагировать. И только присутствие других людей заставило его собрать силы, стряхнуть с себя хмель удивления и приступить к официальной процедуре снятия показаний. Именно эта протокольная рутина отвлекала его от эмоций, позволила функционировать, как нержавеющей механизм, спрашивать, дополнять, анализировать, уточнять и так далее.

— Тебе не кажется какой-то досадной случайностью, — решила поиронизировать Яна, — что я все время даю показания?

— Это твой да-ар, — насмешливо протянул Руденко, — ты вечно оказываешься в «горячих точках».

Довольный своим колким замечанием, он снисходительно улыбнулся.

— Но это мое быстрое реагирование, согласись, нам на руку, — Яна лукаво посмотрела на лейтенанта.

На самом деле она чувствовала страшную усталость и разочарование. Но не сдавалась, стараясь юмором разогнать собственную хандру.

— Ну и что мы имеем? — по-медвежьки качнул головой Три Семерки. — Этот хлыщ мертв, ниточка оборвалась... Что дальше? Ждать нового видения?

Он повернулся, не желая показывать разъедающего его скепсиса. Кислая улыбка рястягивала его губы, наполовину прикрытые пышными усами. И если порой рот его прятался под пшеничными кущами, а вместе с ним и их ироническое недоверие, то глаза выдавали Руденко всегда. И теперь, не склонный к самоанализу и испепеляющей саморефлексии, он

нутром чувствовал, что взгляд его — предатель, а посему лучше отвернуться.

— Может, и видения, — усмехнулась Милославская.

У нее не было ни сил, ни желания затевать обычную дискуссию.

— Ты что-то выпивку сегодня не предлагаешь, — укоризненно взглянула она на лейтенанта, — или на мели? Такой случай... в качестве терапии...

Слова липли к языку, губам, словно не хотели слетать с них. Яна пережевывала их по сто раз, прежде чем выплюнуть. Но и тогда их тянучки оставались во рту, и Яне вновь приходилось вертеть языком, шевелить губами, избавляясь от этой несносной клейкой жвачки.

— Затариться не успел — вот и все, — почему-то надулся Руденко. — И так, проститутка не при делах, — решил он резюмировать, — она просто что-то увидела и ее решили убрать. Теперь под подозрением женушка...

— Понятно одно: преступник на свободе. С убийством Радзиевского и самоубийством того парня в больнице ничего не изменилось. Возможно, они были связаны, но ни тот, ни другой не играли первой скрипки. За кадром остается некто, кровно заинтересованный в том, чтобы расследование зашло в тупик, некто, кому выгодна была смерть супругов Санталовых. Хотя, может быть, к убийству Юрия причастна Оксана, и на каком-то этапе ее интересы совпадали с интересами убийцы, настоящего убийцы, — уточнила Яна, — совпадали, а потом они поссорились.

— Но что могло в этом случае, — оживился Руденко, — сделать из сообщников врагов?

— Не знаю, — откровенно ответила Яна, — Радзиевский получил заказ от Санталовой, — продолжала она размышлять вслух, — но зачем-то сделал копию кассеты. Для чего? И как она оказалась в сумке у Насти.

— Кто-то хотел подставить проститутку! — хлопнул себя по лбу Три Семерки.

— Эврика! — насмешливо улыбнулась Яна. — Ты — великий аналитик.

— Не смейся, — обиделся Руденко, — у меня нет дара предсказывать и предвидеть, — язвительно добавил он.

— Не исключено, что Радзиевский решил воспользоваться ситуацией, — задумалась Яна.

— Шантаж? — вопросительно посмотрел на Яну Руденко.

— Непохоже. Или...

— Что? — заерзал Три Семерки.

— Может, и шантаж. Возможно, Радзиевский был связан с неким

человеком или некими людьми, которые привыкли извлекать из щекотливых ситуаций выгоду. Так сказать, сотрудничали с видеомастером. Разузнавали, чем могут поживиться, и действовали в соответствии с этим.

— И как все это происходило? — заинтересовался Руденко.

— А это нам, Сеня, и предстоит выяснить. И знаешь, о чем я подумала... — Яна подняла на Руденко рассеянный взгляд, — если убили Радзиевского, значит, боялись, как бы он не проболтался, а это значит, что я — на мушке у преступника. Он теперь будет охотиться за мной. И это хорошо!

— Да что ты несешь! — выпучил глаза Руденко.

— Он будет охотиться на меня, и в один прекрасный момент обнаружит себя. Я буду выполнять, если хочешь, роль подсадной утки.

— Но это дьявольски опасно! — воскликнул Руденко.

— Что это ты стал таким сентиментальным? — усмехнулась Яна.

— Ты мне не безразлична, черт возьми, — облизнул сухие от волнения губы Руденко.

— Эк загнул, — продолжала смеяться Яна, — это так на тебя нехватка спиртного действует? Все не как у людей. Что ж, одних алкоголь склоняет к признаниям, других обозляет, а третьих делает несносными.

— Это ты на меня намекаешь?

— Да нет, расслабься. Ну, мне пора, — Яна поднялась.

Джемма тоже встала и двинулась к двери. Яна взяла ее за поводок.

— Увидимся, — бросила она лейтенанту.

— Держи меня в курсе, — Руденко сделал серьезное лицо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На улице было уже совсем темно. Ветер усилился и стало подмораживать. Сюрпризы марта, — с неудовольствием подумала Яна, — утром дождь, вечером — мороз. Она подняла воротник пальто. Ожидая Радзиевского, она основательно промерзла и даже в кабинете Руденко не могла как следует согреться. Отопление было более чем скромным — спасибо местным властям.

Дома Яна первым делом приняла горячую ванну и выпила коньяку. Слава Богу, в баре у нее пряталась ополовиненная бутылка «Дербента». Потом перекусила, выпила кофе с сигаретой и удобно устроилась на диване. Джемма с покорной преданностью растянулась на коврике, возле дивана. Яна приказала Джемме принести из прихожей сумку. Та выполнила поручение и вновь улеглась у Яниных ног. Яна же достала из сумки колоду карт. Она не надеялась, что у нее что-нибудь получится. За сегодняшний день она порядком устала. Но почему бы все-таки ей не поработать с «Джокером»? Что-то он подкинет ей в этот раз? Продолжение душещипательной саги с мальчиками и печальной женщиной? Или что-то менее унылое? Карта «Взгляд в прошлое» несколько разочаровала ее, но она старалась не думать об этом, ведь с картами, как с некими организмами надобно поддерживать теплые отношения. Почему-то Яна чувствовала, что с «Джокером» можно быть более фамильярной, критичной, беспечной, если хотите. «Джокер» был в ее понятии лукавым, благодушно настроенным, умным парнем, любящим водить за нос, но в конечном итоге наталкивающим на разгадку, раскрывающим истину.

Ладонь, лежавшая на карте, стала нагреваться, точно под ней вибрировали теплые токи. Яна смежила веки, ее голова утопала в подушке. Поза ее была довольно расслабленной и свободной. И только внутри нее все напряглось и сконцентрировалось в едином усилии проникнуть за границы окружающей реальности. Темные круги, на которые постепенно стала растекаться тьма, первоначально наполнившая Янины зрачки, подобно волнам принялись переливаться, откатываться, освобождая чистое пространство. И тут в глаза Яны ударила небесная лазурь. Маленькое белое облачко плыло ей навстречу. Его курчавящиеся контуры вскоре приняли вполне отчетливые очертания. Яна видела лицо мужчины, волнистые пряди его волос, его плечи и верхнюю часть торса. Гладкость поверхностей, неправдоподобно белый цвет лица и торса, выпуклые окружности глаз и

абсолютная неподвижность навели Яну на мысль, что перед ней скульптура.

«Если бы у меня не было уверенности, что этот мужик, — иронично подумала она, когда видение исчезло и она открыла глаза, — статуя, фрагмент какой-то композиции, я бы решила, что явившийся образ стал результатом длительного отсутствия общения с представителями противоположного пола, за исключением Руденко, разумеется». Столь витиевато оформленная мысль рассмешила ее. Джемма с истинно человеческим недоумением поглядела на хозяйку.

«Что же это такое? Младенец, женщина, а теперь вот мужчина. Что хочет сказать „Джокер“? Он всегда только намекает, словно дразнит и морочит. Ну, а что нам скажет „Взгляд в будущее“?»

Яна накрыла рукой карту, но вскоре убедилась, что та не работает. «Переутомление», — констатировала она. Чашка кофе, аутотренинг не помогли. Тогда, смирившись, Яна взялась за книгу. Она и не заметила, как задремала. Провалилась в вязкую вату сна без сновидений. Она не имела ни малейшего представления о том, сколько она проспала, когда показавшаяся ей сиреной телефонная трель разбудила ее. Яна зевнула, на секунду задумавшись, где она, кто она? Потом, когда ее индивидуальное «я» совпало с безликим сгустком сознания, которым, по заверению Пруста, мы просыпаемся, Яна протянула руку к надрывающему телефону.

— Да, — очередной звонок смазал это короткое слово, превратив его в пещерное эхо.

— Яна Борисовна? — узнала она тревожный голос Паниной, которая говорила с несвойственной ей живостью.

— Да, — повторила Яна, недоумевая, зачем она понадобилась Оксаниной матери.

«Может, Оксана пришла в сознание?» — на минуту ее посетила робкая надежда.

— Вы мне срочно нужны, прямо сейчас. Я вспомнила интересную деталь. Я вам расскажу нечто... это поможет вам. Я в этом не сомневаюсь, — прерывистым голосом говорила Панина.

— Где вы? — Яна была, мягко говоря, удивлена. — Оксана...

— Нет, она по-прежнему в коме, — перебила ее Панина, становясь все более встревоженной, Яне даже чудился в ее голосе испуг, — мне срочно нужно с вами поговорить. Я бы сама приехала к вам, но, знаете... — она замялась, — мне тяжело нынче выхо...

— Хорошо, — успокоила ее Яна, — я сейчас приеду. Но все-таки, хоть намекните. Вы не можете сказать по телефону?

— Было бы лучше при встрече, — задыхаясь от волнения, скороговоркой произнесла Панина, — я вас жду.

— Минут через тридцать буду, — Яна повесила трубку и стала собираться.

Часы показывали без двадцати двенадцать. Да, у Паниной должна быть веская причина, чтобы лишать ее сна. Не для простого же чаепития сия матрона разбудила ее! Яна лихорадочно одевалась, в то время, как Джемма тревожно поскуливала.

— Ты тоже пойдешь, успокойся, — сказала Яна собаке, — госпожа Панина приглашает нас в гости. Тебе эта идея не нравится? Ночной моцион — что может быть лучше для здорового сна?

Джемма с комичным неистовством завиляла обрубок хвоста, демонстрируя свою огромную собачью радость — она страшно любила такое вот квазичеловеческое общение с хозяйкой. Любила, чтобы та разговаривала с ней, как с подругой. Но едва вспыхнув, эта радость исчезла, смытая волной пронзительной тревоги.

— Ну, кофепитие оставим на потом, — улыбнулась Яна, — пошли.

Она надела на Джемму ошейник, пристегнула поводок и, убавив его по максимуму, вышла из дома. Ветер еще больше усилился. Под его свирепыми накатами в клочья рвалось облачное волокно, протяжно скрипели ветви, с глухим грохотом вздрагивали крыши. Джемма притормозила. Яна дернула за поводок, но та не сошла с места. Яна буквально потащила ее к калитке.

— Ну что ты упираешься, а? — прикрикнула она на собаку.

Яна отворила калитку, соображая, где целесообразнее ловить машину. Стоит ли ей напрямую спуститься с горы к трамвайным линиям, или лучше пойти вдоль дороги, плавно спускающейся под гору? Может, там вывернет какая-нибудь легковушка... Джемма снова уперлась. Теперь она не просто остановилась, а что было мочи повлекла Яну назад к калитке. Та едва не ткнулась в нее лицом, но вовремя уперлась ладонью.

— Да что такое? — сжалось у Яны сердце.

«Откуда это звонила Панина, ведь у нее нет дома телефона? Вышла в полночь, чтобы позвонить мне?..» — эта мысль вдруг с отчаянной силой ударила в мозг, вызывая дурноту. Она была похожа на удар в область солнечного сплетения. Продолжая висеть, она не спешила расплываться, твердея и леденя душу, пока камнем не скатилась на дно желудка. Тяжесть этого каменного плода согнула Яну пополам.

Боль постепенно отпустила, и Яна сумела выпрямиться. Джемма тихо поскуливала, не понимая, что происходит с хозяйкой. Из-за поворота

показался автомобиль с ярко горящими фарами и медленно начал приближаться. «Что-то уж слишком медленно», — подумала Милославская, поднимая руку, чтобы «проголосовать». Наверное, водитель заметил ее, потому что автомобиль принял вправо и еще больше снизил скорость. «Черт бы побрал эту Панину, — мелькнуло в голове Яны, — что-то здесь не так».

Она шагнула к остановившейся машине, в которой кто-то сидел на переднем сиденье рядом с водителем. Дернув за поводок Джемму, которая почему-то упрямо тянула назад, она уже почти взялась за ручку, чтобы открыть дверь, как та сама распахнулась. Сидевший на переднем сиденье пассажир с натянутой на голову черной маской быстрым движением достал откуда-то из-за пазухи пистолет и направил длинный ствол прямо Яне в лицо. «Вот и все!» — успела подумать она, перед тем, как из черного ствола полыхнуло яркое пламя. Звука она не услышала, только слабый щелчок. Какая-то сила отбросила ее в сторону, она упала на землю и провалилась в липкое противное забытие.

* * *

— Яна Борисовна, Яна Борисовна, — донесся до Милославской голос Паниной, перемежаемый всхлипами, — она меня к вам не подпускает. Что делать, что делать?

Что-то сырое и холодное ткнулось в лицо, потом она ощутила на щеке прикосновение теплого собачьего языка. «Жива!» — обрадованно подумала Яна и открыла глаза. Сразу же словно клещами сдавило голову. Милославская закрыла глаза — боль немного унялась. «Что со мной?» — пыталась вспомнить она, но мысль ускользала. По телу пробежала волна озноба. Яна подняла руку и потрогала голову. Слева на затылке она нащупала огромную шишку.

— Яна Борисовна, Яна Борисовна, — снова запричитала Панина, увидев, что Милославская зашевелилась, — уберите собаку, я вам помогу встать.

Постепенно до Яны начало доходить, что она лежит на земле, поэтому ей так холодно. Милославская отдала команду Джемме и попыталась подняться, одной рукой опираясь на нее. В голове шумело, но боль немного поутихла. Панина, тряся телесами, поспешила ей на помощь. Они вместе вернулись в дом, где Панина рассказала, что с ней приключилось.

Вечером в ее квартиру позвонили. Когда она открыла дверь, двое

мужчин в масках ворвались в прихожую и один из них, тот, что был немного повыше другого, сунул ей в лицо страшный пистолет с длинным стволом. Они приказали ей одеться и следовать за ними, а потом привезли сюда. Другой, который сидел за рулем, вынул из кармана мобильный телефон, набрал номер и сунул телефон ей в руки. «Скажи Милославской, чтобы приехала к тебе, срочно. Сделаешь, останешься в живых», — сказал он.

— Мне же выстрелили в голову, — удивленно сказала Милославская. — Почему у меня нет никакой раны? У меня что, голова железная?

Яна снова потрогала шишку, к которой приложила компресс.

— Я все видела, — подтерев платком картофелеобразный нос, сказала Панина, — вас собака дернула в сторону за поводок, вы упали и ударились головой. А этот высокий, который стрелял, сказал: «Готова», вытолкнул меня из машины и они уехали. Я хотела вам помочь, — она снова начала всхлипывать, — а собака не пускает.

— Значит, — Яна погладила Джемму по голове, — своим спасением я обязана тебе. Эти двое, — она повернулась к Паниной, — ничем вам не запомнились?

— Нет, — покачала она головой, сморщив и без того морщинистое лицо.

— Только не нужно плакать, — остановила ее Милославская.

Она сняла трубку и, немного подумав, набрала номер домашнего телефона Руденко.

— Да, — отозвался Три Семерки после восьмого длинного гудка, — какого черта?

— Сеня, это я, — Милославская в двух словах рассказала о ночном покушении.

— Вот сволочи, — буркнул в трубку лейтенант, — сейчас буду. Панину никуда не отпускай.

— Не думаю, что она сейчас способна куда-то добраться самостоятельно.

* * *

Посиделки с Руденко закончились очень поздно. Лейтенант отвез Панину домой и Яна, оставшись одна, попробовала настроиться на беспечный лад и заснуть. Только у нее ничего не вышло — во-первых,

болела голова, а во-вторых, она была слишком возбуждена, чтобы бездумно улечься и уснуть. Она сварила кофе, полистала журнал, выкурила сигарету. Пыталась сосредоточиться на мелких приятных делах, но мысль ее все время возвращалась к инциденту. Она настроилась на то, что убийца — один. А теперь выходило, что их минимум двое. И они охотятся за ней. Как только она сформулировала эту мысль, ее душа наполнилась смесью радости и тревоги. Тревога питала радость, а радость — тревогу. Это новое для нее, так сказать, двуглавое чувство не давало ей покоя. Ей хотелось то смеяться, то выть. Кофе, очевидно, только способствовал росту этой душевной смуты. Яна даже стала задаваться вопросом — не сошла ли она с ума?

Она ощущала странную щекотку на переносице. Это ощущение всегда возникало у нее, когда она находилась в какой-нибудь одновременно смешной и проблемной ситуации. Все началось еще с детства. Она помнила эту щекотку и как та внезапно посещала ее, когда Яна, например, пряталась за диваном, а бабушка долго не могла обнаружить ее. Ее распирало от желания окликнуть бабушку и в то же время она стремилась сохранить свое инкогнито. Борьба чувств вызывала щекотку, и тогда Яна морщила нос и ей казалось, что еще секунда и она рухнет в истерику — расплачется и рассмеется одновременно.

И вот сейчас, когда на ее жизнь покушались, когда она чувствовала веселый азарт, некое лихачество и страх, щекотка снова вернулась. Она старалась смахнуть щекочущую паутину двусмысленности, но сколько бы она не жмурилась и не морщилась, тонкие пушистые нити оплетали ее переносицу, ее взбаламученное сознание.

Наконец, шмыгнув несколько раз носом, Яна отогнала щекотку и, чтобы совсем успокоиться, решила поупражняться с картами. Ее распирало от желания знать, что с ней произойдет в недалеком будущем. Но как только Яна положила ладонь на карту «Взгляд в будущее», ее охватила неумолимая сонливость. Она смежила веки, и тут же попала в какой-то мчащийся поток. Ей казалось, что она несется на колеснице, глаза слепило от яркого сияния солнца где-то впереди, в волосах гудел ветер, в ногах и руках была такая легкость, что Яна с трудом удерживала себя, чтобы не выпрыгнуть, не взлететь... Голова ее свесилась, она не видела больше ничего, кроме мелькающих спиц. Они звенели, срываясь с оси и падая, их тонкий звон наполнил Янины уши переливами металлофона.

И тут вдруг пространство сомкнулось в узкий, изломанный коридор, струящийся бесконечным лабиринтом. Ощущение полета исчезло, увязло в новом чувстве — смутном беспокойстве и непреодолимой тяжести в груди.

Сердце стопудовым маятником качалось где-то в гортани, виски горели, изо рта со свистом вырывался жаркий воздух... Страх подгонял Яну. Она бежала, преодолевая усталость и страх. Ужас гнал ее и она мчалась по темному лабиринту, слепо тычась в какие-то игрушечные, словно нарисованные двери, которые не вели никуда, будучи частью стены, и потешались над Яниным отчаянием. Вдруг коридор раздвоился и Яна повернула направо. Она жадно искала выхода, готова была ударяться головой, скрывать ногтями, бить ногами по ребрам этого сумрачного коридора.

Она добежала до сплошной стены — тупик. Страстный, надрывный крик застыл на губах. «Кто-нибу-у-у-дь!..» — задрожал в утробе вопль отчаяния. Она принялась корябать стену, скрести, грызть выступ сырого кирпича... Она слышала тяжелые шаги, которые стремительно приближались. И тогда, изнемогшая и вконец потерявшая надежду, она ринулась назад, навстречу этим грозным шагам. К ее удивлению она никого не встретила и, вернувшись к развилке, побежала в левый отсек. Она неслась как угорелая, загребая ногами гнилостный воздух старого помещения, выплескиваясь из одного закоулка в другой, боясь, что в конце ее ждет еще один тупик.

И снова шаги, но уже не такие тяжелые... Вкрадчивые, ватные и потому, — знала она, еще более опасные. Грянул выстрел, с противным едким свистом вонзаясь в стену, еще один... Где-то совсем рядом. Быстрый, опаляющий лицо выкрик, молнией пронзает гулкое пространство, как обручем схваченное двумя бесконечными параллельными стенами. Поворот, тычок в обитую железом дверь. Рывок — и она распаивается в тусклую пробоину дня. Яна видит крыши невысоких строений, не оглядываясь, бросается вперед, скользит, катится кубарем, падает на кучу песка. Он влажный, холодный, плотный. Яна вскакивает, и, отбросив какую-то ветхую калитку, выбегает в узкий, как ствол пистолета, проулок. Протискивается меж двумя почти смыкающимися вверху стенами, которые ее выталкивают, как пробку из бутылки, на хлюпающую ленивой капелью, захолустную улицу.

Яна изнемогает от усталости, она поворачивает налево, и, по-прежнему чувствуя угрозу, бежит. Мимо проносится цвета мокрого асфальта «девятка» — она хорошо разглядела марку автомобиля. Странно, словно она раздвоилась и в то время, как одна Яна спасается бегством от неведомого врага и преследователя, другая холодно и спокойно констатирует происходящее. Вот, например, эта машина... Небольшая вмятина возле правой фары, тонированные стекла, заляпанный грязью

номер. Машина на самом деле стоит на месте, это Яна мчится, зная, что спасти ее могут только быстрые ноги. А вот прямо над ней полуразрушенный балкон, того гляди свалится... На каменных перилах посверкивают сизые лохмотья снега. Кривая рама вся в трещинах, краска облупилась... Сплошное запустение.

Яна слышит тяжелый грохот, но оглянуться не решается. Вперед, вперед, главное — темп. Еще быстрее... Покореженный асфальт уходит из-под ног. «Лю-у-у-ди!» Где же та Яна, хладнокровная, молчаливая, неподвижная? Вот ее лицо, маячит над крышами домов... Недосягаемая, как луна. «Лю-у-у-ди!»

И тут вдруг чей-то темный силуэт загораживает окно. Яна почему-то сидит. От испуга она шарахается, падает на спинку сиденья и замирает. Силуэт сгибается и перед ней вырастает круглое и потное лицо... Руденко. «Он-то здесь откуда?» — усмехается она. Страх сменяется безудержным хохотом. Нет, она молчит, просто ее нутро хохочет — безмолвно, судорожно, точно у нее в животе безостановочно пульсирует сгусток смеха. Лицо Руденко расплывается перед ней, становится похожим на мутное озерцо. Только усы с отчаянным рвением скрывают стекло, отделяющее ее от лейтенанта. Яна смеется, Руденко говорит, говорит, говорит... И тут вдруг все рушится в серый болотный туман...

Яна вздрогнула, широко распахнула глаза. Сердце бешено колотилось, сдавленное как клещами грудной клеткой. Это был сон? Джемма подняла на Яну беспокойный взгляд.

«Надо же!» Яна поднялась, подошла к окну, отодвинула шторы. На улице светало. Сколько же она была в забытьи? Пощупала голову. «Может, у меня жар?» Она добралась до кувшина с водой, тяжело переступая по ворсистому ковру. Опустилась в кресло. Джемма простерлась у ее ног.

«Та дверь... — Яна зашевелила бледными губами — на ней была какая-то красная пометка. Я это хорошо помню. Старая, покосившаяся, тяжелая дверь... С красной отметиной...»

Вдруг нестерпимо захотелось есть. Поднявшись, она прошла на кухню и сделала несколько бутербродов. Немного подкрепившись, поняла, что должна еще немного поспать, чтобы восстановить силы и успокоить нервную систему.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Когда Милославская проснулась, стрелки настенных часов показывали начало первого. Бушевавший всю ночь ветер под утро стих, и на чистом голубом небе сияло солнце, похожее на лимон. Яна оделась и вышла во двор, неторопясь дошла до калитки. Джемма как ребенок носилась вокруг дома, ей тоже нравилась хорошая погода.

На дороге показалось маршрутное такси, едущее в центр. Яна крикнула Джемме, чтобы та охраняла дом и, подчиняясь какому-то необъяснимому влечению, вышла на улицу и остановила микроавтобус.

Уже через пятнадцать-двадцать минут она шла по улицам, радуясь весне, солнцу и веселому щебету птиц. Незаметно для себя Яна добрела до парка Липки, чугунные ворота которого почему-то оказались закрыты на огромный амбарный замок. Она обошла несколько раз вокруг памятника Николаю Гавриловичу Чернышевскому, прикрывая ладонью глаза от солнца, посмотрела на псевдоготические шпили Консерватории и, закурив, двинулась к Московской, улице, которой недавно вернули ее историческое название. Дойдя до часовни, возведенной год назад под патронажем самого губернатора — чтобы замаливать грехи? — на Театральной площади, она смотрела как играет солнце на покрытой сусальным золотом, приплюснутой луковице, и вдруг обернулась назад.

Видения, вызванные «Джокером» и до сих пор ею не понятые, обрели реальные черты скульптурной композиции, украшавшей фронтон козырька над входом в здание мэрии.

В центре, с раскрытой на коленях книгой, сидел мальчик-херувимчик, а по обе стороны от него мужчина и женщина с греческими прическами, в хитонах полулежали в свободных позах, глядя куда-то вниз-вперед. Милославская нисколько не сомневалась, что именно эти фигуры являлись ей, вызванные силой карты. Милославская прошла несколько десятков метров и остановилась прямо напротив входа.

«Ну и что? — мысленно спрашивала она себя. — Что из того, что я нашла это „святое семейство“?» Но это была лишь ее первая мысль, которую тут же сменила следующая. «Это знак, символ, — решила Яна, — значение которого я должна выяснить».

Она продолжала стоять против входа, разглядывая каждую фигуру композиции и всю композицию целиком, размышляя, каким образом она связана с убийством в доме Санталова. В том, что это так, у нее не было

никаких сомнений, иначе бы карты не были так настойчивы, раз за разом показывая разрозненные элементы скульптурной группы. Возможно, один из служащих этого государственного учреждения, причастен ко всем этим убийствам: Санталова, Парамоновой, Радзиевского и покушению на нее, Милославскую. Это было единственное объяснение, которое пришло в голову Яны. Во всяком случае, пока.

Глядя на вход в мэрию, Милославская рассеянно достала сигарету и закурила. Прошло минут пятнадцать с того мгновения, как она заметила скульптуру, украшавшую парадный вход в здание. За это время несколько «Волг» и иномарок, преимущественно черного цвета, останавливались у подъезда и забирали или высаживали высокопоставленных пассажиров. Один из них, вернее, одна, потому что это была женщина, почему-то заинтересовала Милославскую. Одета женщина была с претензией, но довольно безвкусно, хотя в ее осанке и взгляде читалось желание и способность повелевать. Видимо, она ждала машину, нервно постукивая носком рыжего кожаного сапога по тротуарной плитке.

В какое-то мгновение их взгляды встретились. Женщина вздрогнула, словно ее ударило током. Она будто узнала Яну, хотя Милославская была уверена, что раньше они никогда раньше не встречались. Яна напрягла память, пытаясь вызвать к жизни хоть какие-то воспоминания, но у нее ничего не получалось.

Женщина отвела взгляд, и в это время к ней подошел, почти подбежал, мужчина в короткой кожаной куртке. Он судорожно, как марионетка, размахивал руками, как бы пытаясь что-то доказать, словно клещами схватил женщину за рукав норковой шубки и начал трясти будто помешанный. Она резко осадил его, сказала что-то сквозь зубы и отдернула руку. Яне показалось, что она даже слегка кивнула головой в ее сторону. Мужчина тоже, стараясь сделать это незаметно, посмотрел на Милославскую и тут же отвернулся. Он перестал суетиться, развернулся и быстро пошел вдоль мэрии по направлению к часовне. Через секунду перед подъездом остановилась белая «Волга», женщина, еще раз бросив на Милославскую короткий нервный взгляд, села на переднее сиденье, и машина плавно тронулась с места.

Еще несколько мгновений Яна стояла на тротуаре, потом перешла дорогу и, открыв тяжелую деревянную дверь, очутилась в маленьком холле прямо перед широкой чугунной лестницей, ведущей наверх. Справа в холле громоздилась кабинка вахтера, слева за полированным столом сидел мужчина лет сорока в милицейской форме и с погонами старшего лейтенанта. Увидев Милославскую, он приосанился, как на параде,

поправил портупею и набрал полную грудь воздуха. Сразу за вахтером Яна увидела еще одно помещение, служившее гардеробной. Подумав, что с просьбой следует, по видимому, обращаться к вахтеру, она инстинктивно шагнула к столу, за которым восседал блюститель порядка.

— Добрый день, — она улыбнулась одной из своих загадочных улыбок и посмотрела милиционеру прямо в его серо-зеленые глаза.

— Слушаю вас, — старший лейтенант сделал движение, как бы собираясь встать из-за стола, но почему-то остался сидеть.

— Я прошу прощения, — Яна сделала вид, что слегка потупилась, — к сожалению, я только что упустила нужного мне человека. Я видела, как она садилась в белую «Волгу», но не успела ее остановить. Вы мне не поможете? Она моего роста, лет пятьдесят с небольшим, в серой норковой шубке и рыжих сапогах на высоком каблуке. Выглядит довольно представительно...

— Я ее знаю, — старлей расплылся в довольной улыбке, но женщину по имени не назвал.

— Ради Бога, — Яна умоляюще посмотрела на милиционера, — помогите мне.

— Квартирный вопрос? — понимающе закивал старший лейтенант.

«Квартирный вопрос? — про себя заметила Яна. — Интересно...»
Вслух же она произнесла: — Да, знаете ли, именно квартирный.

— Вашу знакомую зовут Алена Петровна, — с довольной миной произнес милиционер, — фамилия — Шевчук.

— Спасибо вам огромное, — улыбнулась Милославская, — а как мне ее найти?

— Приходите завтра, — старлей неопределенно пожал плечами.

— А сегодня Алены Петровны уже не будет?

— Этого я не знаю, они мне не докладывают.

— Она работает здесь, в мэрии? — поинтересовалась Милославская.

— Кажется... — старлей замялся.

— Я вас не понимаю, — удивилась Милославская.

— Ну, это можно уточнить, — старлей бодро поднялся из-за стола, подошел к конторке вахтера и что-то у него спросил.

Яна не слышала, о чем они говорили, но видела, что вахтер стал рыться в каких-то бумагах, открывать и закрывать огромные регистрационные журналы, а потом отрицательно покачал головой.

— Странно, — старлей вернулся к столу, — получается, что Алена Петровна не числится в штате. Возможно, она из облминистрации...

— А к кому она приходит в мэрию? — продолжала расспрашивать

Яна, пользуясь замешательством стража порядка.

— В жилищно-коммунальный отдел, — начал перечислять милиционер, — потом — в строительный, кажется, еще куда-то...

— Она здесь бывает регулярно?

— Почти каждый день, — уверенно произнес старлей, — во всяком случае при мне; я ведь посменно дежурю.

— Спасибо, — с задумчивым видом поблагодарила Милославская, — до свидания.

— До свидания, — милиционер почесал в затылке и опустил на свое место.

* * *

Все это было по меньшей мере странно, — Яна вышла из мэрии и пошла в сторону набережной, пытаясь как-то упорядочить мысли. Никогда еще она не попадала в такую непонятную ситуацию. Какое отношение имеет Алена Петровна Шевчук к расследуемому делу? Да и имеет ли вообще? Может быть, ей все это только показалось? Ну какое отношение к убийствам имеет какая-то привидевшаяся ей скульптура над входом в мэрию? А если бы этой скульптурой оказалось так называемое «сердце губернии», выставленное недавно перед зданием областной администрации? Милославская мысленно отогнала эту уродливую грудку меди — слабое подражание неизвестного провинциального скульптора Эрнсту Неизвестному — и продолжала размышлять. Шевчук она никогда раньше не видела, но...

Это «но» не давало ей покоя. Откуда она могла знать ее? Видеть где-то на фотографии? А этот мужчина, что-то требовавший от Алены Петровны перед входом в мэрию, его тоже нужно пристроить в какую-то связку? Может быть, это именно он, а не Шевчук причастен так или иначе к убийствам? Господи, сколько вопросов!

Незаметно для себя Милославская очутилась в местечке, застроенном старыми, еще дореволюционной постройки домами. Здесь переплелись старина и современность, новая прямая дорога могла перейти в узкую и кривую, которая, вообще, кончалась тупиком. До реки оставалось совсем немного, и Яна уже представляла себе, что вот сейчас ей откроется грандиозный вид Волги, возможно, еще скованной льдом, но от этого не менее величественной.

Внезапно Яна почувствовала между лопатками странный холодок.

Ощущение было незнакомым и заставило ее быстро, на ходу, обернуться. Мужчина в коричневой кожаной куртке метнулся за угол. Милославская не успела рассмотреть его лица, но не сомневалась, что это тот самый мужчина. «Черт возьми, — прошептала она, — что ему от меня нужно?» Она продолжала идти, но оглядываться почему-то опасалась. Ей казалось, что если она обернется и снова увидит того человека, то случится что-то непоправимое. Она не была сыщиком в обычном понимании этого слова, ей очень редко приходилось за кем-то следить, отрываться же от слежки просто ни разу не доводилось. Что делают преследуемые в таких ситуациях, она не представляла, а то, что этот тип преследует ее, не оставалось никаких сомнений. По спине опять пополз мерзкий холодок то ли страха, то ли возбуждения. Не пытаясь успокоить себя, Милославская стала действовать, подчиняясь не рассудку, а интуиции.

Впереди, она знала это, был небольшой магазинчик с огромными витринами. Яна остановилась напротив и сделала вид, что рассматривает товары, выложенные за толстым стеклом. Когда открылась входная дверь, она скосила на нее глаза. На тонированном стекле мелькнул отраженный силуэт все того же мужика. «Ну, ладно, гад», — мысленно пригрозила она типу в куртке и снова пошла вдоль улицы.

Дойдя до угла, она свернула на поперечную улицу и тут же прибавила шаг. Вскоре она увидела деревянную калитку, которую не раздумывая толкнула и очутилась в старом безлюдном дворе, через который вела узкая тропинка. Что было сил она рванула по этой тропинке, мимо полуразрушенных домов, гнилых досок, куч щебня и смерзшегося песка. В нос ударил запах дерьма и помоев, исходивший от покосившегося деревянного туалета. «А вдруг здесь тупик?», — похолодело у нее внутри и, не обращая внимания на миазмы распада, она рванула дальше. Дальше куда? Тропинка разветвлялась. «Направо пойдешь...» — тяжким рокотом загудело у нее в голове.

Кинувшись было направо, она резко развернулась и побежала в противоположном направлении. Яна слышала, как хлопнула калитка позади, значит, преследователь где-то близко. Едва протиснувшись между двумя кирпичными стенами, она оказалась в небольшом дворике, зажатом со всех сторон стенами домов. «Неужели нужно было свернуть направо? Нет. Не может быть. Я сделала все так, как предсказывала карта». «Эй, кто-нибудь!» — Милославская на секунду замерла, переводя дыхание и, сделав несколько шагов вперед, заметила, что между одним из домов и кирпичной стеной можно при желании протиснуться.

Она уже собралась сделать это, как из проема появилась седая

всклоченная голова, а за ней и тело пожилого мужика в драной телогрейке, который явно был подшофе. Милославская едва не вскрикнула от испуга, но тут же поняла, что это не тот, от кого она удирает. Мужик тоже заметил ее.

— Привет, — с пьяной ухмылкой произнес он, приглаживая седые вихры. — Чего орешь-то?

— Здравствуйте, — выдохнула Милославская. — Я здесь пройду?

— Ну я-то прошел, — как о само собой разумеющемся деле, ответил алкаш. — Э-эй, постой, — попытался он остановить Милославскую, — дай пару целковых, — но она уже не слышала его.

Протиснувшись через узкую щель, она очутилась на другой, еще меньшей площадке, над которой нависал полуразрушенный балкон. Под балконом Милославская увидела тяжелую покосившуюся дверь, в верхней части которой было пятно красной масляной краски. Толкнув ее, Яна вышла на ту же самую улицу, где заметила за собой слежку. По улице двигался поток автомобилей. Яна подняла руку и с ужасом увидела, как перед ней останавливается «девятка» цвета мокрого асфальта с тонированными стеклами. Возле правой фары на машине была небольшая вмятина от удара. Даже если бы она захотела, Яна все равно не смогла бы сделать больше ни шага. «Будь что будет», — решила она и, открыв дверцу, без сил плюхнулась на переднее сиденье.

Повернув голову, она увидела, что на нее с любопытством смотрит приятный полный мужчина лет пятидесяти.

— Вам куда? — баритоном спросил он.

— Прямо, — с облегчением выдохнула Милославская.

Но тут возле нее выросла чья-то темная фигура. Она не смела повернуться, краем глаза наблюдая за нарастающей тьмой. Яна лишь осознавала, что машина не двигается именно из-за этого таинственного силуэта. «Неужели он?» — на грани нервного срыва подумала она и повернулась вправо.

— Откройте, — водитель с недоумением глядел на Яну, показывая на окно. — Кажется, это вас.

Яна опустила стекло.

— Ну ты, мать, и бегаешь! — Руденко утирал пот со лба, сдвинув форменную фуражку на затылок.

Яна засмеялась, громко, в полный голос, с какой-то дурашливой заразительностью и восторгом. Она, глубина и сила облегчения, которое Яна почувствовала увидев и «узнав» Руденко, были так велики, что пух, образующий обычно подкладку этого чувства, не выдержал нервного

давления и взорвался, вытряхиваясь из Яны клубами безудержного смеха.

— Ты часом не тронулась? — насторожился Руденко, — выходи, я тебя подвезу.

Яна поблагодарила водителя, ошарашенного ее бурной реакцией на появления обыкновенного милиционера, и, аккуратно хлопнув дверцей, покинула салон автомобиля. Смущенный дядечка со смесью неловкости и симпатии махнул ей рукой и дал газу.

— Как ты здесь оказался? — Яна улыбалась Руденко, словно тот был тихим психопатом или потерявшимся ребенком.

— Сюрприз, да? — усмехнулся он.

— Да не то чтобы... — Яна хитро взглянула на озадаченного ее поведением в машине и последней репликой лейтенанта. — Я ведь тебя «видела»...

— То есть? — заторможенно спросил Три Семерки.

— Ну, «видела» всю эту сцену, — засмеялась Яна.

— Ты что-то не в себе, — удрученно качнул головой лейтенант, который в жизни и в общении выступал за простоту и откровенность, когда же не обнаруживал сходных оценок и тенденций в собеседнике, считал, что его морочат, впадая от этого временами в депрессию, временами — в бешенство.

— Я же экстрасенс, Сеня, ты что, забыл? Я всю эту сцену «видела» еще вчера... и тебя... — после некоторой паузы добавила она.

— И молодчика того «видела»? — Руденко решил перевести разговор в деловое русло.

— Какого?

— Который пас тебя от мэрии, — Руденко начал раздражаться. — Ну ладно, пошли, — тронул он ее за рукав.

Они молча прошли полтора небольших квартала, где возле «шестерки» Руденко стояли двое молодых парней в штатском.

— Ну что, — Три Семерки грозно взглянул на них, — упустили?

— Семеньч, — смущенно начал один из парней, — как сквозь землю провалился, блин горелый.

— Почувствовал за собой хвост, собака, — добавил второй.

— Вот, — Руденко в сердцах махнул рукой и посмотрел на Яну, — с кем приходится работать!

— Они что, следили за мной? — с вызовом спросила Милославская. — И ты мне ничего не сказал?

— Ты ведь все равно бы не согласилась, — виновато улыбнулся лейтенант, — а так мне спокойнее было. Ты лучше бы поинтересовалась, —

повысил он голос, — какого труда мне это стоило.

— Семен Семеныч, — твердо произнесла Яна, переходя на официальный тон, — я прошу тебя больше не устанавливать за мной слежку. Во всяком случае, без моего ведома, — добавила она более мягким голосом.

— Ладно, разберемся, — Руденко шепнул что-то ребятам и сел за руль. — Так тебя подвезти?

Яна кивнула, но продолжала стоять на тротуаре, если так можно было назвать ту смесь грязного льда, щебенки, песка, колдобин и жалких остатков асфальтового покрытия, которая есть перманентный феномен нашего городского ландшафта.

— Ну так, поехали, — отпустил он своих людей, махнув рукой и нетерпеливо уставился на Яну.

Устроившись в «шестерке» рядом с Руденко, Яна погрузилась в свои мысли.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Опять медитируешь? — Руденко сделал ловкий маневр с разворотом и выехал на автостраду.

— Надо же! — качнула головой Яна. — Ты меня перещеголял!

— Ты ж сама о себе позаботиться не можешь, — с веселой укоризной сказал Руденко. — Я же тебе говорил, будь поосторожнее. Да разве ты меня, старика, слушаешь!

— Ну так ты видел? — с апломбом произнесла Яна. — Если бы ты не подоспел, я бы уже давно была в центре. Эту машину, ту, на которой я чуть было не уехала, я тоже «видела».

— Хочешь сказать, что тебя спасло твое видение? — недовольно хмыкнул лейтенант.

— Представь себе! — победоносно улыбнулась Яна. — Если бы ты не приехал, ничего бы со мной не случилось. И этот случай показал, что я способна, как ты выражаешься, о себе позаботиться!

— А если бы не сработало? — в глазах лейтенанта застыло упрямое недоверие. — Если бы этот гад замочил тебя?

— Ты говоришь о «видении», как о каком-то механизме, — поддела лейтенанта Яна. — Я ж тебе сказала, что в высших сферах проколов не бывает. Мне, кстати, удалось кое-что выведать... — она обратила на Руденко таинственный взор.

— Я весь внимание, — скривил он рот в ехидной усмешечке, не собираясь уступить.

— Этот мужик знаком с некой Шевчук Аленой Петровной...

— И что? — туповато поглядел на Яну Руденко.

— Ты можешь дослушать? — ответила ему укоризненным взглядом Яна.

— Валяй, — вздохнул лейтенант, притормаживая на светофоре.

Он нервно барабанил пальцами по рулю. Ему, конечно, было любопытно послушать Яну, но в то же время он испытывал неудовольствие, не сознавая себе в том, что оно вызвано обычной завистью. Этой визионерше опять удалось узнать что-то такое, что ускользнуло от него. А тут еще неудача со слезкой!

— Эта Алена Петровна не числится среди работников мэрии, хотя я думала иначе, — озадаченно сказала Яна.

На губах Руденко появилась насмешливая улыбка.

— И как же ты думала? — снисходительным тоном спросил он.

— Странно, — пожалала плечами Яна, — мне сказали, что она работает в жилищно-коммунальном отделе. А потом выяснилось, что она не входит в штат сотрудников.

— Да мало ли к кому она приходила, — Руденко тронул «жигуль» и вдруг резко затормозил — зазевавшаяся старуха метнулась под колеса. — Черт бы побрал этих бабок! — заорал он. — Все куда-то бегут! А потом жалуются, что их давят.

Яна прыснула со смеху, а Три Семерки сопровождал с комичной быстротой перебирающую ногами нарушительницу порядка убийственным взглядом.

— А прыги-то сколько! Нас переживет это хреново поколение! — со смесью восхищения и раздраженного презрения воскликнул он.

— Ты мне не можешь помочь? — спросила Яна.

— Что еще? — нахмурил лоб Руденко.

— Мне нужна информация об этой женщине.

— Как ты сказала, Шевчук?..

— ...Алена Петровна, лет пятидесяти на вид. Узнай там по своим каналам — я в долгу не останусь, — с притворным надломом, придающим упрасивающему тону дополнительный уничижительно-слезливый аккорд, произнесла Яна.

— Мастерца ты комедии ломать, — неодобрительно покачал головой Руденко.

Его наполовину спрятанный под усами рот растянула невольная усмешка.

— Ладно, — согласился он, — сделаю что смогу. — Тем более, что ты точно в долгу не останешься. Было бы стыдно тебе в долгу оставаться, — намекаяще ухмыльнулся он, — у тебя зарплата — не то что моя.

Он разразился душещипательным рассказом о собственной горькой жизни, упражняясь в словесной эквилибристике, стараясь пробудить в Яне жалость и сострадание. Вот только говорил он не жалобным тоном несчастного, задавленного жизнью создания, а уныло-назидательным, недовольным и мстительно-насмешливым тоном человека, который трубит о тяготах жизни, о промахах и обидах лишь для того, чтобы, неожиданно сбросив личину юродивого самоуничужения и озлобленности, вдруг гордо, не отказывая себе в шуточках и веселом балагурстве, заявить, что несмотря ни на что, такого как он больше не сыщешь, что по-своему он счастлив, что ему есть в чем позавидовать, что он заранее лучше всех, добрее всех, отзывчивее, чище, лучше, прекраснее. И что терпит он неудачу за неудачей

лишь потому, что его наивная доброта, его миролюбивое смирение, приходящее часто в противоречие с алканием правды и справедливости, его мучительно прекрасное бескорыстие наталкиваются на вражду, кривду, мерзкие амбиции, агрессию, хитрость, подлость, извращенность других людей.

— Ты пытаешься оправдаться за то, что не смог поймать того парня? — проницательно спросила Милославская, чем вызвала бурю неудовольствия.

Руденко не любил быть разгаданным, но с другой стороны ему нравилось разговаривать с умным человеком, быть понятым до глубины, хотя это понимание почти всегда вызывало в нем неловкость и досаду, словно интуиция собеседника раздевала его донага. Вообще, лейтенант был ходячим клубком противоречий, смутно сознавая, что эта запутанная душевная жизнь как раз и составляет его достоинство, как уникальной, самоценной личности.

— Это не твоя вина, — продолжала Яна. — Он от нас не уйдет, — закончила она на мажорной ноте.

— Знаю, — нетерпеливо сказал Руденко, — только вот время...

Последовал горький вздох.

— А ты вообще-то как у мэрии оказалась?

— Черт за ногу дернул! — засмеялась Яна. — Видение, Сеня, видение...

— Хорошая отговорка! — усмехнулся Три Семерки.

— Это не отговорка, — Яна закурила, — это озарение. Мне явилась скульптурная композиция, вернее, некоторые из ее фрагментов. А потом я увидела эту лепнину над мэрией, гляжу что-то знакомое, сложила два и два, сопоставила недостающие части изображения с имевшимися в памяти и — о, чудо! — поняла, что разгадка недалеко.

— Завидую я тебе, — судорожно рассмеялся Руденко, — смотришь эти самые видения, будто киношку, а денежки идут.

— Что же ты тогда так за меня волнуешься, если, по-твоему, все так тихо-гладко? — с вызовом посмотрела на лейтенанта Яна.

— Ты бы мне о своих видениях докладывала, а сама дома бы сидела, — придумал Руденко.

— А ты бы на нехватку времени ссылался и вообще отмахивался от них, как черт от ладана, так? — с упреком сказала Яна.

— Ну уж не такой я невежа, каким ты меня представляешь! — набычился Три Семерки.

— Ты не невежа, ты — жалкий продукт атеистического и грубо

материалистического воспитания эпохи строительства коммунизма, — ввинтила Яна.

— Эк загнула! — воскликнул Руденко, — ладно, оставим прения. У меня ведь для тебя сообщение есть.

— Что ж ты с него не начал?

— Начать-то можно так себе, а вот кончить... — пошловато пошутил Три Семерки.

— Слушаю, Сеня, — холодно одернула его Яна.

— Этого Икара доморощенного, ну, вылетевшего из окна в больнице, родственники опознали. Я у него дома с ребятами побывал. Нашли конвертик такой один маленький, интересненький, а там зелень все, зелень...

— Не тяни!

— Доллары, — с видимым удовольствием медленно проговорил Руденко, — взяли на экспертизу.

— Плата за работу, которую тот не сделал, — резюмировала Яна.

— Ага, — Руденко стал похож на сытого, мурлыкающего кота, — кто-то, видать, его нанял.

— Тот, кто убил Санталова, очевидно, — предположила Милославская. — Но тогда напрашивается вопрос: почему не сам?

— Вот именно, — горячо поддержал Яну в ее сомнениях Три Семерки. — Я его матери фото жены Санталова и Парамоновой показывал. Нет, говорит, по крайней мере, дома ее сын не встречался с этими бабами. Навел справки об этом горе-рецидивисте, Могутине Александре... чудная фамилия... Могутин... не смог, Могутин, — принялся ощупывать слова и свивать их в ленту каламбура Руденко, — нигде не работает, хрен знает чем занимается. Не жнет, не пашет. Вот, наверное, и решил подзаработать.

— На конвертик-то дашь посмотреть? — с провокационно-насмешливым видом спросила Яна, зная, каким будет ответ.

— Пока не могу — над ним люди работают. Что ж, Яна Борисовна, по моему, вырисовывается вполне отчетливая картина, — напыжился Руденко.

— Не вижу, Семен Семеныч, — в шутливой манере возразила Милославская, — ничего, кроме того, что преступник — не один. Панину-то двое пленяли.

— Синдикат какой-то, — натянуто рассмеялся Руденко.

— Думаю, с покушениями на меня не покончено, — Яна приспустила стекло и выбросила окурок наружу, — и это хорошо. Печально и хорошо... Только не надо за мной следить! Ты можешь все испортить!

Руденко остановил машину возле ее дома, с грустным упреком

посмотрел на Яну и не дал никаких обещаний.

* * *

На следующий день Яна запланировала поход в мэрию. Она чувствовала, что недалеко от разгадки, нужно только найти кое-какие недостающие детали, чтобы открылась полная картина преступления. И ей казалось, что эти детали она должна раскопать именно там. С утра хорошо думалось, и пока Милославская добиралась до центра, где находилась мэрия, она пыталась соединить разрозненные кусочки фактов и догадок в цельное полотно. Но несмотря на то, что Яна прекрасно выспалась и прекрасно себя чувствовала, во всяком случае, физически, что-то не складывалось, и она, отбросив мысли об убийствах и покушениях, просто наслаждалась хорошей погодой.

Около десяти часов она уже входила в здание, над парадной дверью которого парило странное трио, давшее ей определенное направление в расследовании. Дежурный сменился. Яна выложила паспорт, сказав, что пришла в жилищно-коммунальный отдел. Ее фамилию внесли в регистрационный журнал и разрешили пройти.

Яна поднялась на второй этаж по широкой, застеленной ковровой дорожкой лестнице и, спросив у вышедшего из ближайшего кабинета чиновника, где располагается жилищно-коммунальный отдел, пошла по коридору. Здесь царил сосредоточенная тишина, отличающая внутреннее пространство правительственных зданий. Двери кабинетов были плотно закрыты, стены радовали взгляд своей новой отделкой, все было чинно, достойно, солидно и... скучно.

Найдя дверь с нужной табличкой, Яна деликатно постучалась.

— Да-да, — услышала она приглушенный женский голос, — войдите.

Яна на всякий случай достала из колоды карту «Внушение» и переложила ее в другой карман. Потом толкнула дверь и очутилась в огромной, заставленной столами комнате, совершенно безликой, но светлой и свежееотремонтированной. За столами, перед компьютерами сидели четыре женщины разных возрастов. Несмотря на то, что у троих из них были посетители, все они обратили взоры к Яне. В их глазах повис один и тот же вопрос: кто она и что ей нужно?

Вообще-то Яна не любила, как раньше их называли, присутственные места, эту чопорную чинность серых, похожих друг на друга чиновников, но при желании умела абстрагироваться и чувствовать себя вполне

комфортно в любых ситуациях. Поэтому, нацепив на лицо маску наивного добродушия, она шагнула вперед и остановилась возле женщины, у стола которой стоял свободный стул. Это была пухленькая блондинка Яниного возраста с короткой стрижкой, открывавшей уши с золотыми серьгами.

— Здравствуйте, — мило улыбнулась Яна и представилась.

— Ирина Вячеславовна, — произнесла в ответ женщина, явно не привыкшая, что просители так начинают разговор. — Вы по какому вопросу?

— Могу я присесть? — не дожидаясь ответа, Яна опустилась на стул, скользя рассеянным взглядом по поверхности стола, заваленного какими-то важными бумагами.

— Я вас слушаю, — официально сказала Ирина Вячеславовна, вертя наманикюренными пальцами авторучку.

— Дело в том, — подыгрывая ей, начала Яна, что я ищу Алену Петровну. Возможно, я ошибаюсь, но мне сказали, что она здесь работает.

— Как вам сказать... — замялась Ирина Вячеславовна и ее плотные щеки порозовели от напряжения. — А вы, собственно, кто? — Она немного опомнилась и перешла в атаку.

Яна сжимала в кармане карту «Внушение». Как только она увидела эту пышную блондинку, причем не занятую с посетителем, она поняла, как ей повезло — женщина была подвержена внушению. Яна отчетливо видела ее ауру, мягкие контуры и сужение овальной линии возле головы говорили о том, что блондинка устала, что она вообще довольно инертная особа, хотя и склонна порой к агрессии. А эта последняя, думала Яна, как раз и имеет своим источником разочарование и душевный дискомфорт.

— О, простите, — Яна с важным, прямо-таки величественным видом вынула из кармана и положила перед женщиной свою визитку, — я — экстрасенс.

— Да что вы говорите?! — скованность Ирины Вячеславовны сменилась восхищенным блеском, озарившим ее тусклые серые глаза. — И вы можете лечить...

— Могу, — не дав ей договорить, ответили Яна.

— И заговаривать?

— И заговаривать, — Милославская кивнула.

— А будущее... предсказывать?..

— А также видеть прошлое, — с серьезным видом произнесла Яна, — пожалуйста, обращайтесь в любое время. Только вы уж тоже мне помогите.

— Но чем же я... Ах, Алена Петровна, — вспомнила Ирина Вячеславовна.

— Я что-то не вижу ее здесь, — Милославская обвела взглядом комнату.

— Вы знаете, Яна Борисовна...

— Можно просто — Яна, — улыбнулась Милославская, — и на «ты», мы ведь почти ровесницы.

— Конечно, — расплылась от удовольствия блондинка.

— Так вот, Ирина, — негромко произнесла Милославская, придав голосу особую доверительность, — мне бы хотелось как можно больше узнать об Алене Петровне. Кто она? Часто ли бывает в мэрии. К кому приходит?

— Как, то есть, к кому приходит? — удивилась блондинка. — Так это же Галкина подруга.

Она поднялась, подошла к столу напротив и принялась о чем-то шептаться со своей соседкой. Через пару минут она перешла к следующему столу, потом к третьему и вернулась к Яне слегка озадаченной.

— Странно, — только и смогла произнести она, усаживаясь за стол.

— Может, покурим? — предложила Милославская, видя, что блондинка в растерянности.

— Пошли, — согласилась та, и они вместе вышли из кабинета.

Они поднялись на третий этаж, прошли в конец длинного коридора и очутились в туалетной комнате, своими размерами и отделкой напоминавшей скорее маленький дворец. Стены на всю высоту были отделаны мрамором бежевых оттенков, светло-коричневые умывальники бил в глаза золотистым сиянием кранов, отражаясь в огромных, в человеческий рост тонированных зеркалах. Ирина шагнула вперед и устроилась у окна на роскошном кожаном диване, над которым нависали острые бледно-зеленые листья неизменной пальмы. Яна опустилась рядом и открыла пачку «Винстона».

— Так что же там с Аленой Петровной? — спросила Яна, когда они закурили.

— Ты знаешь, странное дело, — Ирина пожала плечами, — я всегда думала, что она Галкина подруга.

— И что?

— Как, то есть, что? — Ирина выпустила в потолок струю дыма, — Галка думала, что она подруга Марины Игоревны, а та в свою очередь, что Алёну Петровну привела я. Представляешь, только сейчас, благодаря тебе, все это выяснилось. Господи, — полная изумления, воскликнула Ирина, — а я-то к ней относилась как к Галкиной подруге.

— И она этим пользовалась?

— Еще бы! — от возмущения Ирина слишком глубоко вздохнула и закашлялась.

— Ну я ей устрою, — пригрозила она со злостью, — столько бумаг ей помогла оформить. Старалась, как для себя. Мать твою... — не на шутку разошлась она. — А сколько я ей подписей собирала. Да на этом можно было не на одну машину заработать... Ой, извини, — вдруг спохватилась Ирина, вспомнив, что изливает душу почти незнакомому человеку.

— И как часто Алена Петровна бывает здесь? — пользуясь ее откровенностью, поинтересовалась Яна.

— Да почти каждый день, сволочь, — Ирина швырнула окурок в золоченую напольную пепельницу. — Приходит, понимаешь, как к себе домой, раздевается в нашем шкафу и шляется по коридорам. Ей даже звонят сюда, а мы бегаем и ищем ее. Слушай, — в праведном гневе она вдруг схватила Яну за предплечье, — давай на нее порчу нашьлем, а? Я на это денег не пожалею, мы все с девчонками скинемся.

— Нашлем, — пообещала ей Яна, — только немного попозже. Сначала мне нужно побольше узнать о ней.

— Да чего тут узнавать, сволочь она, вот и все.

— И давно она тут у вас ошивается?

— Ну, — призадумалась Ирина, — точно я не помню. Года три, наверное, если не больше.

— Неплохо, — Яна тоже выбросила догоревшую почти до фильтра сигарету, — а для чего же ей все это нужно? Ведь зарплату она у вас не получает.

— Слушай, — как на ребенка посмотрела на нее Ирина, — экстрасенсы что, все такие наивные? Да кто же тут на зарплату живет?! Здесь одна подпись может стоить о-го-го сколько! Зарплата, — пренебрежительно хмыкнула она.

— И зачем же Алене Петровне все эти подписи? — Милославская пыталась не выпускать Ирину из нужного русла, по которому текла, а вернее, бурным потоком бежала их беседа, — куда она относила подписанные вами бумаги?

— погоди, дай вспомнить, — Ирина наморщила под модной челкой лоб.

— Ты пока вспоминай, а я еще покурю.

— Дай-ка и мне тоже, — блондинка выхватила из пачки сигарету. — Ха, — хлопнула она себя ладонью по лбу, — тут и вспоминать нечего. У нее же сынуля замом в какой-то фирме работает, он и сам здесь частенько появляется. Вот через эту-то фирму мэрия квартиры распределяет для

очередников. Господи, — схватилась за голову Ирина, — я представляю, сколько они на этом поимели.

— И что же, Алена Петровна с вами не делилась?

— Как же, делилась... Галка ее с референтом Петра Ивановича познакомила, а дальше они уже напрямую работали. Ну, бывало принесет пару бутылок шампанского, коньяка или коробку конфет, но ты же понимаешь, что это — семечки по сравнению с мировой революцией. Самое главное, что теперь ничего не сделаешь, — обреченно произнесла она, поняв, что выше головы не прыгнет.

— погоди ты ныть, — обнадежила ее Милославская, — еще не вечер, что-нибудь придумаем.

— Точно, — Ирина вспомнила с кем имеет дело, — нужно ее сглазить или порчу наслать.

— Ага, — машинально кивнула Яна, — а ты случайно не помнишь, как эта фирма называется, где работает сын Алены Петровны?

— Как же не помню? ООО «Уют» она называется, — с сарказмом произнесла Ирина, — уютненько так все обтяпала эта корова безрогая, чтоб ей на центнер поправиться. Ну я ей устрою, пусть только появится у нас в кабинете...

— А вот этого я тебе делать не советую, и подружкам своим скажи, чтобы вида ей не показывали, что знают о ее махинациях, — предупредила Яна. — Ведите себя как обычно, а я позабочусь обо всем остальном, — таинственно произнесла она, чем привела Ирину в неопиcуемый восторг.

— Ну ты молодец, — восхищенно воскликнула та, — настоящий экстрасенс! Мы уж в долгу не останемся — знаем, как людей благодарить нужно.

— Благодарить еще рано, — немного осадила ее Яна, — но будьте уверены, что я этим делом занимаюсь.

— погоди, — Ирина вдруг подозрительно на нее посмотрела, — а почему ты о ней начала расспрашивать? Она, наверное, тебе квартиру пообещала, да?

— Успокойся, — Яна положила руку ей на плечо и посмотрела в глаза, придав голосу особую доверительность, — все гораздо проще и в то же время — сложнее. Милиция сейчас привлекает нас, экстрасенсов, чтобы помогли им раскрывать особо запутанные преступления. Ты ведь, наверно, слышала, что директор этой самой фирмы «Уют» погиб при загадочных обстоятельствах. Так вот, я думаю, что каким-то образом к этому делу причастна и Алена Петровна, — от такой смелой мысли Яна и сама немного опешила. — Каким образом, нам еще предстоит выяснить, —

продолжила она, понизив голос, — только ты не должна пока об этом никому говорить. Ни слова.

— Я что, не понимаю, — обиженно прошептала Ирина, — могила.

— Ну и хорошо, — улыбнулась Яна.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Она не сомневалась, что весть эта уже через несколько минут после ее ухода разнесется по всему жилищно-коммунальному отделу, а может, и дальше, что ей и было нужно. Она так же была уверена, что и Алена Петровна тоже об этом узнает и тогда, если рыльце у нее в пушку, она начнет предпринимать какие-то действия и ошибаться.

Яна могла себя поздравить — она вышла на след убийцы. Конечно, еще предстоит разоблачить Смурьгина и Алену Петровну, это преступную семейку. С ними как-то связан еще один человек, тот парень, что охотился за ней.

Смурьгин... На вид такой представительный, солидный... Неужели он тоже участвовал в ночной эскапде, в ходе которой Панина оказалась вынужденной выманить ее, Яну, по телефону? Вот ведь как обманчива внешность! Яна мечтательно улыбнулась. Она направлялась в «Уют». Яна еще не знала, что скажет Смурьгину, как припрет его к стенке. В некоторых случаях она всем запланированным разговорам и действиям предпочитала спонтанное решение проблемы.

Если даже она ничего не добьется от Смурьгина, она, возможно, спровоцирует его на более решительные действия и тогда... Да, узнав от нее, что она в курсе его мерзких делишек, в курсе, что он — сынок аферистки, ошивающейся в мэрии, Смурьгин запаникует и вытворит чего-нибудь такое, что позволит ей разоблачить его, поймать с поличным. Она не стала размышлять, стоит ли ей тут же сообщить обо всем Руденко. Ведь он может все испортить, руководствуясь исключительно гуманными соображениями и искренне переживая за Янину безопасность. Он так печется о ней!

Из мечтательной улыбка превратилась в лукавую.

Хотя... насчет гуманности... Не так он прост, этот страж порядка, каким кажется на первый взгляд. Беспокойство за Яну не отменяет его желания быть в гуще событий, то есть пользоваться, откровенно говоря, плодами трудов ее. Под маркой волнения и заботы он обязательно вмешается, и, сам того не осознавая, в один прекрасный момент примет эту подмену за истинный расклад, почувствует себя добрым самаритянином, в то время, как его поступки будут продиктованы любопытством и выгодой.

Итак, Смурьгин... Его не было на вечеринке, но там был его сообщник. Вернее, сообщница. Оксана. Она открыла дверь, а там уж... Нет,

Смурыгин — организатор. А исполнители? Могутин и тот парень, который преследовал ее от мэрии?

Прав был Руденко, здесь налицо действия преступного синдиката. Смурыгин — зам Санталова, после смерти последнего он ничего не приобретает. Ничего, кроме поста, если его пожелают перевести на директорское место. Все имущество Санталова отходит его жене, Оксане. Значит, она все-таки причастна. Может, Смурыгин — ее любовник?

Такая вот банальная история: любовник убивает мужа своей любовницы, они делят добро убитого, женятся и живут себе поживают. Здесь все-таки непонятно; если ее ранили по ошибке — расклад один, а если решили убить вместе с мужем, — что более вероятно, так как ее пытались лишить жизни еще и в больнице — все выглядит совершенно по-другому. А Шевчук? Может, это она сподвигла сынка на такое опасное, но прибыльное мероприятие? Какая-то доля Санталовской собственности достанется ей. Да, вот так помогала сыну по работе, то есть, помогала надувать клиентов, отбирать у них жильё... Санталов тоже пользовался, по-видимому, услугами Алены Петровны, а потом мама с сыном решили от него избавиться. Сыну одному было не по плечу справиться, и мама предложила задействовать дополнительные кадры.

Яна и не заметила, как свернула в знакомый по прошлому разу переулок. Пройдя полквартила, она вдруг затормозила и быстренько вошла во двор, не доходя до офиса Санталова. Она заметила высокую, плотную фигуру Смурыгина. Яна проскользнула в тихий дворик и спряталась за выступ стены одного из домов.

Как только тень Смурыгина миновала проход, она побежала обратно. Высунула сначала голову, определяя расстояние, на которое было бы целесообразно отпустить Смурыгина, а потом неторопливо зашагала за ним. Смурыгин, очевидно, спешил. Поэтому Яна была вынуждена сменить вальяжную поступь на бодрую. Виктор Сергеевич пререшел дорогу и еще прибавил скорость. Яна уже почти бежала. Некоторые из прохожих провожал ее удивленно-заинтересованным взглядом. Но вскоре Яне пришлось приостановиться — Смурыгин дошел до угла улиц Советской и Горького и застыл на месте. Нервно закурил, вертя головой, как-будто кого то ждал.

Так оно и есть. Минут через пять, в течение которых Смурыгин курил, нетерпеливо постукивая пяткой левого ботинка об асфальт, изборожденный мутными потеками тающего снега, а Яна «самозабвенно» разглядывала витрину свеженького бутика, у светофора затормозила вишневая «девятка», Смурыгин бросил окурочок на тротуар и мигом сел в машину. Яна ринулась к

дороге, подняла руку... Вдруг ей не удастся поймать машину! — занервничала она, но небеса сжалились над ней, тем более что на светофоре все еще горел красный.

Машины подъезжая в конец очереди, выстроившейся у перекрестка, останавливались одна за другой. Водитель бежевой «шестерки» махнул Яне, мол, давай сюда. Она открыла дверцу, скользнула в салон. Мужчина лет сорока, с добродушным улыбочивым лицом осведомился, куда ехать. Яна показала рукой вперед.

— Там, у светофора стоит вишневая «девятка». За ней, если можно. О деньгах не беспокойтесь.

— Боевик, что ли? — встрепенулся мужчина.

— Нет, у меня есть подозрение, что мой муж изменяет мне... — со скрытой злобой сказала Яна. — Я его проучу!

— Да-а! — сочувственно протянул мужик. — Нехорошо это.

Тут поток автомобилей тронулся. «Девятка» повернула направо и Яна смогла показать водителю «шестерки», за какой машиной нужно следовать.

— А может, плюнешь на него? — фамильярным тоном обратился к ней водитель, — ты еще молодая, красивая. Ему же будет хуже, если ты его кинешь. У меня тут калым намечается...

— О-очень мило, — капризно процедила Яна, — значит, я тебе плачу за работу, а потом ты на свой гонорар меня в кафе угощаешь, так что ли?

Мужик смутился, но, через минуту справившись с замешательством, решил не сдаваться. Для начала он усмехнулся, мол, неужели она думает, что он зарабатывает подвозом барышень, преследующих неверных мужей. Потом перешел к рассказу о своей жизни, о том, что он в принципе, ни в чем не нуждается. Сделав попутно Яне несколько комплиментов, он широко улыбнулся, повернув к ней свое открытое обветренное лицо и закончил смелым предложением провести вместе вечер.

Яна заметила, что «девятка» сбрасывает скорость. Машина остановилась у кафе «Садко». У Яны не оказалось времени даже на то, чтобы вернуть пару ироничных замечаний по поводу сделанного ей предложения. Она сунула водителю пятьдесят рублей и попросила немедленно остановиться. Тот затормозил и когда Яна снимала ремень безопасности и дергала за ручку дверцы, повторил, что хотел бы скоротать вечерок в ее обществе. Яна была мысленно уже по ту сторону от салона. Она обронила банальное «спасибо» и вышла.

«Шестерка» продолжала стоять на месте, и Яну это очень нервировало. Ей пришлось сделать вид, что она интересуется

прейскурантом туристической фирмы, располагавшейся здесь же, чтобы дать понять этому самонадеянному кретину, что она далека от какого-бы то ни было флирта. Наконец, бежевый «жигуль» отъехал. «Девятка» же продолжала стоять на обочине. Из нее никто не выходил. Яна краем глаза наблюдала за ней.

Она видела, что за рулем сидит мужчина, но разглядеть его не могла. Ее взгляд медленно циркулировал по прейскуранту, на котором толпились цифры и красивые названия, вроде Касабланки и Рио-да-Женейро. Она явно переусердствовала в этом своем изучении туристических маршрутов и цен на них, потому что проглядела, как двое вышли из «девятки» и быстро направились в кафе. Она лишь заметила темные на фоне бледно-серого пролета улицы силуэта, моментально исчезнувшие за дверью заведения.

«Черт!» — выругалась она, вне себя от досады. Теперь у нее не было выбора. Она войдет в кафе, — решила она, опьяненная собственной смелостью и сознанием того, что близка к разгадке. «Ни о чем не думать, просто войти, а там...»

Яна пошла быстрым шагом к кафе. Она ни разу не была в нем, не знала, как расположены столики, какой там зал и прочее. «В любом случае я решила высказать ему все, что я о нем думаю», — крутилось у нее в мозгу. Несколько метров, отделяющие ее от входа, показались ей нескончаемым лабиринтом. У самой двери она остановилась, решив дать время Смурьгину и его приятелю сделать заказ. Она подумала, что если войдет следом, то, возможно, Смурьгин, не желая беседовать с ней, тут же покинет кафе. Она хотела захватить его врасплох, а потому посчитала необходимым предоставить Виктору Сергеевичу возможность расслабиться, ибо поглощение пищи так или иначе настраивает на приятный лад.

Она покрутилась у витрин близлежащих магазинов, посмотрела на часы и вошла в кафе. Помещение было небольшим, даже тесным, но довольно милым. Оно воспроизводило интерьер кабачка. Приглушенный свет, пробивавшийся в прорези жалюзи, деревянные столы, картины с эпизодами охоты и раздела трофеев, обитая железом декоративная бочка с краном, поставленная на небольшой, слепленный из зеленовато-бурых камней постамент, официантки, одетые в платья на шнуровке и расшитые передники.

Смурьгин с приятелем сидели в уголке, у самой стойки, за которой моложавая брюнетка лет сорока наполняла кеговым пивом высокие кружки с золотыми вензелями. Два парня с жадным вниманием следили за неспешно льющейся и тихо пузырящейся жидкостью. Подошедшая к ним

официантка с вежливой улыбкой попросила их пройти к столу, миссию разноса пива она брала на себя. Приятель Смурьгина сидел к Яне спиной. Виктор Сергеевич поглощал огуречный салат, глядя исключительно в тарелку. Его безучастность тут же пробудила в Яне желание тихонечко присесть за соседним столиком и окунуться в молчаливое созерцание. Не исключено, что она могла услышать обрывки разговора... Но как только она расслабленной походкой двинулась к вышеуказанному столику, холодные глаза Смурьгина скользнули по ней и остановились, точно две стеклянные рыбы, вмерзшие в глыбу льда. Яна поняла, что скрыться некуда и потому, демонстрируя завидную непринужденность, поздоровалась. Смурьгин быстро овладел собой и ответил ей сухим кивком и сипловатым «здрасьте».

— Можно присесть? — как ни в чем ни бывало улыбнулась Яна.

Ее хладнокровие и беззаботность тем больше впечатляли, что она узнала приятеля Смурьгина. Не дожидаясь ответа, она села на лавку, рядом с... Гулько.

— Здравствуйте, Денис, — с тайным ликованием, в котором сквозило тонкое злорадство, произнесла она, — не ожидала вас здесь встретить.

— Я вас, признаться, тоже, — не растерялся и ответил за друга Смурьгин, — чем обязан? — грубо спросил он.

— Хотела с вами поговорить, — Яна взяла меню и подозвала жестом руки официантку, — крабовый салат и апельсиновый сок.

Девушка в нарядном костюме благодушно улыбнулась и отправилась на кухню.

— Милое заведение, — тоном беспечной кокетки продолжала Яна, — тихое, оформлено со вкусом.

— Что вам надо? — Смурьгин вперил в Яну острый недружелюбный взгляд.

— Я и понятия не имела, что вы знакомы, — честно сказала Яна и бросила ироничный взор вначале на Смурьгина, потом на Гулько.

Последний, видимо, все еще не мог собраться с мыслями, ошеломленный встречей с Милославской.

— А что это запрещается? — с вызовом спросил Смурьгин.

— Да нет, наоборот, приветствуется, — Яна хитро посмотрела в лицо Виктора Сергеевича, не выражающее ничего, кроме злобного раздражения. — Я начну с того, что в силу своих способностей и имеющихся в моем распоряжении фактов проясню сложившуюся ситуацию...

— Какую ситуацию? — насмешливо спросил Смурьгин.

— Вокруг фирмы «Уют», — Яна краем глаза наблюдала за выражением лица Гулько, который еще ниже склонился над тарелкой. — Надеюсь, это не лишит вас аппетита.

— Да что вы себе позволяете! — издал приглушенный возглас обычно такой спокойный Смурьгин, — устраиваете слезку, а потом намекаете...

— Я не намекаю, — резко возразила Яна, — я говорю прямо. Итак, с чего же мы начнем?.. Ах да, с Насти Парамоновой. Вы ее хорошо знали. Вы должны помнить, что помогли ее родителям избавиться от квартиры, — Яна саркастично усмехнулась, — Санталов тоже был в курсе, но сейчас это не имеет никакого значения. Вы, думаю, познакомили его с Парамоновой. Познакомили, руководствуясь собственной выгодой. Вы также, будучи прекрасно знакомы и имея влияние на Оксану, подтолкнули ее нанять господина Радзиевского, чтобы он произвел съемку любовных утех Юрия с Настей. Настя не интересовалась персонально теми людьми, которые сыграли злую шутку с ее родителями. Обладая прагматичным умом, недолго думая, она купила родителям новое жилье, поставив крест на их роскошной квартире, перешедшей в ваше владение. Я не могла понять, зачем Оксане понадобились две пленки, если принять во внимание, что она просто решила добыть доказательства измены мужа. Вы, очевидно, деликатно попросили Радзиевского сделать копию и передать ее вам. В ресторане «Золотое плато» Радзиевский за вознаграждение вручил пленку Оксане, а вам передал копию. За что вы, полагаю, отблагодарили этого опытного видеомастера.

Предложив Настю Санталову, вы планировали свалить на нее вину за убийство последнего. Проще говоря, подставить девушку. У нее был мотив — проведенная «Уютом» в лице его директора афера с недвижимостью ее родителей. Итак, — Яна повернулась к Гулько, — вы, Денис, свели знакомство с Оксаной, поджидая удобного случая... Думаю, что Санталов пригласил вас, Виктор Сергеевич, на ту злополучную вечеринку, но вы отказались, хотя уцепились за эту возможность лишиться своего шефа жизни. Денис знакомится, я возвращаюсь, к событиям, непосредственно предшествовавшим этому «празднику», с Оксаной, проникает в дом Санталовых, в нужный момент открывает дверь и впускает убийцу.

— Бред, — хмыкнул нервно передернувший плечами Гулько, — Виктор Сергеевич... — он со смесью досады и упрека посмотрел на скривившегося в презрительной гримасе Смурьгина.

Смурьгин молчал, только его пустой взгляд перебегал с предмета на предмет, словно желал на чем-то зацепиться и не мог. В этот драматический момент официантка принесла Милославской заказ. Та взяла

салфетку и стала протирать ей приборы.

— Нет, это были не вы, — она одарила посеревшего от ненависти и еле сдерживающегося от резкого жеста Смурьгина снисходительным взглядом, — стрелявший был среднего роста, как доказала баллистическая экспертиза. Скорее всего это был тот парень, который не далее как вчера встречался с вашей матушкой у мэрии, а потом чуть не прикончил меня...

Яна внезапно замолчала, приковав взор к лицу Смурьгина. Она заметила испарину, выступившую у него на лбу, заметила, как дернулось полуприкрытое веко, увидела, как он сжал лежавшую на столе салфетку. Неожиданно он поднял на нее глаза, жевать он прекратил с момента начала разговора. На Яну обрушилась холодная ярость. Пустой взгляд приобрел пронзающую силу стрелы, стрелы, отравленной ядом.

— Я права? — Яна принялась за салат.

— У вас мрачное воображение, — выдавил он из себя, — этак можно насочинять...

Смурьгин попробовал изобразить насмешливую улыбку, но его губы сами собой растянулись в горькой ухмылке. Гулько упорно молчал, он даже попытался вернуться к еде — все это время, склонившись над тарелкой, Денис с достойным панегирика вниманием рассматривал кусок отбивной, — но ему помешало волнение, которое он ценой героических усилий сдерживал и которое было для Яны столь же очевидным, сколь и забавным.

— Я мог бы послать вас куда подальше, — осклабился Смурьгин, — но я не делаю этого по той простой причине, что прощаю одиноким женщинам подобные бредни. Отсутствие внимания со стороны мужчин может привести еще не к таким тягостным последствиям.

На его полных губах застыла язвительная усмешка. Гулько дернулся в припадке безмолвного смеха.

— Ваше пошлое замечание ни в коей мере не унижает меня, ибо лишний раз подтверждает вашу вину. Если бы вы не раздражались, если бы правда не колола вам глаза, вы бы не стали опускаться до такой банальщины. И потом, откуда вам известно, что я живу одна? Вы интересовались мной? А еще говорите, что я обделена вниманием со стороны противоположного пола!

Теперь настала Янина очередь усмехаться. Она дала хороший отпор Смурьгину, хотя в ее планы не входило препирательство с ним. Конечно, она не могла не предположить, что ее обвинения вызовут негативную реакцию, но все же ей хотелось просто выплюнуть в лицо этому подонку все что она о нем думает, а не заниматься с ним словесным пин-понгом.

Наивная мысль, особенно если учесть, что Яна чувствовала людей.

— Вы, Денис, — Яна снова обратила взоры к Гулько, — впустили убийцу, а потом разыграли спектакль с вызовом милиции. Прикинулись овечкой... Тот парень, которому вы поручили обтяпать это дельце, выстрелил вам в руку. Ваше пушечное ранение тоже было частью представления, как и то, что Оксана останется жива. Думаю, вы хотели использовать ее в качестве свидетеля и далее... Зная, какое влияние вы, Виктор Сергеевич, на нее имеете, становится понятным, что вы намерены были задействовать ее в деле присвоения фирмы. Но это позже... Вот почему Денис, когда я встречалась с ним, был немного расстроен. План слегка пошел наперекосяк — Санталова получила большую дозу свинца, чем вы рассчитывали. Или тот парень был неосторожен, или у него сдали нервы. Где вы его нашли? И где вы нашли Могутина? Не думаю, что в Санталова стрелял этот безработный — его вы наняли, чтобы убрать Санталову в больницу. Только вот не пойму, что изменилось в ваших планах, что вы вдруг захотели ее убить?

— Какой еще Могутин? — искренне, как показалось Яне, изумился Гулько.

— Это мне надо у вас спросить, — томно улыбнулась Яна, — расскажите, Денис, как вы подбросили кассету Насте?

— Чушь! — возмутился тот, — Виктор Сергеевич, — он озабоченно взглянул на часы. — Нам пора.

— Вы сказали девушке, чтобы она спряталась. Убедили, что она попала в жуткую передрагу и непонятно чем все это кончится. Не знаю, где она отсиживалась... Скорее всего в Устиновке. Знаете такое миленькое селение?

Яна приковала к Гулько долгий испытующий взгляд.

— А сами проникли в ее жилище, спрятали пистолет в ее белье, потом подбросили кассету с записью любовных сцен в ее сумку, чтобы показать, что она якобы шантажировала Санталова, но перед этим вы убили ее...

— Я пошел, — вскочил Гулько.

— Не торопись, — стал вдруг подозрительно равнодушным Смурьгин, — давай дослушаем.

Смурьгин сменил тактику. Видимо, он понял, что целесообразнее играть роль безразличного слушателя. Эта безучастность, по его мнению, должна была доказать его полную непричастность. А может, он задумал нечто криминальное... И стал вдруг спокоен — доказательств нет, а эта женщина столь хрупка и одинока!

— А потом устранили Радзиевского, когда поняли, что я близко

подобралась, — ровным голосом продолжала Яна, не отрывая проницательного взгляда от Гулько.

Они сидели так близко друг к другу, что это прямое Янино разглядывание могло бы показаться стороннему наблюдателю неприличным.

— Но и на этом вы не успокоились, вам потребовалась еще и Панина. Ее вы решили использовать, чтобы выманить меня из дома. Не знаю, кто стрелял в меня, вы или тот, кто гнался за мной вчера...

— Вы никогда не писали сценариев или детективов? — как на идиотку посмотрел на нее Смурьгин, — уверяю вас, вы бы здорово преуспели. Пошли, Денис. Самое интересное мы выслушали, остальное, чувствую, будет довольно скучно.

Гулько поднялся первым — ему давно не терпелось покинуть кафе.

— Если будете и впредь преследовать меня, — огрызнулся Смурьгин на прощанье, я пожалуюсь кому следует.

— Какой веселый каламбур! — засмеялась Яна. — Я еще не закончила... — она разочарованно вздохнула, глядя, как неуклюже Смурьгин, будучи гигантского роста и внушительной комплекции, выбирается из-за стола. — Я еще хотела задать вам пару вопросов относительно вашего делового сотрудничества с вашей матушкой.

— Вы и так злоупотребили моим терпением, — прошипел Смурьгин. — Счет! — крикнул он официантке.

Та поспешила к столу. Она предоставила Смурьгину чек, взяла деньги и ретировалась. Яна осталась одна. Она совсем не чувствовала себя удовлетворенной этим разговором. И самое главное, у нее не было доказательств. Может, она действовала необдуманно, неосторожно? Конечно, она же сама решила руководствоваться интуицией. Яна допила сок, расплатилась и покинула кафе. Она поймала машину и проехала пару кварталов до отделения. От дежурного позвонила Руденко. Он распорядился, чтобы ее пропустили. Она поднялась на второй этаж и без стука вошла в кабинет. Руденко был один. На его лице сияла довольная улыбка.

— Что-то ты расстроенная! — воскликнул он.

Яна опустила на стул. Увидев поблескивающую, как надраенная алюминиевая кастрюля, физиономию лейтенанта, она расхотела делиться с ним своими сомнениями, да и вообще что-либо рассказывать.

— А ты что такой счастливый?

— В передовики выбился, — хитро посмотрел на нее Руденко — может, в звании повысят. Намек был. Эх! Давай за это, а?

Он кивнул в сторону сейфа.

— Коньяк, — с гордостью пояснил он, — ты ж любишь...

— Люблю, но сейчас не хочется мне пить, — вздохнула Яна.

— Да что стряслось? — озабоченно спросил Руденко.

— В принципе, ничего, — пожала плечами Милославская.

— Ладно, давай колись, — наседали на нее Три Семерки, — я же вижу — что-то не так.

— Все так, Сеня, — она достала сигарету и, глядя на засаленный рисунок поблекших обоев, закурила.

— Ну ты чего как партизан? — не унимался Руденко, — мне что из тебя, клещами все вытягивать нужно? Держи, — он достал из сейфа коньяк, плеснул на дно в два граненых стакана, один пододвинул ей. — За мое возможное повышение, — он одним глотком выпил содержимое и поставил стакан на стол.

Яна пить не стала. Она теперь рассматривала инвентаризационный номер, красной краской нанесенный на дверку большого — в человеческий рост — сейфа, размышляя, стоит ли говорить лейтенанту о своем разговоре со Смурьгиным. Наконец она решилась.

— Знаешь, Сеня, — начала она, — у меня сейчас был прелюбопытный разговор со Смурьгиным. Хотя говорила по большей части я, но все же у меня сложилось впечатление, что он один из тех, кто замешан в этих убийствах.

Лейтенант заинтересовался, но вида не подавал, кивая с отсутствующим видом.

— Я его увидела на улице, совершенно случайно, — почти не соврала Яна, — пошла за ним и увидела, что он встретился с одним из участников той злополучной вечеринки — Денисом Гулько.

— С Гулько? — оживился лейтенант. — Ну и что же дальше?

Яна как можно подробнее пересказала ему содержание своей сегодняшней беседы и добавила: — Нужно их брать, Сеня, пока они еще кого-нибудь не прихлопнули. Теперь, когда я прижала их к стенке, они ни перед чем не остановятся, чтобы спасти свои задницы.

— Все, что ты мне рассказала, — без особого оптимизма заявил Руденко, лохматя кончиком шариковой ручки свои пышные усы, — конечно, очень интересно.

— Интересно? — с вызовом спросила Милославская, жалея, что вообще затеяла этот разговор.

— Интересно, но не более, — Руденко плеснул себе еще коньяка и выпил, — все что ты рассказала, всего лишь предположения, гипотезы, так

сказать, на основании которых мне никто не даст ордера на арест. Я, как представитель власти, должен действовать на основании закона, как ни смешно это звучит в наше время, а законных оснований на арест у меня нет. Да, Смурьгин знаком с Гулько, ну и что? Это же не основание. А твои видения и впечатления к делу не пришьешь. Кстати, на конверте, изъятом в квартире Могутина, есть отпечатки пальцев, но они не принадлежат никому из подозреваемых. Так что твоя теория не такая уж стройная.

— Чего ты несешь, Семен Семеныч? Закон... Представитель власти... — презрительно произнесла Яна. — Да задержи ты этих подонков, сделай у них обыск, сними отпечатки пальцев. Я уверена, что найдутся и улики, только не нужно сопли жевать и лопать коньяк, в то время, как преступники гуляют на свободе.

— Ну хватит, — обиделся Три Семерки, — мы, между прочим, здесь тоже работаем.

Он хотел еще что-то добавить, но на столе зазвонил телефон и он сорвал с аппарата трубку.

— Руденко, — рявкнул он. — Да. Да, знаю, она у меня, — он бросил трубку и повернулся к Яне. — Вот, кстати, звонят люди, которые охраняют тебя, хотя я просил, чтобы ты из дома пока не выходила.

— Что значит, не выходила? — не выдержала Яна. — Сидя дома я не смогу собрать так необходимые тебе факты. Если ты не хочешь никого задерживать, то я собираюсь встретиться с Аленой Петровной Шевчук и поговорить с ней. Думаю, после этого у тебя будут факты.

— Я запрещаю тебе встречаться с кем бы то ни было! — взревел Руденко. — Хватит с меня головной боли. Да, мы по твоей наводке нашли тело Парамоновой, да, ты обнаружила копию кассеты у матери Оксаны Санталовой, да, ты предотвратила покушение на нее, да, ты видела как стреляли в Радзиевского, — перечислял лейтенант, — но это нас ни на миллиметр не приблизило к раскрытию убийства Санталова.

— Ах, не приблизило?! — вскочила Милославская. — Может, ты еще скажешь, что я только создаю вам лишние проблемы? Да если бы не я, ты бы списал все на Настю Парамонову, закрыл бы дело и сдал его в архив. Я же понимаю, почему ты так возмущаешься: тебе просто лень работать. А я подкидываю тебе факты, от которых ты не можешь просто так отмахнуться. Чао, дорогой лейтенант, — она направилась к выходу, — сидите здесь в своем вонючем кабинете.

Хлопнув дверью, она вышла в коридор.

— погоди, — остановил ее Руденко, выскочив следом, — пойдем, поговорим.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

О встрече с Аленой Петровной Милославская договорилась по телефону. Яна позвонила в мэрию, Шевчук оказалась там, и ее пригласили к аппарату. Милославская представилась, напомнила, где они последний раз встречались и попросила встретиться с ней по «квартирному вопросу». Алена Петровна, оказывается, напрочь забыла, что видела Милославскую у мэрии, но встретиться согласилась, причем сама назвала место и время — у главного входа в Городской парк в семь часов вечера. «Раньше никак не смогу — дела», — пояснила она. Время вполне устраивало Яну. Она успела съездить домой, чтобы перекусить и переодеться и в назначенное время ожидала Шевчук возле огромных, никогда не закрывавшихся ворот парка. Джемма, которую хозяйка на всякий случай взяла с собой, крутилась тут же неподалеку, не особо, впрочем, привлекая к себе внимание.

Было уже начало восьмого, а Алены Петровны все еще не было. Ожидая, Милославская успела закурить вторую сигарету, когда появилась Шевчук. Она неспеша шла от дороги по аллее, ведущей к воротам парка. Яна сразу же узнала ее. Это была крупная полноватая женщина, с гордо поднятой головой и пронзительным взглядом из-под полуприкрытых век. Когда она подошла ближе, Милославская на какое-то мгновение даже засомневалась, может ли такая женщина быть аферисткой. Но вспомнив, что она узнала о ней от Ирины да и не только от нее, она тут же отогнала от себя эти сомнения.

— Добрый вечер... Яна Борисовна, если не ошибаюсь, — Алена Петровна повернула к Милославской широкоскулое лицо, пытливо рассматривая ее.

— Здравствуйте, — Яна выдержала ее взгляд, мысленно отдав Джемме команду не приближаться, но держаться где-нибудь неподалеку.

— Так что у вас за квартирный вопрос? — с ходу начала Шевчук. — какие проблемы?

Алена Петровна прошла через ворота в парк и Милославской пришлось последовать за ней.

— Он не совсем квартирный, — сказала она, догнав Шевчук, — но к квартирам имеет самое непосредственное отношение...

Сказав это, Яна замолчала и Алена Петровна решила ей помочь.

— Вы хотите приобрести квартиру? — улыбаясь одной стороной рта спросила она, — сколько комнат: две, три, может быть, больше?

— Не будем играть в кошки-мышки, — довольно резко произнесла Милославская, — вы знаете, что речь пойдет не о квартире, хотя и о квартирах тоже. Только не пытайтесь убедить меня, что ваш сын не поставил вас в известность о том, что мне известно.

— И что же вам известно, милочка? — Алена Петровна продолжала идти вперед, вглубь парка.

Пока они шли, Милославская несколько раз оглядывалась, пытаясь среди голых стволов разглядеть силуэт Смурьгина или еще кого-то, кто, как ей казалось, должен был за ними следить, но никого не увидела. Только редкие прохожие в это сумеречное время обгоняли их или попадались навстречу.

— Не нужно называть меня милочкой, — предупредила ее Яна, — тем более что ничего милого вы от меня не ждете. То что я знаю, я уже рассказала Виктору Сергеевичу, но если вы настаиваете, могу вкратце повторить.

— Если вам не сложно.

— Хорошо, — кивнула Милославская, — а вы поправьте меня, если я в чем-то ошибусь.

— Можно я сперва проверю содержимое вашей сумочки, — хитро улыбнулась Шевчук.

— Конечно, — Яна щелкнула замочком.

— Странно, ничего нет, — беззастенчиво порывшись в чужой сумке, произнесла Алена Петровна, — а в карманах?

Пришлось Яна вывернуть карманы пальто и дать ощупать себя, чтобы Шевчук убедилась, что никакого диктофона у нее с собой нет.

— Ха-ха-ха, — даже рассмеялась Алена Петровна, — вы что же, действительно ничего с собой не взяли? Ну да ладно, давайте вашу версию.

— Ваш сын — Виктор Смурьгин — был приятелем Санталова, на которого он работал, — начала Милославская. — Вы, втеревшись в доверие к служащим мэрии, снабжали фирму «Уют» квартирами, предназначенными очередникам. Но вас не устраивало, что приходилось делиться с Санталовым.

— Не забывайте, — вставила Алена Петровна, — что делиться приходилось и с работниками мэрии.

— Да, — согласилась Яна, — но с этим вы ничего поделать не могли, а вот Санталов был вам как кость в горле, и вы решили от него избавиться. Не знаю, была ли у вашего сына интрижка с женой Санталова или нет, но он, будучи в курсе походов своего шефа, сумел представить все это Оксане таким образом, что той потребовались доказательства. Она

связалась с Радзиевским, обратиться к которому ей тоже посоветовал ваш Виктор. Когда Радзиевский каким-то образом снял на пленку развлечения Санталова и Насти...

— О, это было не сложно, — усмехнулась Шевчук, — Виктор тоже иногда прибегал к услугам Парамоновой. Он и впустил в ее квартиру Радзиевского, чтобы тот установил камеру. Эта дура даже ничего не заметила. Продолжайте, пожалуйста...

— Так вот, после этого пленку Радзиевский отдал Оксане, а копию — вашему сыну, — Милославская закурила, изредка поглядывая на бесстрастный профиль Алены Петровны. — Вы уже тогда решили подставить Парамонову, подсунув ей кассету. А вечеринка, задуманная Санталовыми, оказалась вам просто подарком. Только вот Гулько... — задумчиво произнесла Милославская, — как-то он не совсем вписывается в эту аферу. Хотя постойте, — перед ее мысленным взором вновь возникла «Мадонна», в которой она только теперь «опознала» Алену Петровну, — Денис ведь тоже ваш сын, — поняла наконец она. — Ну конечно, как же я сразу не догадалась, — быстрее заговорила Яна, — он и открыл дверь убийце.

— У них были разные отцы, — мечтательно заметила Шевчук.

— После того как убийца скрылся, — продолжала Яна, — Денис «объяснил» Насте, что оставаться здесь ей нельзя, договорился с ней о встрече, после чего вызвал милицию. Никто и не подумал, что раненый участник вечеринки является одним из организаторов убийства. Думаю, убийца — тот самый мужчина в куртке, который что-то требовал от вас возле входа в мэрию, — Яна остановилась и постаралась заглянуть Шевчук в глаза.

— Кремер, — презрительно бросила Алена Петровна, — бывший «афганец», — она тоже остановилась, — полгода назад отдал мне двадцать восемь тысяч долларов на две квартиры — себе и приятелю. К сожалению с квартирами ничего не получилось.

— И не должно было получиться, — грустно улыбнулась Милославская.

— Вы очень догадливая, — бросила Шевчук и снова двинулась вперед, направляясь в отдаленный, пустынный конец парка, — но я сказала ему, что в его бедах виноват Юрий Николаевич, мол, зажимает квартиры и если его убрать, то никаких проблем не будет. Кремер согласился — а что ему оставалось делать? Виктор передал ему пистолет и привез к дому Санталовых, Денис отпер дверь, дальнейшее было делом техники, но Кремер запсиховал — у них у всех с головой не в порядке — и начал

палить во все стороны — одна пуля даже зацепила моего мальчика.

— Но это оказалось очень кстати, — добавила Милославская. — И что же вы собирались делать дальше?

— С Кремером нужно было кончать — он полностью вышел из-под контроля, но он от нас не уйдет, — спокойно сказала Алена Петровна.

— Вот только с Оксаной у вас получилась неувязочка, — поддела ее Милославская, — ваш очередной исполнитель — Могутин — не смог перерезать трубки и лишит Оксану питания.

— Могутин? — Шевчук на ходу пожала плечами, — не знаю такого. Да и зачем нам ее убивать? Если она выживет — сделает все так, как ей скажет Виктор, если же нет, мы и без нее обойдемся.

— Так вы его не нанимали?

— Я же объяснила вам, — нахмурилась Шевчук, — никакого Могутина я не знаю.

— Но Радзиевского-то вы убрали?

— Этот придурок позвонил и сказал, что вы до него докопались, — вздохнула Алена Петровна, — если бы он рассказал о кассете и о Викторе, у нас возникли бы большие неприятности... Кремера уже использовать было нельзя, поэтому пришлось действовать самостоятельно.

— Н вы использовали его, когда отправили следить за мной, — не выдержала Милославская.

— Он продолжал психовать, вы же видели, — убедительно произнесла Шевчук, — пришлось дать ему задание, чтобы как-то отвлечь от ненужных мыслей.

— Вы приказали ему убить меня?

— Я сомневалась, что у него это получится... И оказалась права. К сожалению... — добавила Алена Петровна, останавливаясь в самом глухом уголке парка, соседствующим со стадионом. — Теперь придется действовать самостоятельно.

— Самостоятельно у вас уже однажды не получилось, — напомнила ей Милославская.

— Вы имеете в виду тот вечер, когда нам пришлось вытащить мать Оксаны? — усмехнулась Шевчук и ее взгляд не предвещал ничего хорошего. — Мы разбирали эту оплошность. Собака дернула вас на мгновение раньше, чем прозвучал выстрел, поэтому Витя подумал, что уколошил вас. Он ведь стрелял почти в упор... Теперь он не промахнется. И ваша собачка, которая нас все время сопровождала, не сможет вам помочь, Правда, Витя?

Она посмотрела куда-то за спину Милославской, и та обернулась.

Через пролом в железобетонном заборе, отделявшем парк от стадиона, появился Смурыгин, за которым выбрался Гулько, придерживая поврежденную руку другой. У Виктора Сергеевича был пистолет с глушителем, ствол которого он направил на Милославскую. Денис вынул из-за пояса точно такой же и направил его на Джемму, которая замерла шагах в десяти от хозяйки.

— Я не промахнусь, мама, — заверил Смурыгин Алену Петровну и передернул затвор, досылая патрон в патронник. Только вот выстрелить он не успел.

— Так, суки, — Яна, которая теперь глядела в сторону проема, увидела как в нем появился Кремер. У него тоже был пистолет, но без глушителя, — всем стоять, никому не двигаться, — в глазах Кремера бегали бешенные огоньки.

Видимо, появление Кремера оказалось незапланированным, потому что вся семейка замерла, как вкопанная.

— Бросай оружие, гниды, — Кремер сделал несколько шагов в направлении группы, — а не то мозги вышибу!

Братья переглянулись и разжали руки.

— Где мои деньги, тварь? — Кремер, бешено вращая глазами, подбежал к Алене Петровне и схватил ее за грудки свободной рукой. — Стоять! — прикрикнул он на братьев, которые было бросились на выручку мамаше, — руки на голову или я убью ее.

Те, сделав по паре шагов, остановились в нерешительности.

— Господи, Саша, — Шевчук удивленно посмотрела на Кремера, стараясь придать своему голосу большую убедительность, — да я уже приготовила твои деньги. Тебе только нужно за ними прийти. А может, ты хочешь, чтобы я сама привезла их тебе?

— Ты все брешешь, старая перечница! — возопил Кремер, — полгода пудришь мне мозги. Давай деньги сейчас или прощайся с жизнью, кошелка драная! Я за эти деньги в Афгане кровь проливал!

Он вошел в такой раж, что забыл следить за братьями. Воспользовавшись подходящим моментом, они подняли оружие, но стрелять не решались, боясь попасть в мать.

— Ну, жаба болотная, — орал Кремер, тряся Шевчук за ворот шубы, — где мои деньги?!

Смурыгин подкрался к нему сзади и рукояткой пистолета врезал по затылку. Охнув, Кремер выронил пистолет, ноги его подогнулись и он, все еще держась за ворот шубы, начал опускаться на холодную землю. Для верности, Смурыгин еще раз двинул его рукояткой по голове и, наконец,

рука Кремера разжалась и он грузно плюхнулся на спину.

— Мама, — Смурыгин приобнял Алену Петровну, — ты в порядке?

— В порядке, — отстранилась она и кивнула в сторону Милославской, — теперь займитесь делом. Каким-то образом ей удалось раскопать столько, что даже если у ментов не будет улики, они сделают все, чтобы улики появились. Кончайте ее, пистолет вложите в руку этому придурку, а его пистолет отдадите ей. Получится, что это Кремер ее укокошил. Поняли меня?

— Мамуля, ты — гений, — Смурыгин поднял свой пистолет и приготовился надавить на курок, направив ствол на Милославскую.

Джемма, про которую все забыли, в диком прыжке вцепилась ему в предплечье и повалила, увлекая за собой.

— Убей ее, — крикнула Шевчук Денису, — показывая на Яну.

— Милиция, всем оставаться на местах, вы окружены, — раздался голос, усиленный динамиками.

Гулько от неожиданности выронил оружие и кинулся бежать к пролому, но несколько человек в масках сбили его с ног и скрутили руки за спиной. Джемма в это время, не обращая ни накого внимания, продолжала глотать предплечье Смурыгина. Тот орал благим матом, стараясь как-то высвободиться, но тщетно. Алену Петровну подхватили с двух сторон и защелкнули наручники.

— Забери собаку-то, — появился откуда-то Руденко, — а то еще этот молодец помрет от разрыва сердца.

Он подождал, пока Джемма, подчиняясь команде, оставит Смурыгина, и снял маленький микрофон, который был закреплен у Яны под воротником пальто.

— Молодец, Яна Борисовна, — ухмыляясь в усы похвалил он.

* * *

Поработав с конвертом, который на радостях дал ей Руденко, Яна с большой долей вероятности могла сказать, кто вручил его Могутину. Она встретилась с Санталовой, которая заплатила ей за работу и, оставив отпечатки на фарфоровой чашке, в которой пила приготовленный Яной кофе, дала возможность сравнить их с оставленными на конверте. Они совпали. Яна сообщила Руденко о своем открытии. Тот принял меры к задержанию.

Санталова долго возмущалась и все отрицала. Она даже намекнула на

то, что Яна, считавшая ее замешанной в покушении на Оксану, если уж она такая чистая и принципиальная, не должна была брать у нее деньги. Руденко пересказал Яне эти по-комичному прозвучавшие слова. Яна усмехнулась, что ей еще оставалось делать? Когда она получала гонорар, у нее были только предположения относительно организаторской деятельности Санталовой. Так что... Она не испытывала угрызений совести, ведь она не раз рисковала жизнью, чтобы распутать этот клубок.

Замечание Санталовой заставило ее еще раз убедиться, что о высокой морали обычно рассуждают безнравственные люди.